

ISSN 2072-8549 (print)
ISSN 2310-6646 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ЭКОНОМИКА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ СОВРЕМЕННОГО
ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКОЙ
И ПРОВЕДЕНИЕМ СДЕЛОК СЛИЯНИЯ
И ПОГЛОЩЕНИЯ КОМПАНИЙ

ИНТЕРНАЛИЗАЦИЯ ЛИКВИДНОСТИ КАК ФАКТОР
РАЗРУШЕНИЯ БИРЖЕВОГО РЫНКА

2021/ № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8549 (print)

2021 / № 3

ISSN 2310-6646 (online)

серия
ЭКОНОМИКА

Рецензируемый научный журнал.

Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 08.00.01 – экономическая теория (экономические науки); 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки).

**The peer-reviewed journal
was founded in 1998**

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Economics» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in the following disciplines: 08.00.01 – Economic theory (Economic sciences); 08.00.05 – Economics and Economic administration (in different fields and spheres) (Economic sciences)

ISSN 2072-8549 (print)

2021 / № 3

ISSN 2310-6646 (online)

series
ECONOMICS

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.

Серия: Экономика»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Желтенков А. В. — д-р экон. наук, проф.,
Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Шкодинский С. В. — д-р экон. наук, проф.,
Московский государственный областной университет

Ответственный секретарь:

Путятина Л. М. — д-р экон. наук, проф.,
Московский авиационный институт (национальный
исследовательский университет)

Члены редакционной коллегии:

Журавлева Г. П. — д-р экон. наук, проф.,
Российский экономический университет имени
Г. В. Плеханова;

Ковалев А. П. — д-р экон. наук, проф., Московский
государственный технологический университет
«Станкин»;

Мантаева Э. И. — д-р экон. наук, проф.,
Калмыцкий государственный университет имени
Б. Б. Городовикова;

Папцов А. Г. — академик РАН, д-р экон. наук, проф.,
Федеральный научный центр аграрной экономики
и социального развития сельских территорий —
Всероссийский научно-исследовательский институт
экономики сельского хозяйства;

Рагулина Ю. В. — д-р экон. наук, проф.,
Федеральный научный центр аграрной экономики
и социального развития сельских территорий —
Всероссийский научно-исследовательский институт
экономики сельского хозяйства;

Томчак Д. — профессор экономики,
Университетский колледж Эстфолл (Норвегия);

Чех Р. — профессор, профессор экономики,
Университет Флориды в Джексонвилле (США)

ISSN 2072-8549 (print)

ISSN 2310-6646 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика» — печатное издание, в котором публикуются статьи по вопросам управления отраслями народного хозяйства, развития финансово-экономических процессов в России и за рубежом.

Журнал адресован преподавателям вузов, докторантам, аспирантам, научным сотрудникам, финансовым аналитикам, менеджерам, специалистам банков, инвестиционных и страховых компаний, а также всем интересующимся достижениями экономической науки в России и за рубежом.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 – 73343.

Индекс серии «Экономика»

по Объединённому каталогу «Пресса России» 40725

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. — 2021. — № 3. — 138 с.

© МГОУ, 2021.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел.: (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Economics»:
Moscow Region State University

Issued 4 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

A. V. Zheltenkov – Dr. Sci. (Economics), Professor,
Moscow Region State University

Deputy editor-in-chief:

S. V. Shkodinsky – Dr. Sci. (Economics), Professor,
Moscow Region State University

Executive secretary of the series:

L. M. Putyatina – Dr. Sci. (Economics), Professor, Mos-
cow Aviation Institute (National Research University)

Members of Editorial Board:

G. P. Zhuravleva – Dr. Sci. (Economics), Professor, Ple-
khanov Russian University of Economic;

A. P. Kovalev – Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow
State Technological University “Stankin”;

E. I. Mantaeva – Dr. Sci. (Economics), Professor,
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov

A. G. Paptsov – Academician of the Russian Academy
of Sciences, Dr. Sci. (Economics), Professor, Federal Sci-
entific Centre of Economics and Social Development of
Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricul-
tural Economics;

J. V. Ragulina – Dr. Sci. (Economics), Professor, Federal
Research Centre of Agrarian Economy and Social Devel-
opment of Rural Areas – All-Russian Research Institute
of Agricultural Economics;

D. Tomczak – Professor of Economic sciences, Ostfold
University College (Norway);

R. Cech – PhD, Professor of Economic sciences, Florida
State College in Jacksonville (USA)

ISSN 2072-8549 (print)

ISSN 2310-6646 (online)

Peer-reviewed scientific journal “Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Economics” – is a print publication that publishes articles on the questions of the national economy sectors management, the development of financial and economic processes in Russia and abroad.

The journal is addressed to the teachers of universities, doctoral students, PhD students, researchers, financial analysts, managers, bank specialists, investment and insurance companies specialists, as well as everyone interested in the achievements of economic science in Russia and abroad.

The series «Economics» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС 77 - 73343.

Index series «Economics» according to the union catalog «Press of Russia» 40725

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Economics. – 2021. – № 3. – 138 p.

© MRSU, 2021.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2021.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Малиновский Л. Ф., Малиновская Е. Л.** Экономическое поведение: взаимосвязь институционального и психологического подходов. 6
- Салихов Б. В.** Ретроспектива качественных форм политэкономических моделей социально-экономического развития. 13
- Сарафанова А. Г., Сарафанов А. А.** Воздействие COVID-19 на мировую туристскую индустрию 23

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

- Андреюк В. Ю.** Анализ современного состояния внешнеторгового взаимодействия России и Германии в контексте национальных интересов российского предпринимательства 35
- Бессарабов В. О.** Интеграция механизма обеспечения экономической безопасности в стратегию развития предприятия. 44
- Боев А. Г.** Методика оценки готовности промышленных комплексов к реализации стратегий институциональных преобразований. 59
- Желтенков А. В., Федотова М. А.** Задачи информационной политики формирования устойчивой деловой репутации промышленной организации. . . 73
- Кудряков Р. И., Красильщиков В. В.** Механизм противодействия рисковому ситуациям при осуществлении инновационной деятельности в промышленном секторе Владимирской области. 83
- Моттаева А. Б.** Конкурентоспособность отраслей промышленности как фактор обеспечения экономической безопасности России. 97
- Погодина Т. В., Веселовский М. Я., Чуева И. И.** Развитие инновационно-инвестиционных процессов в промышленности в условиях цифровизации экономики. 108
- Семенова Г. Н.** Оценка тенденций развития бизнеса в России в условиях пандемии COVID-19 122

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

- L. Malinovsky, E. Malinovskaya.** Economic Behavior: The Relationship Between Institutional and Psychological Approaches 6
- B. Salikhov.** Retrospective of Qualitative Forms of Politeconomic Models of Socio-Economic Development 13
- A. Sarafanova, A. Sarafanov.** Impact of COVID-19 on the World Tourism Industry . 23

ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

- V. Andreyuk.** Analysis of the Current State of Foreign Trade Cooperation Between Russia and Germany in the Context of the National Interests of Russian Entrepreneurship. 35
- V. Bessarabov.** Integration of the Mechanism of Ensuring Economic Security into the Development Strategy of the Enterprise 44
- A. Boev.** Methodology for Assessing the Readiness of Industrial Complexes to Implement Institutional Transformation Strategies. 59
- A. Zheltenkov, M. Fedotova.** Objectives of the Information Policy for the Formation of a Sustainable Business Reputation of an Industrial Organization 73
- R. Kudryakov, V. Krasilshchikov.** Mechanism for Risk Situations Counteraction When Carrying Out Innovative Activities in the Industrial Sector of Vladimir Region 83
- A. Mottaeva.** Competitiveness of Industrial Sectors as a Factor of Ensuring Russia's Economic Security 97
- T. Pogodina, M. Veselovsky, I. Chueva.** Development of Innovative-Investment Processes in Industry in the Context of Economy Digitalization. 108
- G. Semenova.** Assessment of Business Development Trends in Russia Under the COVID-19 Pandemic 122

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.16

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-6-12

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ

Малиновский Л. Ф., Малиновская Е. Л.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить влияние институциональных и психологических факторов на поведение индивидов и обосновать необходимость их учёта.

Процедура и методы. В статье рассмотрены современные подходы к объяснению экономического поведения, показана актуальность использования наряду с традиционными методами экономической теории институциональных и психологических подходов, которые расширяют и дополняют традиционный анализ и понимание мотивов поведения индивидов, действующих в определённой среде. В работе наряду с традиционными экономическими методами применяются институциональные и бихевиористские (психологические), в т. ч. наблюдение, сопоставление, анализ и представление обобщённых результатов.

Результаты. В ходе работы показана необходимость интеграции и взаимосвязи современных неоклассических, институциональных и психологических подходов к изучению поведения индивидов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты работы показывают необходимость комплексного использования инструментов различных социальных наук (экономики, психологии, социологии) при изучении экономического поведения и вносят определённый вклад в совершенствование инструментария данных исследований.

Ключевые слова: институциональная среда, институциональные и психологические детерминирующие факторы, иррациональность, когнитивные искажения, эффекты экономического поведения

ECONOMIC BEHAVIOR: THE RELATIONSHIP BETWEEN INSTITUTIONAL AND PSYCHOLOGICAL APPROACHES

L. Malinovsky, E. Malinovskaya

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the influence of institutional and psychological factors on the behavior of individuals and to substantiate the need to take them into account.

© СС BY Малиновский Л. Ф., Малиновская Е. Л., 2021.

Methodology. The article discusses modern approaches to explaining economic behavior, shows the relevance of using, along with traditional methods of economic theory, institutional and psychological approaches that expand and supplement the traditional analysis and understanding of the motives of behavior of individuals operating in a certain environment. Along with traditional economic methods, institutional and behavioral (psychological) methods are used, including observation, comparison, analysis and presentation of generalized results.

Results. In the course of the work, the necessity of integration and interconnection of modern neoclassical, institutional and psychological approaches to the study of the behavior of individuals is shown.

Research implications. The results of the work show the need for the integrated use of tools of various social sciences (economics, psychology, sociology) in the study of economic behavior and make a certain contribution to improving the tools of these studies.

Keywords: institutional environment, institutional and psychological determinants, irrationality, cognitive distortions, effects of economic behavior

Введение

Современный этап развития экономической науки характеризуется всё более тесной интеграцией и переплетением различных социальных и общественных наук при объяснении экономического поведения. Существующие сегодня неоклассические, институциональные и психологические (поведенческие) подходы позволяют более качественно и всесторонне описывать поведение экономических субъектов с учётом различных социальных, экономических и психологических факторов.

Очевидно, что существующие неоклассические подходы к объяснению экономического поведения должны дополняться институциональными и психологическими (поведенческими) факторами.

В соответствии с неоклассическими воззрениями поведение экономических агентов представляется как рационально максимизирующее (на основе сопоставления предельной полезности и предельных издержек), в результате чего индивиды максимизируют полезность и доход. Данный подход предполагает, что взаимодействие происходит как бы в чистой среде, без учёта социальных и иных факторов, являющихся очевидными детерминантами поведения. Конечно, данная интерпретация носит достаточно абстрактный характер.

Неоклассическая теория имеет свои преимущества, она позволяет выявлять предпочтения индивидов вне среды обитания. Такая модель «*homo economicus*» описывает поведение «идеального индивида», владеющего всей необходимой информацией, демонстрирующего совершенную рациональность, результатом чего являются равновесные исходы, характеризующиеся, как правило, парето-оптимальностью [1, с. 51–55].

Институциональный анализ экономического поведения предполагает учёт социальных детерминирующих факторов – институтов на макроуровне, мезоуровне, микроуровне и наноуровне (уровне индивида), что значительно повышает объективность и адекватность результатов анализа.

В последнее десятилетие всё более популярным направлением становится поведенческое, изучающее психологические аспекты экономического поведения. Работы представителей данного направления посвящены нерациональному поведению индивидов, влиянию различных психологических когнитивных факторов на их выбор и решения.

Задача данной работы в том, чтобы подробнее (насколько позволит формат публикации) рассмотреть институциональные и психологические аспекты эко-

номического поведения, которые имеют важное теоретико-методологическое и прикладное значение для совершенствования инструментария исследования поведения индивидов. Такой междисциплинарный подход позволит использовать более широкий инструментарий как экономических, институциональных, так и психологических факторов и учесть их при объяснении принятия решений индивидами и их выбора. Цель – показать, что поведение индивидов обуславливается и детерминируется целым комплексом социальных факторов и, что в рамках традиционного экономического подхода описание поведения будет неполным. Поэтому рассмотрим современные подходы и разработки в рамках институциональной теории и когнитивной психологии. Исследования в данном направлении ведутся в рамках современного институционального и психологического направлений [2; 3; 4; 7; 10].

Институциональные детерминанты экономического поведения

Вовлечение в экономический анализ институтов стало важным достижением современной экономической науки. По определению нобелевского лауреата по экономике Д. Норта, институты – это «правила игры» в обществе, по которым «играют игроки», т. е. организации и индивиды. Институты рассматриваются как совокупность формальных правил, неформальных норм и санкций и вознаграждений, обеспечивающих их выполнение [8, с. 24–31]. Необходимо различать институциональную среду (макроуровень), институциональную структуру (мезоуровень), институциональные соглашения (микроуровень) и наносреду (институциональные рамки индивида). Институты обладают координирующим и распределительным эффектами, т. е. они структурируют, координируют и направляют любые экономические решения, действия и взаимодействия, детерминируют и обуславливают поведение индивидов, групп и организаций, снижая неопределённость и структурируя повторяющиеся взаимодействия [11].

Институциональная среда является многоуровневой и состоит из базисных политических, социальных и юридических правил, задающих вектор общественного развития. Формальные и неформальные правила и нормы, которые образуют институциональную среду, с одной стороны, определяются существующим (и постоянно развивающимся) нормативно-правовым полем, с другой – представляют собой характерные для данного общества, сообщества обычаи, традиции, нравы и т. п., или, по-другому, национальную хозяйственную культуру, менталитет [6, с. 24–31].

Появилось великое множество работ о национальной хозяйственной этике, которая влияет на экономическое поведение и которая формируется на протяжении значительного исторического периода. Выстраивая институциональную среду, важно понимать взаимосвязь и взаимовлияние формальных правил, устанавливаемых государством, и неформальных норм, формируемых в процессе длительного общественного развития. Это актуализирует институциональные изменения, соответствие и согласование формальных и неформальных институтов (первые принимаются достаточно быстро, а вторые – инерционны и консервативны) [6, с. 27]. Если соответствия нет (или новые формальные правила не принимаются большинством членов общества по причине несоответствия их ожиданиям), возникают институциональные ловушки, препятствующие эффективному развитию. Появляются (институционализируются) третьи неформальные нормы, а они более живучи, носят самоподдерживающий инерционный характер и негативно влияют на экономические взаимодействия и результаты. Примеров институциональных ловушек достаточно много, особенно они актуальны для трансформационных и развивающихся экономик.

Помимо многоуровневости и сложности институциональной среды следует отметить и её «фрагментарность», т. к. объективно невозможно обеспечить «фронтальное блокирование нежелательного типа поведения», которое проявляется в оппортунистическом рентоориентированном поведении [7, с. 201–202], в нарушении существующих правил и т. п.

Ещё одной проблемой институциональной среды является её дихотомичность, т. е. двойственность. Это проявляется в априорном несоответствии и несогласованности формальных и неформальных правил и норм, что связано с различиями в механизмах формирования этих правил и норм (неформальные нормы консервативны и инерционны, а формальные – относительно значительно более подвижны и изменчивы). Помимо этого, согласованность интересов и ожиданий всех индивидов и организаций и на федеральном, и на региональном, и на местном уровнях всегда проблематична. Исследователями отмечается наличие подобной проблемы в России, отражающейся в поведении и «привычном образе мысли и действий» (по Т. Веблену) предпринимателей, потребителей, чиновников [5; 11]. Данную дихотомию надо учитывать, если мы хотим выстроить эффективную институциональную среду, задающую мотивы и стимулы поведения.

Кроме институциональной среды, важными детерминантами экономического поведения являются: институциональная структура (мезоуровень), институциональные соглашения (микроуровень) и институциональные рамки индивидов.

Согласно подходам ряда авторов, институциональная структура включает в себя базовые неизменные институты, составляющие институциональную среду («матрицу») общества, и институциональные формы, которые постоянно обновляются и могут целенаправленно видоизменяться индивидами. Посредством институциональных соглашений индивиды взаимодействуют между собой, заключают формальные и неформальные контракты, определяя правила и формы взаимодействия [9]. Координирующая роль контрактов как институтов особенно очевидна на этом уровне. Институциональные рамки конкретного индивида задаются конфигурацией прав собственности, представляющей собой систему стимулов и мотиваций к тому или иному экономическому поведению [7, с. 208–217].

Психологические факторы поведения индивидов

Современное поведенческое направление дополняет и расширяет наше понимание поведения «homo economicus», учитывая психологические, эмоционально-волевые и мотивационные факторы. Когнитивные психологи Даниэль Канеман и Амос Тверски выпустили работы по материалам эмпирических исследований «Теория перспектив: изучение процесса принятия решений в условиях риска» и «Принятие решений в условиях неопределенности: правила и предубеждения», где показали, что люди в основной своей массе ведут себя иррационально, и пришли к выводу, что нерациональность – это норма, а рациональность – исключение. Нобелевский комитет в 2002 г. присвоил Д. Канеману эту высокую премию Шведской королевской академии наук. Предшественником Канемана и Тверски был ещё один нобелевский лауреат Г. Саймон, известный разработкой теории ограниченной рациональности, показавший, что в основе человеческого поведения лежит стремление не к максимальным, а к удовлетворяющим (по принципу «приемлемо / неприемлемо») результатам.

Теория перспектив опровергает классические постулаты максимизации и открывает новые подходы к объяснению поведения индивидов. Индивиды не в состоянии вероятностно оценить будущие выгоды и потери, т. к. делают это, исходя

из сравнения с некими стандартами и прошлым опытом, прежде всего, стремясь избежать потерь. Отсюда большее стремление не потерять, а не выиграть [4, с. 22–31]. Максимизация уходит на второй план. Разумеется, такие выводы противоречат неоклассическим постулатам максимизирующего поведения.

Описанию воздействия психологических факторов, в т. ч. когнитивных искажений, на поведение посвящены также труды Д. Ариели и Р. Таллера (последний также нобелевский лауреат), которые расширяют горизонт наших представлений о процессе принятия решений и выборе [2; 10]. Когнитивные искажения в самом общем виде понимаются как склонность мыслить в узком ключе, что приводит к отклонению от мышления, основанного на логике. Когнитивные искажения влияют на повседневное поведение, будь то покупки, продажи, общение с друзьями, как мы воспринимаем и оцениваем окружающий мир и т. п. В рамках поведенческой экономики изучается великое множество различных эффектов, которым подвержен индивид. И эти эффекты напрямую влияют на его выбор, принятие решений, на действия и поступки. К примеру, эффект присоединения к большинству показывает стремление людей к групповому мышлению – поступать, как большинство. Эффект якорения показывает излишнюю склонность людей доверять первой информации и принимать решения, исходя из неё. Этим умело пользуются продавцы, продвигая свои товары, а это уже управляемый потребительский выбор. В общем, в реальной жизни действует огромное количество социально-экономических и психологических детерминантов поведения, принятия решений и выбора.

Перед нами не стоит задача раскрыть содержание всех эффектов поведенческой экономики (в рамках данной публикации это невозможно), но стоит отметить, что данное направление значительно дополняет понимание различных детерминантов поведения индивидов.

Заключение

Понимание экономических, институциональных и психологических факторов поведения в совокупности даёт нам инструментарий для более всестороннего и объективного исследования процессов принятия решений, выбора, мотивов и стимулов поведения. Поведение индивидов детерминировано не только «чисто экономическими соображениями», как это представляется в рамках традиционного «экономикса», но и институтами на 3-х уровнях (макро-, микроуровне и уровне индивида), а также психологическими когнитивными факторами, оказывающими значительное влияние на принятие решений, выбор и поведение в целом.

Очевидно, сегодня возникла настоятельная необходимость интегрированного подхода в изучении поведения индивидов, групп и организаций, использующего как традиционные неоклассические методы, так и инструментарий, наработанный в рамках институционального и психологического направлений современных исследований.

Статья поступила в редакцию 02.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998. 230 с.
2. Ариели Д. Предсказуемая иррациональность. Скрытые силы, определяющие наши решения. М., 2019. 336 с.
3. Канеман Д. Думай медленно. Решай быстро. М., 2016. 704 с.

4. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в условиях неопределенности. Правила и предубеждения. Харьков, 2021. 540 с.
5. Клейнер Г. Б. Эволюция экономических институтов в России. М.: ЦЭМИ РАН, 2003. 129 с.
6. Малиновский Л. Ф., Малиновская Е. Л. Проблемы развития отечественной хозяйственной культуры и менталитета // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 24–31.
7. Милгром П., Робертс Дж. Экономика, организация и менеджмент. СПб., 2001. 415 с.
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
9. Природа фирмы / под ред. О. И. Уильямсона, С. Дж. Уинтера. М., 2001. 360 с.
10. Таллер Р. Новая поведенческая экономика. М., 2018. 368 с.
11. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М., 2003. 282 с.

REFERENCES

1. Avtonomov B. C. *Model cheloveka v ekonomicheskoi nauke* [Human model in economic science]. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 1998. 230 p.
2. Arieli D. *Predskazuemaya irratsionalnost. Skrytye sily, opredelyayushchie nashi resheniya* [Predictable irrationality. The hidden forces that shape our decisions]. Moscow, 2019. 336 p.
3. Kahneman D. *Dumai medlenno. Reshai bystro* [Think slowly. Decide quickly]. Moscow, 2016. 704 p.
4. Kahneman D., Slovik P., Tversky A. *Prinyatie reshenii v usloviyakh neopredelennosti. Pravila i predubezhdeniya* [Making decisions in the face of uncertainty. Rules and prejudices]. Kharkiv, 2021. 540 p.
5. Kleiner G. B. *Evolutsiya ekonomicheskikh institutov v Rossii* [Evolution of economic institutions in Russia]. Moscow, TSEMI RAN Publ., 2003. 129 p.
6. Malinovsky L. F., Malinovskaya E. L. [Problems of the development of domestic economic culture and mentality]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Economics]. 2016, no. 4, pp. 24–31.
7. Milgrom P., Roberts J. *Ekonomika, organizatsiya i menedzhment* [Economics, Organization and Management]. St. Petersburg, 2001. 415 p.
8. Nort D. *Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow, Foundation for the Economic Book «The Beginning» Publ., 1997. 180 p.
9. Williamson O. I., Winter S. J., eds. *Priroda firmy* [The nature of the firm]. Moscow, 2001. 360 p.
10. Taller R. *Novaya povedencheskaya ekonomika* [New behavioral economics]. Moscow, 2018. 368 p.
11. Hodgson J. *Ekonomicheskaya teoriya i instituty* [Economic theory and institutions]. Moscow, 2003. 282 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Малиновский Леонид Феликсович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории Московского государственного областного университета;
e-mail: mlf49@yandex.ru

Малиновская Елена Леонидовна – аспирант кафедры общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: malinovskaya_elena@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leonid F. Malinovsky – Cand. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Department of Economic Theory, Moscow Region State University;
e-mail: mlf49@yandex.ru

Elena L. Malinovskaya – postgraduate student, Department of general and pedagogical psychology, Moscow Region State University;
e-mail: malinovskaya_elena@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Малиновский Л. Ф., Малиновская Е. Л. Экономическое поведение: взаимосвязь институционального и психологического подходов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 3. С. 6–12.
DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-6-12

FOR CITATION

Malinovsky L. F., Malinovskaya E. L. Economic behavior: the relationship between institutional and psychological approaches. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2021, no. 3, pp. 6–12.
DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-6-12

УДК 330.34

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-13-22

РЕТРОСПЕКТИВА КАЧЕСТВЕННЫХ ФОРМ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Салихов Б. В.*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. На основе анализа и характеристики специфики качественной целостности реальных политэкономических моделей современного социально-экономического развития выявить их креативный и научно-практический потенциал для системного обеспечения прогрессивной динамики общественного сектора национального и регионального хозяйства.

Процедура и методы. В работе использованы методологический потенциал диалектики «общего и особенного», структурно-генетический и воспроизводственный подходы к выявлению специфики релевантных политэкономических форм догоняющего и лидирующего социально-экономического развития.

Результаты. Конкретизирован вывод о далеко не использованном потенциале индивидуалистического концепта в современном социально-экономическом развитии, причём даже в странах лидирующей группы. Обоснована критическая значимость цивилизационной идентичности и национальных социокультурных особенностей при «точной» разработке соответствующих политэкономических моделей социально-экономической динамики. Доказан императив наиболее полного учёта, в рамках объектного пространства и логики политэкономического анализа, феномена нарастания сложности во взаимосвязи универсального и индивидуального в системе развития разных стран.

Теоретическая и/или практическая значимость. Научно-практическое значение выводов и интегральных положений исследования заключается в возможности их использования для анализа релевантных проблем развития социума и экономики, а также для разработки рекомендаций в сфере экономической политики, направленной на оптимизацию общественного и частного сектора хозяйства.

Ключевые слова: политэкономическая модель, политэкономический анализ, индивидуалистический концепт, гражданское общество, правовое государство, цивилизационная идентичность, социально-экономическое развитие

RETROSPECTIVE OF QUALITATIVE FORMS OF POLITECONOMIC MODELS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

B. Salikhov*Moscow State Linguistic University
119034, Moscow, Ostozhenka ul., 38, Russian Federation*

Abstract

Aim. Based on the analysis and characteristics of the specifics of the qualitative integrity of real political and economic models of modern socio-economic development, to identify their creative,

scientific and practical potential for the systematic provision of the progressive dynamics of the public sector of the national and regional economy.

Methodology. The methodological potential of the dialectic of «general and particular» is used, as well as the structural-genetic and reproductive approach to identifying the specifics of the relevant political and economic forms of catching-up and leading socio-economic development.

Results. The conclusion about the far from being used potential of the individualistic concept in modern socio-economic development, and even in the countries of the leading group, is concretized. The critical importance of civilizational identity and national socio-cultural characteristics in the “point” development of the corresponding political and economic models of socio-economic dynamics has been substantiated. The imperative of the most complete accounting, within the framework of the object space and the logic of political economic analysis, of the phenomenon of increasing complexity in the relationship between the universal and the individual in the development system of different countries has been proved.

Research implications. The scientific and practical significance of the conclusions and integral provisions of the article lies in the possibility of their use for the analysis of relevant problems of the development of society and the economy, as well as the development of recommendations in the field of economic policy aimed at optimizing the public and private sectors of the economy.

Keywords: *political* economic model, political economic analysis, individualistic concept, civil society, rule of law, civilizational identity, socio-economic development

Введение

В последнее время исследователи всё чаще обращаются к проблематике моделей политэкономического развития различных социально-экономических систем [11; 13; 14]. Это не случайно, поскольку действующая монетарно-либеральная парадигма оказывается дисфункциональной перед вызовом «вековой стагнации», разрушительный потенциал которой может привести к тяжёлым социально-экономическим и природным последствиям [4; 6]. В связи с этим предлагаемые варианты социально-экономического развития, а также релевантные политэкономические модели, разрабатываемые в рамках традиционного монетарно-либерального концепта, требуют пристального анализа. Это позволит выявить реальный потенциал данного концепта, а также наметить контуры и оценить возможные императивы соответствующих научно-практических модификаций. При этом проблематика ретроспективы качественных форм действующих политэкономических моделей экономического развития существенно актуализируется интенциями «бегства от свободы» [17], а также становления патерналистских систем организации хозяйственной деятельности человека и социума, особенно в условиях современной пандемии.

На основе краткой ретроспективы ключевых политэкономических форм современного социально-экономического развития (традиционное «общее») рассмотрим их аналитический потенциал и оценим возможности их дальнейшего использования (новое «особенное»). В задачи исследования входят:

1. дать характеристику политэкономической модели догоняющего социально-экономического развития, основанной на экстрактивном институциональном капитале;
2. раскрыть политэкономическое качество лидирующего развития, координируемого инклюзивными институтами и реализующего потенциал монетарно-либеральной модели методологического индивидуализма.
3. ответить на вопрос: является ли действующая политэкономическая модель лидирующего развития созидательно перспективной или требуется её существенная «ревизия» с последующим качественным обновлением.

В качестве *гипотезы* предположим, что монетарно-либеральное качество действующей политэкономической модели (даже в странах лидирующего развития) не является «концом истории» методологического индивидуализма и что потенциал данного концепта не только может, но и должен иметь иные, созидательные, формы научно-практической реализации.

Среди действующих теоретико-методологических парадигм и политэкономических моделей выделяются две интегральные формы: *догоняющая* (сущностный признак: авторитарная «демократия» и система несменяемой государственно-бюрократической власти-собственности, контролируемой релевантной правящей элитой и соответствующим бюрократическим классом) и *лидирующая* (сущностный признак: индивидуалистическая демократия и система сменяемой власти, формируемой в процессе политической конкуренции и контролируемой гражданским обществом свободных индивидов) [13; 14]. Очевидно, что в «чистом» виде названные формы едва ли существуют; скорее имеет место множество смешанных и даже *гибридных* моделей развития. В частности, в современном отечественном хозяйстве действует «лидирующая» по конституционной форме (во всяком случае, до недавнего времени, пока не были существенно изменены конституционные «правила о правилах»), но догоняющая (в авторитарно-этатистском смысле) по содержанию.

При этом давно доказано самой жизнью, что если государство, как деспотический Левиафан, и социум, всецело контролируемый государством, господствуют над индивидом, то последний прекращает своё существование как носитель духа свободы. Здесь индивид «растворяется» даже не в социуме (который тоже теряет своё гражданское качество), а в мифически «всемогущем» государстве. Ключевым фактором, разграничивающим политэкономические формы социально-экономического развития, являются институциональные системы стран-лидеров и стран-аутсайдеров. Отсюда методологический ракурс данного исследования основывается на логико-гносеологическом и одновременно на сравнительном анализе политэкономических моделей, специфика которых определяется целостностью институциональных систем, которые, в свою очередь, являются функцией либо этатизма (догоняющая форма, экстрактивные институты и иррациональная демократия), либо индивидуализма (лидирующая форма, инклюзивные институты и реальная демократия) [13; 14].

Характеристика политэкономической модели

Основные признаки политэкономической модели догоняющего социально-экономического развития включают следующие элементы:

1. Государство идеологически объявляется высшей ценностью, а также смыслом жизни и деятельности человека и общества, что приводит к развитию у населения этатистского, патерналистского типа менталитета и одноимённого социального характера.

2. Индивид превращается в иррациональную личность, поскольку существует лишь в физическом, но не в социально-политическом плане, т. к. полностью «растворяется» в государстве, видя в нём смысл своего бытия, источник собственного благополучия и фактор защиты (в этом суть феномена «бегства от свободы» и соответствующего «механизма бегства», который показал Э. Фромм [17, с. 135–147]). Сама же личность в данной модели предстаёт как «развёрнутое» государство, ибо государство «живёт» в каждом «углке» сознания человека и интересы государства не просто «выше», но и «поглощают» интересы отдельной личности.

3. Само государство как единственный либо ключевой собственник всех экономических благ целенаправленно воссоздаёт конституционные «правила о правилах», постконституционные «правила игры», механизмы распределения доходов, а также расширенно воспроизводит и укрепляет существующую систему частно-бюрократической власти-собственности.

4. В условиях господства такой власти-собственности объективно не возникает полноценного частного сектора экономики с реальной защитой прав собственности и набором действительных свобод индивида. Здесь нет даже общественного сектора, поскольку нет самого гражданского общества; здесь есть государственная экономика и огосударствленные индивиды, и человек здесь «не проживает свою жизнь», он живёт и работает так, как ему указывает государство в лице конкретного чиновника. Люди в такой системе делятся на 2 большие группы: начальников и подчинённых, – и ключевым условием «успеха» здесь является не набор реализованных креативных и творчески-трудовых интенций, а лояльность начальству.

В упрощённом виде политэкономическая модель авторитарной системы (политической экономии догоняющего развития) показана на рис. 1.

Рис. 1 / Fig. 1. Общая политэкономическая модель страны догоняющего социально-экономического развития / General political economic model of the country of catching-up socio-economic development.

Источник: составлено автором.

Политэкономический анализ общественного (государственного) сектора хозяйства в рамках такой модели является чаще всего фикцией со стремлением «утопить» сущность ключевых проблем в идеологических лозунгах. Здесь «явление» действительного политэкономического анализа принимает очертания «видимости» в силу определённых обстоятельств. Во-первых, факт «растворения» в государстве и утраты индивидом своего *личностного суверенитета* не позволяет системно анализировать его креативно-интеллектуальную экологию и творческий потенциал, поскольку индивид не обладает реальной собственностью и, следовательно, *индивидуальностью* в созидательном смысле. Ведь «разумность собственности заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо выступает как разум» [5, с. 101].

Во-вторых, невозможно высокоэффективно анализировать созидательный потенциал общества, поскольку в условиях экстрактивных институтов данное общество, как и составляющие его личности, также «растворено» в государстве. Это означает невозможность осуществить полноценный анализ становления конституционной и постконституционной экономики. В-третьих, в созидательном смысле бесперспективным является политэкономический анализ самого государства, которое всецело превратилось в инструмент укрепления авторитарной власти пра-

вающей элиты и бюрократического класса. В-четвёртых, бессмысленным становится анализ не существующего общественного сектора экономики, ибо при отсутствии гражданского общества нет и одноимённого сектора. Здесь формируются и развиваются политэкономические суррогаты в форме «государственного сектора» и «государственной собственности».

Альтернативой догоняющему развитию является политэкономическая модель лидерства с сущностным признаком в форме индивидуалистической демократии с системой общественной власти-собственности (гражданское общество создаёт и контролирует государство, что и делает его правовым). Данная модель содержит гораздо больший аналитический потенциал. При этом критически значимые её элементы включают:

- Ценности и смыслы методологического индивидуализма, обуславливающего поведение каждого субъекта как воинствующего индивида, стремящегося к максимизации своей полезности, причём такая поведенческая экономика является, как известно, весьма противоречивой в социокультурном плане, что, конечно же, видится весьма серьёзной проблемой [7; 16]. Здесь ценностно-смысловой «проект» (цель максимизации полезности и доходности оправдывает любые средства) может стать благодатной почвой для сомнительных функциональных концептов (например, приоритет денежных целей над целями действительного человеческого развития; приоритет уровня жизни над качеством жизни; экономический рост при ускоренной деградации природного капитала и др.) [1; 2].

- Базисным положением методологического индивидуализма является реально защищённые свобода и собственность индивида, стремящегося самостоятельно реализовать свой творчески-трудовой потенциал. Здесь действует мощный мотивационный капитал индивида, система его устойчивой заинтересованности в различных формах самореализации. При этом, как отмечал Г. Гегель, «ведение права гласит: будь лицом и уважай других в качестве лиц» [5, с. 98]. Однако экономическая реализация свободной и защищённой собственности отнюдь не гарантирует приоритета именно духовно-нравственного, созидательного вектора в системе социокультурных инноваций.

- Индивиды, вступая в развивающий обмен-общение и осуществляя расчёт согласия к коллективным действиям, формируют гражданское общество, которое выступает как «развёрнутая» личность. В данном случае человек как индивид трансформируется в человека как полноценную личность, причём без потери своей индивидуальности.

- Государство в исследуемой модели предстаёт как продукт общественного производства, причём в своей правовой форме. Такое государство является главным регулятором всего набора транзакций, расширенно воссоздавая релевантные «правила игры». Именно о таком государстве писал Г. Гегель, отмечая, что «справедливость составляет нечто великое в гражданском обществе: хорошие законы ведут к процветанию государства, а свободная собственность есть основное условие его блеска» [5, с. 264].

- Подконтрольное гражданскому обществу и, следовательно, индивидам государство осуществляет развитие общественного сектора экономики, объём которого имеет научное обоснование и находится в режиме оптимального соотношения и высокоэффективного взаимодействия с частным сектором хозяйства.

- Собственно общественный сектор экономики, призванный воссоздавать требуемый объём общественных благ, является производным от частного сектора; общественный сектор есть результат релевантного запроса индивидов, пришедших к соответствующему согласию о коллективных действиях. Это означает, что

«подвижность» всех сфер общественного сектора всегда есть следствие такой же «подвижности» в рамках расчёта индивидуального согласия в контексте «чёткого определения прав людей в отношении их действий» [3, с. 222].

Результатом рассматриваемой модели является реальное повышение уровня жизни, хотя известно, что высокий уровень жизни отнюдь не гарантирует «автоматического» повышения его социокультурного качества. В любом случае индивиды получают именно то, что они хотят получить в результате синхронного и подконтрольного функционирования частного и общественного сектора экономики. Такая модель политической экономии сегодня считается наиболее «удачной», и элиты не хотят что-либо принципиально менять. На рис. 2 показана релевантная, хотя и предельно общая политэкономическая модель страны (региона) лидирующего развития.

Рис. 2 / Fig. 2. Общая политэкономическая модель страны лидирующего социально-экономического развития / General political economic model of a country with leading socio-economic development.

Источник: составлено автором.

Дискуссионные императивы в рамках политэкономической модели лидирующего развития

Очевидно, что политэкономический анализ классической модели демократического капитализма, метафизической основой которой выступает методологический индивидуализм в форме монетарного либерализма и потребительского утилитаризма, является гораздо более содержательным, чем такой же анализ авторитарной системы стран догоняющей группы (стран-аутсайдеров). Здесь меньше пространства для схоластики, надуманных идеологизмов и теоретических метафор, хотя и в данной модели существует большой простор для дальнейшего исследования. Во-первых, в данной политэкономической модели растёт аналитическое пространство, связанное с дальнейшим исследованием собственно индивидуалистического концепта, где ещё немало проблем, обусловленных латентным характером неявного знания, а также тайнами психики как источника «жизненной энергии, включающей в себя так называемую психическую энергию в качестве своего особого вида» [19, с. 61]. Очевидно, что метафизика методологического индивидуализма должна приобрести новую форму, обусловленную экспоненциальным ростом значения индивида как открытой системы, а также актуализацией креативно-интеллектуального качества человеческого капитала, основанного на системе, прежде всего, непередаваемого неявного знания. В современных условиях, как ни-

когда ранее, именно «интеллектуальные акты эвристического типа создают некоторое приращение знания, и в этом смысле они необратимы» [12, с. 114].

Во-вторых, дальнейшему углублённому политэкономическому анализу подлежит механизм «социального равновесия» в сфере расчёта согласия к коллективным действиям, доверительных отношений сотрудничества, «работы» над социальным характером и уточнения элементов цивилизационной идентичности как основы современного гражданского общества. Здесь политэкономический анализ должен быть направлен на конкретизацию современной специфики данного общества, являющегося естественным «договорным» результатом обмена-общения индивидов, всегда стремящихся осуществлять свою творчески-трудовую деятельность в цивилизованных рамках общества свободных и ответственных граждан. Не следует полагать, что где-то существует беспроblemное гражданское общество, поскольку процесс «интенсификации жизни» всегда требует поиска новых социокультурных форм [2; 10]. Существенным, по сути, хроническим провалом действующей политэкономической модели является продолжающаяся её универсализация, слабо учитывающая социокультурные и хозяйственные идентичности других стран и регионов мира.

В-третьих, объектом важнейшего и существенно более детализированного политэкономического анализа остаётся углубляющаяся специфика правового государства как сложнейшего институционального устройства. Предметное поле данного анализа обусловлено многообразием форм правового государства, от «бумажного» (очень слабого) до «деспотического» (авторитарного) Левиафана. Широта отмеченного диапазона предопределяет множество вариантов правового государства, заключающих в себе потенциал постоянного обновления. Прежде всего, имеется в виду активная положительная обратная связь с индивидами и гражданским обществом, без чего невозможна функциональность индивидуалистической демократии; даже частичная потеря такой связи либо её подмена бюрократическими «упрощениями» чревата реальной угрозой для демократии и политических свобод личности. Кроме того, «знаком качества» правового государства является инклюзивный характер воссоздаваемых институтов, т. е. запрашиваемых «снизу», что наилучшим образом побуждает «человека по его собственному выбору... вносить максимальный вклад в удовлетворение потребностей всех остальных» [18, с. 33].

В-четвёртых, сферой особого политэкономического анализа по-прежнему является многоплановый общественный сектор, причём аналитический «центр тяжести» смещается в сторону его институциональной составляющей, в рамках которой всё более интенсивно обновляются «правила о правилах» и «правила игры». В связи с этим политэкономический анализ призван постоянно отвечать на следующие вопросы: достаточны ли для современной экономики уровень качества и объём действующего институционального капитала; обеспечивает ли система институтов высокий уровень мотивации предпринимателей и всех индивидов к высокоэффективной, хотя и спонтанной, творчески-трудовой деятельности [8, с. 347–348]; существует ли институциональное макроравновесие между частным и общественными секторами экономики, а также между национальным и региональными хозяйством; существует ли институциональное мегаравновесие между национальным хозяйством и мировой экономикой в целом и т. д.

В-пятых, к сожалению, областью современного политэкономического анализа по-прежнему является прежде всего уровень, а не качество жизни индивидов. Предполагается, что совсем неплохо, когда большое внимание уделяется доходному статусу домохозяйств, занятости и формам безработицы, созданию институциональных условий для самореализации личности, развитию системы образования

и здравоохранения. Более того, в последние годы исследователи всё чаще уделяют внимание проблемам бедности и неравенства как системным факторам деструкции творчески-трудового потенциала индивидов и общества в целом. Не снимается с аналитической повестки также социально-классовая структура общества, обусловленная уровнем жизни индивидов и другими факторами. Следует, однако, подчеркнуть, что целенаправленные усилия по повышению уровня жизни без должного внимания к его качеству естественным образом воссоздают ментальную модель потребительства и рентоориентированного поведения, что всё в меньшей степени увязывается с действительным предназначением человека как творческого создателя и «меры всех вещей». Очевидно, что политэкономический анализ именно качества жизни (как социокультурной формы уровня жизни) становится всё более актуальным в условиях неуклонного роста требований к креативно-интеллектуальной форме человеческого капитала. Но этот императив пока остаётся вне сферы действующей модели социально-экономического развития.

Заключение

Таким образом, доказательством гипотезы является обоснованное утверждение, что политэкономическая модель, основанная на парадигме методологического индивидуализма и действующая, прежде всего, в странах лидирующей группы, отнюдь не исчерпала своего созидательного эндогенного потенциала. Как показал анализ, несмотря на множество реальных «провалов» действующей формы методологического индивидуализма, нет никаких признаков его *сущностного кризиса*. И если есть «симптомы перехода от нормального исследования к экстраординарному» [9, с. 146], то это лишь требование *существенного обновления* действующей парадигмы, в центре которой по-прежнему остаётся человек, но уже не как воинствующий эгоистический индивид, а как человек-создатель, осуществляющий неустанный поиск «пути к самому себе», обладающий «инновационным, полноценным ... экономическим мышлением и созидательными ценностно-смысловыми установками» [15, с. 144].

Этот вывод тем более актуален и для политэкономической модели догоняющего развития, в т. ч. и в нашей стране, где усиливается системная деструкция общественного сектора хозяйства, нарастает масштабная деградация человеческого капитала, угрожающих размеров достигло социально-экономическое неравенство, что актуализирует такие социокультурные «антиблага», как популизм, патернализм, иждивенчество и, следовательно, потребность во «всесильном» государстве. Этим тенденциям необходимо противопоставить действенные методологические, когнитивные и научно-практические механизмы, являющиеся функцией нового методологического индивидуализма и качественно новой институциональной экономической теории. Другими словами, у данного концепта ещё «есть средства, благодаря которым демократия и общественный интерес могут вновь установить контроль над капитализмом и частными интересами» [11, с. 20].

Статья поступила в редакцию 24.02.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобылев С. Н., Зубаревич Н. В., Соловьева С. В. Вызовы кризиса: как измерить устойчивость развития? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 147–160.
2. Бузгалин А. В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–142.

3. Бьюкенен Д. М. Сочинения. М.: Таурис Альфа, 1997. 560 с.
4. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М., 2018. 304 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
6. Капелюшников Р. И. Идея «вековой стагнации»: три версии // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 104–134.
7. Капелюшников Р. И. Экономическое неравенство – вселенское зло? // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 91–107.
8. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2002. 352 с.
9. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 317 с.
10. Любимов И. Л. От универсализма к индивидуализму: новые подходы к решению проблем экономического роста // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 108–126.
11. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.
12. Полани М. Личностное знание. М.: Книга по требованию, 2013. 342 с.
13. Полтерович В. М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 5–27.
14. Полтерович В. М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 77–103.
15. Салихова И. С. Императивы формирования самообучающейся организации в экономике знаний. М., 2017. 160 с.
16. Салихов Б. В., Салихова И. С., Олигова М. Б. Когнитивная структура экономики и пути повышения качества неявного знания // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2017. № 1 (20). С. 9–20.
17. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009. 284 с.
18. Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Издграф, 2000. 256 с.
19. Юнг К. Г. Об энергетике души. М., 2010. 297 с.

REFERENCES

1. Bobylev S. N., Zubarevich N. V., Soloveva S. V. [Crisis Challenges: How to Measure Development Sustainability?]. In: *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2015, no. 1, pp. 147–160.
2. Buzgalin A. V. [The decline of neoliberalism (to the 200th anniversary of the birth of Karl Marx)]. In: *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2018, no. 2, pp. 122–142.
3. Byukenen D. M. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Taurus Alfa Publ., 1997. 560 p.
4. Vallerstain I. *Mirosistemnyi analiz. Vvedenie* [World-system analysis. Introduction]. Moscow, 2018. 304 p.
5. Hegel G. W. F. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Mysl Publ., 1990. 524 p.
6. Kapelyushnikov R. I. [The idea of «age-old stagnation»: three versions]. In: *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2015, no. 5, pp. 104–134.
7. Kapelyushnikov R. I. [Is economic inequality a universal evil?]. In: *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2019, no. 4, pp. 91–107.
8. Keynes J. M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The General theory of employment, interest and money]. Moscow, Gelios ARV Publ., 2002. 352 p.
9. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions]. Moscow, AST Publ., 2009. 317 p.
10. Lyubimov I. L. [From Universalism to Individualism: New Approaches to Solving the Problems of Economic Growth]. In: *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2019, no. 11, pp. 108–126.
11. Piketti T. *Kapital v XXI veke* [Capital in the 21st century]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2016. 592 p.
12. Polani M. *Lichnostnoe znanie* [Personal knowledge]. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2013. 342 p.

13. Polterovich V. M. [Towards a general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions or culture?]. In: *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2018, no. 11, pp. 5–27.
14. Polterovich V. M. [Towards a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms]. In: *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2018, no. 12, pp. 77–103.
15. Salikhova I. S. *Imperativy formirovaniya samoobuchayushcheysya organizatsii v ekonomike znaniy* [Imperatives of the formation of a self-learning organization in the knowledge economy]. Moscow, 2017. 160 p.
16. Salikhov B. V., Salikhova I. S., Oligova M. B. [Cognitive structure of the economy and ways to improve the quality of tacit knowledge]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Witte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 1: Economics and Management], 2017, no. 1 (20), pp. 9–20.
17. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow, AST Publ., 2009. 284 p.
18. Khaiek F. A. *Individualizm i ekonomicheskii poryadok* [Individualism and the economic order]. Moscow, Izograf Publ., 2000. 256 p.
19. Yung K. G. *Ob energetike dushi* [About the energy of the soul]. Moscow, 2010. 297 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Салихов Борис Варисович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета; e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boris V. Salikhov – Dr. Sci. (Economics), Prof.; Department of Theory of Regional Studies, Moscow State Linguistic University; e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Салихов Б. В. Ретроспектива качественных форм политэкономических моделей социально-экономического развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 3. С. 13–22.
DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-13-22

FOR CITATION

Salikhov B. V. Retrospective of qualitative forms of politeconomic models of socio-economic development. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2021, no. 3, pp. 13–22.
DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-13-22

УДК 379.85

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-23-34

ВОЗДЕЙСТВИЕ COVID-19 НА МИРОВУЮ ТУРИСТСКУЮ ИНДУСТРИЮ

Сарафанова А. Г., Сарафанов А. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119191, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать взаимосвязи между туристской индустрией и экономическим состоянием страны вследствие распространения COVID-19.

Процедура и методы. Проведён анализ статистического материала (количество туристских прибытий, безработных, ВВП стран и т. д.). Оценены изменения в поведении туристов в связи с развитием инфекции, туристского образа дестинаций, в туристском бизнесе, связанные с необходимостью внедрения новых технологий. Изучена теоретическая основа кризисов, бедствий, катастроф и систем с целью определить типологию пандемии коронавируса.

Результаты. Проведённый анализ показал, что COVID-19 негативно отразился на развитии туристской отрасли, что привело к резкому сокращению количества поездок за границу, питания в ресторанах, групповых поездок и покупок туристской страховки. COVID-19 превратился из заражения биологическим вирусом в инфекцию финансового кризиса, а недавно и в экономическую гонку за восстановление прежней финансовой конкурентоспособности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Практическая значимость заключается в необходимости оценки роли инноваций в возрождении и переосмыслении туризма, одновременного укрепления существующих парадигм в электронном туризме. Новая операционная среда, обеспечиваемая мерами против COVID-19, требует от фирм внедрения новых технологий и приложений для обеспечения управления толпами и количеством людей, собранных в общественных местах, т. к. произошёл кризис спроса на туризм.

Ключевые слова: туризм, коронавирус, COVID-19, устойчивость, кризис, пандемия

IMPACT OF COVID-19 ON THE WORLD TOURISM INDUSTRY

A. Sarafanova, A. Sarafanov

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. Explore the relationship between the tourism industry and the country's economic health due to the spread of COVID-19.

Methodology. The analysis of statistical material (the number of tourist arrivals, unemployed, GDP of countries, etc.) is carried out. Changes in the behavior of tourists in connection with the development of the infection were assessed; tourist image of destinations; in the tourism business associated with the need to introduce new technologies. The theoretical basis of crises, disasters, disasters and systems was studied in order to determine the typology of the coronavirus pandemic.

Results. The analysis showed that COVID-19 negatively affected the development of the tourism industry, which led to a sharp decrease in the number of trips abroad, dining in restaurants, group travel and the purchase of travel insurance. COVID-19 has gone from being infected with a biologi-

cal virus to being infected by the financial crisis and more recently into an economic race to restore financial competitiveness.

Research implications. The practical relevance lies in the need to assess the role of innovation in the revitalization and rethinking of tourism, while strengthening existing paradigms in e-tourism. The new operating environment fueled by the COVID-19 measures requires firms to implement new technologies and applications to manage crowds and the number of people gathered in public places as the tourism demand crisis hits.

Keywords: *tourism, coronavirus, COVID-19, resilience, crisis, pandemic*

Введение

Воздействие COVID-19 на туризм будет неравномерным в пространстве и времени, и, помимо человеческого инструмента, оценки показывают огромное влияние на международную экономику. Шок влияет как на сторону спроса (ограничение свободы передвижения, закрытие границ, страх гостей перед инфекцией), так и на сторону предложения (закрытие гостиниц и заведений общественного питания, а также объектов отдыха, используемых для туризма). Количество международных туристов, по оценкам, упадёт до 78%, что приведёт к потере 1,2 трлн долларов США экспортной выручки от туризма и к 120 млн прямых сокращений рабочих мест в сфере туризма, что в 7 раз больше, чем 11 сентября, и будет самым большим спадом в истории¹. Во многих городах мира запланированные поездки сократились на 80–90%². Кроме того, туристская отрасль является одной из важнейших сфер трудоустройства (1 из 10 рабочих мест создаётся в туристской отрасли) [1] и основным источником ВВП для некоторых стран.

Коста-Рика, Греция, Марокко, Португалия и Таиланд могут оказаться в числе наиболее пострадавших, поскольку потери доходов от туризма превысят 3% ВВП. Например, в Таиланде сокращение туризма из-за COVID-19 может привести к сокращению общего экспорта страны на 8 процентных пунктов ВВП. Мексика, пожалуй, самая уязвимая: 15,5% её ВВП приходится на индустрию путешествий и туризма. Испания и Италия также очень уязвимы, поскольку на туризм приходится 14,3% и 13,0% ВВП соответственно. В США, несмотря на всего 8,6% ВВП, сокращение путешествий и туризма по-прежнему создаёт угрозу для 16,8 млн рабочих мест³.

На португальском острове Мадейра 45% активного населения были либо безработными, либо уволенными в середине июля. В Венгрии было потеряно 41 500 рабочих мест на предприятиях, оказывающих услуги размещения и питания. На Ямайке около 300 000 человек потеряли работу из-за блокировок, включая закрытие аэропортов⁴.

Цель данного исследования – изучить причинно-следственные связи влияния пандемии на туристский бизнес, потребителей, жителей городов, регион. Методологическая основа состоит в сочетании спектра исследований, включая

¹ International tourism and covid-19 // UNWTO : [сайт]. URL: <https://www.unwto.org/international-tourism-and-covid-19> (дата обращения: 11.01.2021).

² Coronavirus: A visual guide to the economic impact // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/news/business-51706225> (дата обращения: 11.01.2021).

³ COVID-19: These countries are most at risk from falling tourism // World Economic Forum : [сайт]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/07/coronavirus-covid19-travel-tourism-gdp-economics> (дата обращения: 17.01.2021).

⁴ COVID-19 and Transforming Tourism // United Nations Sustainable Development Group : [сайт]. URL: https://unsdg.un.org/sites/default/files/2020-08/sg_policy_brief_covid-19_tourism_august_2020.pdf (дата обращения: 06.01.2021).

сравнительный, статистический, взаимозависимый многофакторный анализ. Основным методом исследования в статье является системный анализ, позволяющий систематизированно изучить сложную отрасль туризма путём выяснения возможностей улучшения функционирования отрасли в связи с коронавирусной инфекцией. В рамках изучения теоретической основы понятий кризиса, катастроф и бедствий проанализированы работы отечественных и современных исследователей [2; 5; 6; 8; 14; 15; 16; 17; 19; 20; 21; 22; 23; 24]. Для статистической информации использовались электронные источники: UNWTO, BBC news, Hospitalitynet, United Nations Sustainable Development Group, NCBI National Center for Biotechnology Information.

Будучи очень уязвимой отраслью по отношению к многочисленным экологическим, политическим и социально-экономическим рискам, туризм стал устойчивым к восстановлению от различных кризисов и вспышек (например, терроризма, землетрясений). Однако характер, беспрецедентные обстоятельства и последствия COVID-19 демонстрируют признаки того, что этот кризис не только отличается, но и может иметь глубокие и долгосрочные структурные и трансформационные изменения в туризме как социально-экономической деятельности и отрасли.

Кризисы и бедствия

Под кризисом стоит понимать нарушение, которое физически влияет на «систему в целом и угрожает её основным предположениям, её субъективному восприятию, себе, своему экзистенциальному ядру» [19], а бедствия – как «ситуации, когда предприятие ... сталкивается с внезапным непредсказуемым катастрофическим изменением, над которым у него мало контроля» [23]. Основное различие заключается в том, что «причина связана с некоторой внутренней неспособностью организации действовать (кризис) или внешним событием, которое организация не может контролировать (катастрофа)» [21].

Различаются также понятия стихийных бедствий (например, землетрясения, наводнения или эпидемии) и социально-политические / антропогенные катастрофы (например, войны, теракты, политические или экономические кризисы). Пандемия коронавируса является естественной, но, кроме того, социально-политической или антропогенной катастрофой (например, если в центре внимания исследований находится экономическое развитие через управление инфекцией). Её можно исследовать как кризис, если акцент делается на организационных (политических или деловых) действиях.

COVID-19, бесспорно, уникален по масштабу и представляет собой смесь нескольких типологий катастроф и кризисов. Это сочетание натуральной катастрофы, социально-политического кризиса, экономического кризиса и кризиса спроса на туризм.

Б. Фолкнер, Р. Рассел [5] предлагают использовать теорию хаоса и теорию систем [15] для выявления нелинейных связей. Теория хаоса признаёт сложность и непредсказуемую или случайную динамику системы [24].

Для коронавирусной инфекции это означает, что небольшое изменение на один параметр (например, продолжительность блокировок) может привести к совершенно другому результату по многим переменным. Это, например, полезно для прогнозирования событий во время и после кризисов. Так называемые *модели сценария-прогноза* [22] способны включать различные хаотические параметры и предсказывать несколько исходов для разнообразных сложных сценариев.

Внимание сосредоточено на сложных системах (например, экономических, политических и социальных) как нелинейных, спонтанных и сильно взаимосвязанных структурах. Каждая система следует своей собственной логике, создавая часто противоречивые цели. Особенно во время кризисов, мы можем наблюдать, как какая-то система (например, политика) использует логику и аргументацию другой системы (например, экономики), тем самым создаётся противоречие решениям со стороны заинтересованных сторон (например, граждан), которые подчиняются другой системной логике. В туризме, например, идея экономики совместного использования экосистемы [14] подвергается критике со стороны других заинтересованных сторон в сфере туризма (например, жителей) за отрицательные последствия, потому что не всегда следует логике других систем.

Кризисы могут быть триггером изменений, но ни один кризис до сих пор не был значительным переходным событием в туризме [8]. Кризисы также использовались как политический инструмент для стабилизации существующих структур и уменьшения возможности коллективной мобилизации [16]. Поскольку изменения могут быть выборочными и/или необязательными для заинтересованных сторон в сфере туризма (например, туристов, операторов, дестинационных организаций, политиков, местных сообществ, сотрудников), характер и степень преобразований, вызванных кризисом, зависят от того, затрагиваются ли эти заинтересованные стороны.

Туристские кризисы часто разделяют по разным критериям для лучшего понимания. Наиболее распространённые способы различения – это подразделение по географической протяжённости кризиса и различие между эндогенными и экзогенными кризисами. Различение согласно пространственному измерению делит кризисы на географические диапазоны: локальный, региональный, национальный, международный и глобальный. Локальный кризис – это повреждение водой курорта или отеля, например. Влияние на регион уже разрушительно. Ярким примером этого является конкретный регион, пострадавший от наводнения. Гражданскую войну в Сомали можно привести как пример национального кризиса. Это относится ко всей стране Сомали, но не к другим соседним странам. Напротив, косовский кризис описывается как международный, потому что он нарушал границы отдельных стран и напрямую затронул несколько стран. Наконец, террористические атаки 11 сентября и финансовый кризис 2008 г. оказали значительное влияние на мировую туристскую индустрию из-за минимальной мобильности туристов.

Другой вариант дифференциации – это дифференциация между экзогенно и эндогенно вызванными кризисами. Эндогенные причины возникают внутри организации и берут начало в людях или технологиях.

С одной стороны, туризм способствует распространению эпидемий по миру из-за высокой мобильности людей; однако вспышка эпидемии также влияет на туризм. Этот цикл становится особенно очевидным, когда мы говорим об эпидемии атипичной пневмонии в 2003 г. Начиная с провинции на юге Китая, вирус был перенесён в Гонконг через человека-хозяина, откуда он продолжился в мегаполисном отеле. Заражённые гости отелей несли болезнь дальше в свои страны, такие как Канада, Сингапур, Тайвань и др. Спустя относительно короткое время вирусом атипичной пневмонии заразились 8 000 человек в более чем 30 странах мира. Экономические последствия эпидемии также были фатальными: по оценкам Всемирного совета по путешествиям и туризму¹, эпидемия атипичной пневмонии вызвала резкое падение ВВП от туризма во многих пострадавших азиатских стра-

¹ World Travel & Tourism Council WTTC [Электронный ресурс]. URL: <https://wttc.org/> (дата обращения: 06.01.2021).

нах. В Китае ВВП упал на 25%, во Вьетнаме – на 15%, а в Гонконге и Сингапуре – более чем на 40% от значений предыдущего года [20]. Этот пример демонстрирует серьёзные последствия, которые медицинские риски, и в частности эпидемии, могут иметь для международного туризма.

COVID-19 – это кризис экономизированных обществ, основанный на парадигме роста [17]. Коронавирусная инфекция также является результатом пересечения более широких процессов урбанизации, глобализации, изменений окружающей среды, агробизнеса и современного капитализма [2]. Природа туризма (требующая путешествий) – это влияние на наш очень взаимосвязанный и глобальный мир: загрязнение, отходы и изменение климата; глобальное, национальное и региональное экономическое развитие. Поскольку изменение климата увеличивает частоту пандемий и вспышек, ожидается, что эпидемии станут более распространёнными в будущем [18], что, в свою очередь, подчёркивает переплетение между биологическими, физическими и социально-экономическими системами. COVID-19 превратился из заражения биологическим вирусом в инфекцию финансового кризиса, а недавно и в экономическую гонку за восстановление прежней финансовой конкурентоспособности.

Изменение изображения места назначения

Основная концепция формирования спроса туристов – «выбор дестинации, образы, определяемые как «разнообразные когнитивные и эмоциональные ассоциации человека, связанные с местом назначения» [12]. Существующие исследования показывают, что изображения могут меняться со временем; следовательно, необходимо изучить, как пандемия коронавируса меняет изображения конкретных направлений. В частности, некоторые направления (например, Австрия, Италия, Испания, Нью-Йорк или некоторые части Китая) страдали от высокого уровня заражения, и это изменило туристский образ дестинации, который потенциально привыкли видеть туристы. Ведь одним из способов вызвать желание посетить место является использование фотографий в качестве активных рекламных материалов, рассказывающих историю места.

Можно представить 2 феномена, вызванных коронавирусом. Во-первых, направления, подверженные заражению COVID-19, могут нести ответственность в будущем за попытки привлечь туристов из-за ухудшения имиджа. Во-вторых, напротив, эти направления могут извлечь выгоду из благотворительного отношения будущих туристов, которые выбирают эти потрясённые инфекцией направления для возможности экономически поддержать их. Такие соображения должны идти рука об руку с областью туристической сегментации / таргетинга, потому что определённые группы туристов будут более актуальными на этапе восстановления после кризиса [7]. Э. Бекер и Б. Ричи [3], например, особо выделяют посещающих друзей и родственников как соответствующую целевую группу для выздоравливающих мест, поскольку такие путешественники действуют менее агрессивно, чем «обычные» туристы.

Изменения в поведении туристов, жителей

Индивидуальные мотивы потенциальных путешественников представляют собой один из решающих элементов в процессе принятия решения о поездке. Однако из-за почти бесконечного разнообразия возможных направлений для путешествий в современном туризме потенциальные путешественники часто делают выбор в пользу места назначения, в первую очередь в зависимости от ощущения

себя в безопасности в предпочтительном месте. Многочисленные взаимодействия с различными изменениями внешнего мира влияют не только на саму туристскую систему, но и на окружающую среду. Окружающую среду в целом можно разделить на технологические, социокультурные, политические, экономические и экологические изменения. Из-за множества взаимосвязей туризм со всеми его компонентами очень восприимчив к изменениям во всех аспектах окружающей среды. Есть также множество внешних факторов, которые могут существенно повлиять на мобильность путешественников. Эти потенциальные внешние факторы можно разделить на 2 основные категории: естественное предложение места назначения и потенциальный риск кризисов, основанный на различных экологических аспектах.

Предположим, что коронавирусная инфекция оставит глубокие следы в мотивации туристов и изменит то, как они путешествуют. Этот взгляд теоретически более сложный, чем просто описательный и технический подходы, которые демонстрируют сокращение числа путешественников и бронирований как прямое следствие пандемии и ограничений на поездки.

Во-первых, угроза патогенов формирует поведение часто скрытым образом, мышление людей становится более коллективистским [4] при воздействии угрожающей болезни. В результате туристы могут чаще выбирать отечественные, а не зарубежные направления в попытке поддержать собственную экономику – поведение как туристический этноцентризм [11].

Во-вторых, угроза патогенов заставляет туристов большее внимание уделять избеганию скопления людей [26]. Эта склонность может вызвать сдвиг в сознании туристов в отношении путешествий, в результате чего во избежание переполненных и массовых туристских направлений предпочтение будет отдано более отдалённым, менее населённым направлениям.

В-третьих, угроза патогена мотивирует туристов избегать неизвестных вещей и людей (например, ксенофобия) [6]. Таким образом, путешественники также могут проявлять туристскую ксенофобию, что приводит к сокращению количества поездок за границу, питания в ресторанах, количества групповых поездок и покупок туристской страховки (рис. 1).

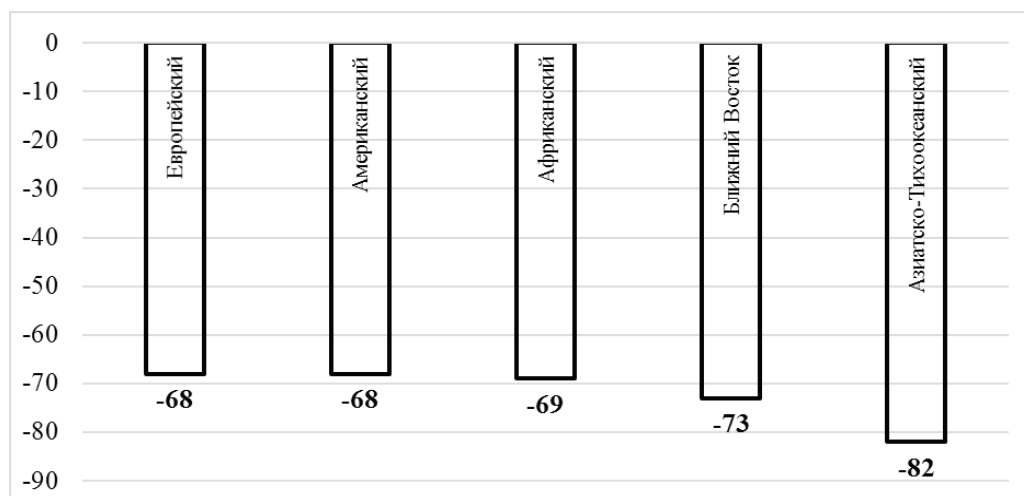

Рис. 1 / Fig. 1. Международные туристские прибытия с января по октябрь 2020 г., в % / International tourist arrivals from January to October 2020, in %

Источник: International tourism and covid-19 // UNWT : [сайт]. URL: <https://www.unwto.org/international-tourism-and-covid-19> (дата обращения: 08.08.2021).

Из-за постоянно меняющегося поведения в сфере путешествий большее количество людей путешествуют во все более далёкие и экзотические направления. Многие страны третьего мира и развивающиеся страны являются привлекательными направлениями для современного туризма, но часто не соответствуют стандартам в отношении гигиенических и медицинских условий. Несмотря на соответствующую информацию туроператоров до заключения контракта о медицинских формальностях, т. е. о правилах вакцинации, многие туристы принимают недостаточные профилактические меры перед такими поездками, чтобы защитить себя от медицинских рисков в местах назначения [9].

На пике кризиса COVID-19 в Китае исследователи опросили 1 627 жителей 3-х городских туристских направлений (Гонконг, Гуанчжоу и Ухань). В ответ на гипотетические сценарии каждого респондента попросили указать свою готовность платить за снижение 3-х типов риска, связанного с туризмом во время пандемии: риск для здоровья (т. е. риск перекрёстной инфекции, нехватка медицинских принадлежностей, сложность профилактики и отслеживание пациентов), социальный риск (например, социальная паника и нестабильность, нехватка товаров и ухудшение состояния окружающей среды) и 3 элемента негативных последствий для туризма (например, репутационный кризис в туризме, конфликты между хозяевами и гостями, ксенофобия). Большинство респондентов в этих 3-х городах были готовы платить, чтобы снизить риск, связанный с туризмом во время кризиса общественного здравоохранения из-за COVID-19. Жители 3-х городов были готовы платить в среднем 300 гонконгских долларов или китайских юаней, при этом более молодые жители готовы платить больше за снижение риска¹.

Таким образом, коронавирусная инфекция может подсознательно изменить поведение как туристов, так и жителей.

Изменения в туристском бизнесе

Инновационные возможности бизнеса играют ключевую роль в условиях кризиса и восстановления после него – к сожалению, туристские предприятия часто страдают от недостатка инноваций. Особенно мелкие операторы, часто составляющие основу туризма, уязвимы в этом отношении. Технологии всегда были движущей силой, катализатором инноваций и изменений, а также инструментом повышения устойчивости туризма в условиях кризиса. COVID-19 ещё больше повысил роль технологий в возрождении и переосмыслении туризма, одновременно укрепив существующие парадигмы в электронном туризме. Пандемия коронавируса требует (на макроуровне) тесного сотрудничества с внешними системами, такими как системы здравоохранения или экстренной помощи. На микроуровне коронавирусная инфекция побуждает бизнес к новым способам работы, например, по правилам социального дистанцирования.

Чтобы понять всё влияние пандемии коронавируса, необходимо учитывать долгосрочные, а также косвенные эффекты. Одним из примеров является устойчивость в индустрии туризма, что было приоритетом для многих заинтересованных сторон в сфере туризма до COVID-19.

В настоящее время мы видим 2 разных сценария. С одной стороны, государство и бизнес стремятся сохранить существующую экономическую систему посредством финансовой поддержки и дерегулирования. Другой сценарий может представлять собой реальную смену парадигмы: из-за внешнего шока многие туристские ком-

¹ Counting the social costs of tourism in the COVID-19 era in Asia // Hospitalitynet : [сайт]. URL: <https://www.hospitalitynet.org/news/4100143.html> (дата обращения: 06.01.2021).

пании закроют свою деятельность. Это может являться возможностью выхода на рынок нового бизнеса.

Кроме того, новая операционная среда, обеспечиваемая мерами COVID-19, требует от фирм внедрения новых технологий и приложений для обеспечения управления толпами и количеством людей, собранных в общественных местах (например, в аэропортах, торговых центрах, музеях, ресторанах, отелях), дезинфекции людей и оборудования для дезинфекции рук, приложений, позволяющих идентифицировать личность и профили здоровья людей [25].

Кроме того, компании во всех секторах, которые несут огромные убытки из-за неустойчивого спроса и сокращения производства, могут принять такие меры, как замена большинства деловых поездок встречами на виртуальных платформах [10].

В мае 2020 г. Norwegian Cruise Line сообщила о квартальном убытке в размере 1,88 млрд долларов¹ и предупредила, что может выйти из бизнеса. На 11 апреля 2020 г. только 3% отелей в Остине, штат Техас, были заняты. На эту дату было занято 342 комнаты по сравнению с 10 777 комнатами, занятыми на ту же дату в 2019 г.

Пандемия затронула мировую пищевую промышленность, поскольку власти закрывали рестораны и бары, чтобы замедлить распространение вируса. Ежедневный трафик ресторанов во всём мире резко упал по сравнению с тем же периодом 2019 г. Закрытие ресторанов вызвало резонанс в смежных отраслях, таких как производство продуктов питания, производство спиртных напитков, вина и пива, доставка продуктов питания и напитков, рыболовство и сельское хозяйство.

Социальное дистанцирование, навязываемое COVID-19, включает в себя такие действия, как сокращение социальных контактов, избегание людных мест или минимизация поездок. Социальное дистанцирование может существенно повлиять на то, как люди воспринимают и оценивают досуг и путешествия (походы, активный отдых, или даже личные услуги, такие как spa). Физическое дистанцирование может повлиять на восприятие туристами опасностей для здоровья, незащищённости и неприятного туристского опыта.

Туризм – это во многом гедонистический и чувственный опыт. Операционные стандарты COVID-19 требуют, чтобы сфера услуг была изменена, устраняя или подавляя сенсорные элементы и «изменяя» туристский опыт, например: запах чистоты вместо аромата; социальное дистанцирование и количество одновременного присутствия клиентов в ресторанах, на фестивалях и других туристских объектах повлияют на новые стандарты психологического комфорта и приемлемые уровни воспринимаемой толпы; повышенные голоса могут вызвать более широкую «зону влажного дыхания», увеличивая распространение вируса; плохо вентилируемые или кондиционированные внутренние помещения могут распространять COVID-19. Изменят ли туристы и туристские фирмы своё поведение и отношение к этим новым возможностям обслуживания COVID-19?

Заключение

Культурные и социальные изменения в современном сервисном и индустриальном обществе, а также технические и экономические инновации, особенно в транспортной системе, привели к огромным изменениям в туристском спросе. Однако другие факторы – возросшая геополитическая стабильность и открытие многих национальных границ – являются причинами всестороннего роста меж-

¹ Norwegian Cruise, Carnival signal demand rebounding by 2021 // Yahoo! Finance : [сайт]. URL: <https://finance.yahoo.com/news/norwegian-cruise-line-swings-1-115414721.html?guccounter=1> (дата обращения: 08.01.2021).

дународного туризма. Несмотря на снижение темпов роста, туризм был одним из самых быстрорастущих рынков в мире, пока мир не столкнулся с пандемией коронавируса.

Такие предложения, как «вещи никогда не будут такими, как раньше», часто звучат после стихийных бедствий и кризисов, но в большинстве случаев это оказывалось недостоверным после возвращения людей к обычному распорядку. Однако на этот раз на некоторые аспекты поведения жителей может повлиять настоящая смена парадигмы. Следуя структуре научных революций Т. Куна [13], это время альтернативных концепций для теоретизирования и понимания мира.

Ещё один негативный аспект этого кризиса заключается в том, что путешественникам требуется время, чтобы вернуться к своей прежней мобильности даже после того, как кризис закончится. На людей в течение длительного времени воздействует окружающая среда страха, беспокойства и незащищённости, и они привыкают оставаться на месте. Эта тенденция ещё больше увеличивает время восстановления индустрии туризма.

Важно отметить, что эта пандемия подчёркивает, что туризм следует понимать в более широком глобальном экономическом и политическом контексте, который определит будущий мир, в котором будет работать туризм. Желание и способность людей выезжать за границу в 2021 г. по-прежнему сталкиваются с препятствиями из-за продолжающейся коронавирусной инфекции, что оставляет неопределённые перспективы для туристской отрасли в больших и малых экономиках. Ожидается, что в первую очередь возродится международный туризм в определённых географических регионах (например, в Европейском союзе). Предполагается, что внутренний туризм, на который приходится около 75% экономики туризма в странах ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), будет восстанавливаться быстрее.

Статья поступила в редакцию 16.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сарафанова А. Г., Шабалина Н. В., Сарафанов А. А. Сельский и агротуризм: подходы к определению // Современные проблемы сервиса и туризма. 2020. Т. 14. № 1. С. 100–108.
2. Global hotspots and correlates of emerging zoonotic diseases / T. Allen, K. A. Murray, C. Zambrana-Torrel, S. S. Morse, C. Rondinini, M. Di Marco, N. Breit, K. J. Olival, P. Daszak // Nature Communications. 2017. Vol. 8. P. 1–10.
3. Backer E., Ritchie B. W. VFR travel: A viable market for tourism crisis and disaster recovery? // International Journal of Tourism Research. 2017. Vol. 19 (4). P. 400–411.
4. Cashdan E., Steele M. Pathogen prevalence, group bias, and collectivism in the standard cross-cultural sample // Human Nature. 2013. Vol. 24 (1). P. 59–75.
5. Faulkner B., Russell R. Turbulence, chaos and complexity in tourism systems: A research direction for the new millennium // B. Faulkner, G. Moscardo, E. Laws, ed. Tourism in the 21st century: Lessons from experience. London: Continuum, 2001. P. 328–349.
6. Evolved disease-avoidance mechanisms and contemporary xenophobic attitudes / J. Faulkner, M. Schaller, J. H. Park, L. A. Duncan // Group Processes & Intergroup Relations. 2004. Vol. 7 (4). P. 333–353.
7. Crisis-resistant tourists / H. Hajibaba, U. Gretzel, F. Leisch, S. Dolnicar // Annals of Tourism Research. 2015. Vol. 53. P. 46–60.
8. Hall C. M., Scott D., Gössling S. Pandemics, transformations and tourism: Be careful what you wish for // Tourism Geographies. 2020. Vol. 22 (3). P. 577–598.

9. Upur N. G., Akbэyэк A. Impacts of COVID-19 on global tourism industry: A cross-regional comparison // National Center for Biotechnology Information : [сайт]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7474895/> (дата обращения: 11.01.2021).
10. Ioannides D., Gyimothy S. The COVID-19 crisis as an opportunity for escaping the unsustainable global tourism path // *Tourism Geographies*. 2020. Vol. 22. P. 624–632.
11. Kock F., Josiassen A., Assaf A. G. Advancing destination image: The destination content model // *Annals of Tourism Research*. 2016. Vol. 61. P. 28–44.
12. Tourism ethnocentrism and its effects on tourist and resident behavior / F. Kock, A. Josiassen, A. G. Assaf, I. Karpen, F. Farrelly // *Journal of Travel Research*. 2019. Vol. 58 (3). P. 427–439.
13. Kuhn T. S. The structure of scientific revolutions. Chicago: University of Chicago press, 2012. 210 p.
14. Leung X. Y., Xue L., Wen H. Framing the sharing economy: Toward a sustainable ecosystem // *Tourism Management*. 2019. Vol. 71. P. 44–53.
15. Luhmann N. Einführung in die Systemtheorie. Heidelberg: Carl-Auer Verlag, 2020. 420 p.
16. Masco J. The Crisis in Crisis // *Current Anthropology*. 2017. Vol. 58 (15). P. 65–76.
17. Ötsch W. What type of crisis is this? The coronavirus crisis is a crisis of the economized society // Working Paper. 2020. №57. С.9-12.
18. Outbreak readiness and business impact protecting lives and livelihoods across the global economy [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF%20HGHIOutbreak_Readiness_Business_Impact.pdf (дата обращения: 16.01.2021).
19. Pauchant T. C., Mitroff I. I. Transforming the crisis-prone organization: Preventing individual, organizational and environmental tragedies. San Francisco, 1992. 275 p.
20. Ritchie B. W. Crisis and disaster management for tourism. Bristol, Buffalo, Toronto: Channel View Publications, 2009. 312 p.
21. Ritchie B. W., Jiang Y. A review of research on tourism risk, crisis and disaster management: Launching the annals of tourism research curated collection on tourism risk, crisis and disaster management // *Annals of Tourism Research*. 2019. Vol. 79. DOI:10.1016/j.annals.2019.102812
22. Scenario forecasting of sustainable urban development based on cognitive model / N. Sadovnikova, D. Parygin, E. Gnedkova, A. Kravets, A. Kizim, S. Ukustov // *Proceedings of the IADIS international conference ICT, Society and Human Beings*. 2013. P. 115–119.
23. Scott N., Laws E. Tourism crises and disasters: Enhancing understanding of system effects // *Journal of Travel & Tourism Marketing*. 2008. Vol. 19 (2/3). P. 149–158.
24. Speakman M., Sharpley R. A Chaos theory perspective on destination crisis management: Evidence from Mexico // *Journal of Destination Marketing & Management*. 2012. Vol. 1 (1-2). P. 67–77.
25. Tourism and COVID-19: Impacts and implications for advancing and resetting industry and research // National Center for Biotechnology Information : [сайт]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7290228/#b0200> (дата обращения: 11.01.2021).
26. Wang I. M., Ackerman J. M. The infectiousness of crowds: Crowding experiences are amplified by pathogen threats // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2019. Vol. 45 (1). P. 120–132.

REFERENCES

1. Sarafanova A. G., Shabalina N. V., Sarafanov A. A. [Rural and agritourism: approaches to the definition]. In: *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism], 2020, vol. 14, no. 1, pp. 100–108.
2. Allen T., Murray K. A., Zambrana-Torrel C., Morse S. S., Rondinini C., Di Marco M., Breit N., Olival K. J., Daszak P. Global hotspots and correlates of emerging zoonotic diseases. In: *Nature Communications*, 2017, vol. 8, pp. 1–10.

3. Backer E., Ritchie B. W. VFR travel: A viable market for tourism crisis and disaster recovery? In: *International Journal of Tourism Research*, 2017, vol. 19 (4), pp. 400–411.
4. Cashdan E., Steele M. Pathogen prevalence, group bias, and collectivism in the standard cross-cultural sample. In: *Human Nature*, 2013, vol. 24 (1), pp. 59–75.
5. Faulkner B., Russell R. Turbulence, chaos and complexity in tourism systems: A research direction for the new millennium. In: Faulkner B., Moscardo G., Laws E., eds. *Tourism in the 21st century: Lessons from experience*. London, Continuum, 2001, pp. 328–349.
6. Faulkner J., Schaller M., Park J. H., Duncan L. A. Evolved disease-avoidance mechanisms and contemporary xenophobic attitudes. In: *Group Processes & Intergroup Relations*, 2004, vol. 7 (4), pp. 333–353.
7. Hajibaba H., Gretzel U., Leisch F., Dolnicar S. Crisis-resistant tourists. In: *Annals of Tourism Research*, 2015, vol. 53, pp. 46–60.
8. Hall C. M., Scott D., Güssling S. Pandemics, transformations and tourism: Be careful what you wish for. In: *Tourism Geographies*, 2020, vol. 22 (3), pp. 577–598.
9. Upur N. G., Akbəyək A. Impacts of COVID-19 on global tourism industry: A cross-regional comparison. In: *National Center for Biotechnology Information*. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7474895/> (accessed: 11.01.2021).
10. Ioannides D., Gyimothy S. The COVID-19 crisis as an opportunity for escaping the unsustainable global tourism path. In: *Tourism Geographies*, 2020, vol. 22, pp. 624–632.
11. Kock F., Josiassen A., Assaf A. G. Advancing destination image: The destination content model. In: *Annals of Tourism Research*, 2016, vol. 61, pp. 28–44.
12. Kock F., Josiassen A., Assaf A. G., Karpen I., Farrelly F. Tourism ethnocentrism and its effects on tourist and resident behavior. In: *Journal of Travel Research*, 2019, vol. 58 (3), pp. 427–439.
13. Kuhn T. S. The structure of scientific revolutions. Chicago, University of Chicago press, 2012. 210 p.
14. Leung X. Y., Xue L., Wen H. Framing the sharing economy: Toward a sustainable ecosystem. In: *Tourism Management*, 2019, vol. 71, pp. 44–53.
15. Luhmann N. Einführung in die Systemtheorie. Heidelberg, Carl-Auer Verlag, 2020, 420 p.
16. Masco J. The Crisis in Crisis. In: *Current Anthropology*, 2017, vol. 58 (15), pp. 65–76.
17. Ötsch W. What type of crisis is this? The coronavirus crisis is a crisis of the economized society. In: *Working Paper*. 2020, no. 57, pp. 9–12.
18. Outbreak readiness and business impact protecting lives and livelihoods across the global economy. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF%20HGI_Outbreak_Readiness_Business_Impact.pdf (accessed: 16.01.2021).
19. Pauchant T. C., Mitroff I. I. Transforming the crisis-prone organization: Preventing individual, organizational and environmental tragedies. San Francisco, 1992. 275 p.
20. Ritchie B. W. Crisis and disaster management for tourism. Bristol, Buffalo, Toronto, Channel View Publications, 2009. 312 p.
21. Ritchie B. W., Jiang Y. A review of research on tourism risk, crisis and disaster management: Launching the annals of tourism research curated collection on tourism risk, crisis and disaster management. In: *Annals of Tourism Research*, 2019, vol. 79. DOI:10.1016/j.annals.2019.102812
22. Sadvnikova N., Parygin D., Gnedkova E., Kravets A., Kizim A., Ukustov S. Scenario forecasting of sustainable urban development based on cognitive model. In: *Proceedings of the IADIS international conference ICT, Society and Human Beings*, 2013, pp. 115–119.
23. Scott N., Laws E. Tourism crises and disasters: Enhancing understanding of system effects. In: *Journal of Travel & Tourism Marketing*, 2008, vol. 19 (2/3), pp. 149–158.
24. Speakman M., Sharpley R. A Chaos theory perspective on destination crisis management: Evidence from Mexico. In: *Journal of Destination Marketing & Management*, 2012, vol. 1 (1-2), pp. 67–77.

25. Tourism and COVID-19: Impacts and implications for advancing and resetting industry and research. In: *National Center for Biotechnology Information*. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7290228/#b0200> (accessed: 11.01.2021).
26. Wang I. M., Ackerman J. M. The infectiousness of crowds: Crowding experiences are amplified by pathogen threats. In: *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2019, vol. 45 (1), pp. 120–132.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сарафанова Анастасия Геннадьевна – научный сотрудник кафедры рекреационной географии и туризма географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

e-mail: anastasyast@yandex.ru

Сарафанов Александр Александрович – кандидат технических наук, научный сотрудник кафедры рекреационной географии и туризма географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

e-mail: alexsarafanov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anastasyia G. Sarafanova – Researcher, Department of Recreational Geography and Tourism, the Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University;

e-mail: anastasyast@yandex.ru

Alexander A. Sarafanov – Cand. Sci. (Engineering), Researcher, Department of Recreational Geography and Tourism, the Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University;

e-mail: alexsarafanov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сарафанова А. Г., Сарафанов А. А. Воздействие COVID-19 на мировую туристскую индустрию // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 3. С. 23–34.

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-23-34

FOR CITATION

Sarafanova A. G, Sarafanov A. A. Impact of COVID-19 on the world tourism industry. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2021, no. 3, pp. 23–34.

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-23-34

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 339.5

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-35-43

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ВНЕШНЕТОРГОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Андреюк В. Ю.

Московский государственный областной университет

*141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская
Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать динамику и структуру российско-германских торговых отношений в аспекте национальных интересов России, в т. ч. интересов российского бизнеса.

Процедура и методы. При проведении исследования применены методы системного анализа, сравнения, обобщения, индукции и дедукции.

Результаты. Изучена динамика товарооборота России и Германии. Проанализирована структура экспорта и импорта двух стран. Акцентируется внимание на анализе товарооборота в контексте развития обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства России, что соответствует национальным интересам России и российского бизнеса.

Теоретическая и/или практическая значимость. Анализ показал, что прежняя модель взаимоотношений, в которой Россия поставляла в основном топливные и сырьевые товары, а Германия – готовые промышленные и потребительские изделия, начинает изживать себя. Ей на смену идёт новая модель, содействующая экономическому росту, столь необходимого России в условиях противостояния с Западом. Эту тенденцию необходимо не просто констатировать, её надо всемерно поддерживать правительством РФ и национально ориентированным бизнесом России.

Ключевые слова: товарооборот, экспорт, импорт, Россия, Германия

ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF FOREIGN TRADE COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND GERMANY IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL INTERESTS OF RUSSIAN ENTREPRENEURSHIP

V. Andreyuk

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the dynamics and structure of Russian-German trade relations in terms of Russia's national interests, including the interests of Russian business.

Methodology. The methods of system analysis, comparison, generalization, induction and deduction were used in the study.

Results. The dynamics of trade turnover between Russia and Germany is analyzed. The structure of exports and imports of the two countries is analyzed. Attention is focused on the analysis of the trade turnover of the two countries in the context of the development of the manufacturing industry and agriculture of Russia, which corresponds to the national interests of Russia and Russian business.

Research implications. The analysis showed that the previous model of relationship, where Russia mainly supplied fuel and primary goods while Germany supplied industrial and consumer products, is becoming out of date. It is being replaced with a new model, contributing to the economic growth which is urgently necessary for Russia in conditions of confrontation with the West. This tendency should not only be stated but should be supported by the Government and nationally oriented business in every possible way.

Keywords: trade turnover, export, import, Russia, Germany

Введение

В ситуации открытого противостояния России с Западом, развязывания новой фазы холодной войны, в последнее время выражающейся в серии провокаций, как во внутривнутриполитической, так и во внешнеполитической сферах, становится очевидной насущная необходимость отстаивания своих национальных интересов и ценностей, прежде всего на основных площадках внешнеэкономического и внешнеполитического взаимодействия России с другими странами.

На европейском континенте главным партнёром нашей страны продолжает оставаться Германия, страна, которая долгие годы находится на 2-м месте по товарообороту в России, анализ основных позиций которого может помочь определить вектор движения РФ на пути к лидерству. Именно поэтому важно проанализировать торговые отношения двух стран в контексте национальных интересов государства, и в т. ч. интересов российского предпринимательства.

Безусловно, санкционная политика США делает торговые отношения России и Германии крайне нестабильными. Особенно это проявляется при строительстве «Северного потока – 2». Между тем их динамика свидетельствует о том, что они носят достаточно эффективный характер. Вопрос, насколько они взаимовыгодны и, главное, для какой страны они наиболее результативны, продолжает оставаться открытым. Данный вопрос хотя и лежит в сфере интересов некоторых отечественных авторов [2; 3; 6; 7; 8], но рассматривают они его, как правило, с позиции формальной логики, не разбираясь с понятием встраивания в чужие экономические и политические программы. Тогда как ответ кроется в анализе национальных интересов российского и немецкого бизнесов. История развязывания двух мировых войн показывает, что эти интересы подчас диаметрально противоположны, и задача российской дипломатии не допустить конфликта при их возможном столкновении.

Национальные интересы российского бизнеса требуют повышения экспортных возможностей в секторе передовой высокотехнологичной продукции и сокращения импортной зависимости в секторе массовых среднетехнологичных товаров. Продвижение на внешние рынки продукции обрабатывающей промышленности с высоким инновационным компонентом должно содействовать диверсификации экспортной базы национальной экономики [4, с. 47]. Чтобы понять, достижимо

ли это, необходимо проанализировать торговые отношения России с Германией – ведущей экономикой Евросоюза. Исследование отношений за последние 10 лет покажет тренд этого взаимодействия и выявит его качественные характеристики, поможет определить вектор экономического развития России и наметить его дальнейшие перспективы в аспекте глобального лидерства.

Итак, в основе данного исследования лежит анализ торгового взаимодействия России и Германии в контексте интересов России, в т. ч. российского предпринимательства; а задачами являются исследование динамики товарооборота двух стран, структуры товарооборота России и Германии, анализ товарооборота двух стран в контексте развития обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства России.

Анализ динамики товарооборота России и Германии

Товарооборот России и Германии в 2013–2020 гг. представлял собой траекторию резкого снижения к 2015 г. (45 792 млн долл. против 70 086 млн долл. в 2014 г.) с критической точкой в 2016 г. (40 709 млн долл.) и неуверенным взлётом в 2017–2018 гг., который оборвался в 2019–2020 гг. в связи с пандемией коронавируса. Причём спад 2020 г. практически достиг критической точки 2016 г. (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Товарооборот между Россией и Германией в 2010–2020 гг. (в млн долл.) /
Trade turnover between Russia and Germany in 2010–2020 (in millions of dollars)**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Товарооборот	52361	71840	73300	74944	70086	45792	40709	49975	56606	53161	41949
рост %		+37.2	+2.03	+2.24	-6.48	-34.66	-11.1	+22.76	+19.26	-10.81	-21.09
Экспорт	25662	34158	34995	37027	37124	25352	21258	25747	34096	28049	18532
рост %		+33.0	+2.45	+5.81	+0.26	-31.71	-16.1	+21.12	+32.43	-17.73	-33.93
Импорт	26699	37683	38305	37917	32963	20440	19451	24228	25510	25511	23417
рост %		+41.1	+1.65	-0.01	-13.07	-37.99	-4.84	+24.56	+5.29	-1.56	-6.75
Сальдо	-1036	-3525	-3309	-889	4161	4911	1808	1519	8585	2937	-4885
рост %		+240	-6.12	-73.1		+18.02	-63.2	-15.98	+565.1	-65.79	

Источник: Динамика внешней торговли России с Германией в 2010–2017 годах. Внешняя торговля России и Германии в 2018, 2019, 2020 годах // Внешняя торговля России: [сайт]. URL: <https://russian-trade.com/countries/germany> (дата обращения: 27.05.2021).

Экспорт России в Германию в рассматриваемый период в абсолютном выражении в тенденции всегда превышал импорт, за исключением 2013 и 2020 гг., когда появилось отрицательное торговое сальдо (-889 млн долл. и -4 885 млн долл. соответственно). К слову сказать, отрицательным торговое сальдо было и в предшествующие годы (2010–2012), более того, оно было гораздо большим (табл. 1). Однако именно с 2014 г. отрицательное сальдо торгового баланса России с Германией стало положительным и оставалось таковым вплоть до 2020 г., что, несомненно, связано с кризисом, обрушившимися на Россию санкциями и неизбежными ответными мерами¹.

¹ Динамика внешней торговли России с Германией в 2010–2017 годах. Внешняя торговля России и Германии в 2018, 2019, 2020 годах // Внешняя торговля России: [сайт]. URL: <https://russian-trade.com/countries/germany> (дата обращения: 27.05.2021).

Кроме того, с 3-го места в товарообороте России Германия с 2015 г. переместилась на 2-е, и занимает его стабильно по настоящее время. Место Германии в экспорте на протяжении многих лет – 3-е, а в импорте – 2-е. Обращает на себя внимание тот факт, что доля Германии в импорте и в экспорте России, достигнув своего максимума в 2012–2014 гг., неуклонно снижается¹. С чем связана подобная тенденция? Только ли с санкционным давлением? Возможно, анализ структуры товарооборота двух стран поможет найти ответ.

Анализ структуры российского экспорта в Германию

На протяжении 2010–2020 гг. в структуре экспорта России в Германию отчётливо видна следующая картина. Первое место по объёму вывоза в процентном соотношении занимают минеральные продукты (нефть, газ и продукты их переработки). Они составляют львиную долю от всего объёма экспорта, их доля колеблется в диапазоне от 85% в 2013 г. до 78% в 2020 г. Примечательно, что в 2013 г. при отрицательном сальдо (–889 млн долл.) это самая высокая доля за период с 2010 по 2020 гг. В 2020 г. также при отрицательном сальдо (–1 036 млн долл.) она снизилась до 78%².

Кроме того, в 2013, 2017, 2018 гг. товарная группа «минеральные продукты и продукты их переработки» дала наибольший прирост экспорта, тогда как в 2014, 2016, 2017 гг. – его наибольшее сокращение³. Причины этих скачков очевидны: это экономические кризисы, снижение цен на нефть и газ, наконец, пандемия. Неслучайно в эти же годы наблюдается наибольшее сокращение по экспорту чёрных металлов, меди и изделиям из них. Характерно, что в периоды повышения конъюнктуры рынка они же дают и наибольший прирост, за исключением лишь 2013 г.⁴.

Важно другое – занимая 2-е место в структуре российского экспорта, товарная группа «металлы и изделия из них» при снижающемся тренде по экспорту (9,4% в 2010 г. и 5,3% в 2020 г.) за последнее десятилетие демонстрирует достаточно стабильную картину по импорту, доля которого при незначительных колебаниях находится в среднем на уровне 6,5%⁵.

Третье место в структуре российского экспорта занимает товарная группа «Машины, оборудование и транспортные средства». Здесь несомненный рост наметился именно в кризисные 2014–2015 гг. (7,7% и соответственно 8,1% против 2,3% в 2013 г.). Кроме того, определённый скачок имел место в 2020 г. (3,2% по сравнению с 2,5% в 2019 г.)⁶. Эта группа как будто сигнализирует о потенциальных возможностях российского бизнеса, которые, несомненно, отвечают его национальным интересам и требуют дальнейшей реализации в будущем.

На 4-м месте в структуре российского экспорта находится «Продукция химической промышленности». За прошедшее десятилетие её доля находится в диапазоне от 3% в 2010 г. до 3,2% в 2020 г. с незначительными колебаниями в среднем на уровне 2,6%. В кризисном 2020 г. имел место несомненный скачок в 3,2% против 2,4% в 2019 г.⁷.

¹ Динамика внешней торговли России с Германией в 2010–2017 годах. Внешняя торговля России и Германии в 2018, 2019, 2020 годах // Внешняя торговля России : [сайт]. URL: <https://russian-trade.com/countries/germany> (дата обращения: 27.05.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Наконец, обращает на себя внимание товарная группа «продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье», в которой при очень небольших объемах доли в среднем на уровне 0,6% наблюдается неуклонный рост с 2016 г., пик которого приходится, опять же, на кризисный 2020 г. (1,4%)¹.

Таким образом, анализ структуры российского экспорта в Германию показывает, что Россия является надёжным и стабильным поставщиком газа, нефти и продуктов их перегонки. В среднем за последнее десятилетие доля этой продукции составляет 83,2% от объема всего вывоза России в Германию. Другие товары российского экспорта (металлы, машины и оборудование, продукция химической промышленности, не говоря уже о продовольствии) в Германию составляют куда более скромные доли, не превышающие и 10%. Обращает на себя внимание лишь тот факт, что именно в кризисный 2020 г. наметилась тенденция увеличения российского экспорта практически по всем позициям, за исключением вывоза газа и нефти.

Анализ структуры российского импорта из Германии

Анализ структуры импорта, направляющегося из Германии в Россию, показывает следующую картину. Первое место в ней занимает товарная группа «машины, оборудование и транспортные средства». В период 2010–2020 гг. самая большая доля ввоза этой продукции приходится на 2012 г. (60,8%). На протяжении последующих лет она неуклонно снижается, дойдя до 51,4% в 2020 г., причём это снижение носит практически прямолинейный характер².

На 2-м месте в структуре импорта Германии в Россию находится продукция химической промышленности. Здесь ситуация совершенно обратная: стабильный рост этой товарной группы начинается с 2013 г. (22,7%) и продолжается вплоть до 2020 г. (2019 г. – 29,6%) с некоторыми колебаниями в 2017–2018 гг. и финальным снижением до 26,8% в 2020 г.³.

Третье место в структуре немецкого импорта в Россию прочно удерживает товарная группа «металлы и изделия из них», доля которой колеблется в диапазоне от 7,7% в 2010 г. до 6,7% в 2020 г. Следует признать, что это практически единственная товарная группа, которая по объёму ввоза в Россию соответствует вывозу из России в Германию, т. е. речь может идти о полноценном взаимовыгодном обмене, чего не скажешь о товарной группе «древесина и целлюлозно-бумажные изделия», ввоз которой в Россию в среднем наполовину превышает вывоз⁴.

Четвёртое место в структуре импорта России из Германии принадлежит группе «продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье». В тенденции её доля, снизившись с 8,1% в 2010 г., прочно удерживается в диапазоне от 5,3% в 2013 г. до 5,6% в 2020 г. По сравнению с экспортом продовольствия и сельскохозяйственного сырья из России в Германию (от 0,5% в 2013 г. до 1,44% в 2020 г.) цифры здесь говорят отнюдь не в пользу России. Несмотря на введенные и действующие анти-санкции в отношении стран Евросоюза, Германия умудрилась нарастить поставки

¹ Динамика внешней торговли России с Германией в 2010–2017 годах. Внешняя торговля России и Германии в 2018, 2019, 2020 годах // Внешняя торговля России : [сайт]. URL: <https://russian-trade.com/countries/germany> (дата обращения: 27.05.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

продовольствия в Россию в 2020 г. (5,6%), и рост этот в тенденции продолжается с 2015 г. (4,7%)¹.

Таким образом, структура импорта России из Германии свидетельствует о том, что практически больше его половины приходится на торговую группу «машины, оборудование и транспортные средства». Эти товары нужны российскому бизнесу, без них обновление основных фондов представляется весьма затруднительной задачей.

Анализ товарооборота двух стран в контексте развития обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства России

Как справедливо пишет отечественный исследователь С. М. Мосягин: «...объём инвестиций в основной капитал в 2019 г. составил 19 318 млрд руб., что составляет в сопоставимых ценах лишь 75,7% от объёма инвестиций в кризисный 1990 г. А степень износа основных фондов по всем видам экономической деятельности составляет 46,8%, в обрабатывающей промышленности – 50,6%, в деятельности в области здравоохранения и социальных услуг – 52,7%, в добыче полезных ископаемых – 55,6%» [5, с. 58].

Однако доля товарной группы «машины, оборудование и транспортные средства» в импорте России на протяжении 8 последних лет неуклонно снижается. В то же время, как уже говорилось, прослеживается тенденция увеличения российского экспорта продукции этой товарной группы в Германию именно в кризисные 2014, 2015, 2020 гг.², что, впрочем, соответствует общей тенденции развития российской экономики в последние годы. По данным Росстата, обрабатывающая промышленность России растёт уже 5 лет подряд. По индексу промышленного производства (ИПП), который состоит из 4-х составляющих, в секторе обрабатывающих производств наблюдается следующий тренд: 2016 – 2,6%, 2017 – 2,5%, 2018 – 2,6%, 2019 – 3,6%, 2020 – 0,3%³.

Итак, Россия прощается со статусом державы, обеспечивающей весь мир нефтью и газом. Интересы российского бизнеса отныне не ограничиваются только вывозом сырья, они связаны с обрабатывающим сектором промышленного производства. Более того, они поддерживаются Правительством РФ: одной из составляющих утверждённой Кабмином РФ в ноябре 2020 г. Программы развития станкоинструментальной отрасли является увеличение экспортной продукции. Её реализация должна заложить основу для создания самодостаточной национальной технологической базы обеспечения безопасности страны⁴. И в этом пункте интересы российского и немецкого бизнеса вступают в острое противоречие. Как показывает нижеприведённый анализ, оно пока никак не проявляется.

В частности, ввоз химической продукции из Германии в Россию в рассматриваемый период намного превышает вывоз. Разница между ними в среднем составляет не менее 20 пунктов в пользу Германии, а иногда и более. Но химическая отрасль в РФ на протяжении многих лет успешно развивается и в случае необходимости

¹ Динамика внешней торговли России с Германией в 2010–2017 годах. Внешняя торговля России и Германии в 2018, 2019, 2020 годах // Внешняя торговля России : [сайт]. URL: <https://russian-trade.com/countries/germany> (дата обращения: 27.05.2021).

² Там же.

³ Индекс промышленного производства по данным Росстата // Статистика и показатели : [сайт]. URL: <https://rosinfostat.ru/indexs-promyshlennogo-proizvodstva> (дата обращения 06.08.2021). Росстат пересмотрел данные по динамике промпроизводства в 2019–2020 годах // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10542313> (дата обращения: 06.08.2021).

⁴ М. Мишустин утвердил Стратегию развития станкоинструментальной отрасли // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/news/40793> (дата обращения: 06.08.2021).

может переориентироваться на другие рынки¹. Тогда как для Германии рынок РФ имеет существенное значение, подкреплённое многолетними связями. Едва ли Германия позволит себе лишиться его, это идёт вразрез с сущностью её экспортно-ориентированной модели, источником которой является внешний спрос [1, с. 233].

Взаимовыгодное сотрудничество имеет место у России и Германии в рамках товарной группы «металлы и изделия из них». Как уже говорилось, это единственная группа с равноценными объёмами экспорта и импорта с той лишь разницей, что экспорт России по данной группе на протяжении 10 последних лет в тенденции снижается, а импорт из Германии прочно удерживает свои позиции.

Следует признать, в импорте России из Германии существует товарная группа, анализ которой свидетельствует о недостаточной степени развития её производства в нашей стране. Точнее, о недостаточном осознании своих национальных интересов российским бизнесом и, возможно, необходимости принудительного воздействия на него со стороны государства. Речь идёт о древесине и целлюлозно-бумажных изделиях. Но даже в этом случае при двукратном превышении объёма импорта Германии над объёмом экспорта России на протяжении 2010–2014 гг. наличие последующее сокращение этой разницы в 2013–2019 г. с выходом на превышение объёма экспорта над импортом России в 2020 г. (импорт – 2%, экспорт – 2,5%)².

Наконец, в условиях введения так называемых антисанкций российский сельскохозяйственный сектор страны, получив необходимую поддержку государства в виде льготных кредитов Россельхозбанка, стал не только обеспечивать потребности своего населения, но и вывозить аграрную продукцию за рубеж. В торговых отношениях с Германией это нашло свой отклик в виде увеличения российского экспорта с 2016 г. и его взлёта в 2020 г. (1,4%). В то же время следует признать, что Германия прочно удерживает долю свыше 5% от всего объёма российского импорта. Доля эта с 2016 г. неуклонно колеблется, но неуклонно стремится вверх (2020 – 5,6%)³. Едва ли немецкий сельскохозяйственный производитель готов потерять её.

Заключение

Подводя итоги, отметим: снижающийся в течение 7–8 последних лет тренд товарооборота двух стран с незначительными колебаниями как по экспорту, так и по импорту говорит о том, что прежняя модель взаимоотношений, в которой Россия поставляла в основном топливные и сырьевые товары, а Германия, соответственно, готовые промышленные и потребительские изделия, начинает изживать себя.

Практически по всем значимым для России позициям – машины и оборудование, металлы и изделия из них, продукция химической промышленности, и даже древесина и бумажно-целлюлозные изделия – наблюдается рост экспорта в кризисный 2020 г. По продовольственным товарам и сельскохозяйственному сырью этот рост начался ранее – с 2019 г. Несмотря на небольшие объёмы этого экспорта, тенденция его роста, безусловно, соответствует национальным интересам России, в т. ч. и интересам национально ориентированной части российского бизнеса. Его компрадорскому элементу, видимо, придётся вскоре определяться.

¹ Химическое производство: тенденции и прогнозы: аналитический бюллетень. Вып. 37 [Электронный ресурс]. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/chemistry_demo37.pdf (дата обращения: 06.08.2021).

² Динамика внешней торговли России с Германией в 2010–2017 годах. Внешняя торговля России и Германии в 2018, 2019, 2020 годах // Внешняя торговля России : [сайт]. URL: <https://russian-trade.com/countries/germany> (дата обращения: 27.05.2021).

³ Динамика внешней торговли России с Германией в 2010–2017 годах. Внешняя торговля России и Германии в 2018, 2019, 2020 годах // Внешняя торговля России : [сайт]. URL: <https://russian-trade.com/countries/germany> (дата обращения: 27.05.2021).

Важно другое: государству в лице правительственных органов и дипломатии необходимо создавать все условия для дальнейшего продолжения вышеназванного тренда. Принятая в ноябре 2020 г. Стратегия развития станкоинструментальной отрасли¹ с встроенным в неё экспортиориентированным фактором может стать основой реализации разнообразных цепочек повышения комплексности развития российской экономики, в рамках которых станкостроение является результирующей доминантой развития оборонно-промышленного комплекса, топливно-сырьевого и энергетического сектора, транспортного машиностроения, агропромышленного комплекса, лесного комплекса, текстильной и легкой промышленности, строительного комплекса [3, с. 46–47].

И экспортная составляющая здесь является мощным стимулирующим фактором экономического роста. В этом отношении важно обратить внимание на опыт наших немецких коллег: для них расширение внешнего спроса в рамках экспортиориентированной экономической модели всегда было залогом устойчивого и стабильного экономического развития [1, с. 233].

Но в то же время нужно учитывать прогнозы, которые свидетельствуют о том, что «сдвиг в моделях глобализации, вызванный пандемией коронавируса, может серьёзно повлиять на глобальные цепочки поставок Германии и её экономику, ориентированную на экспорт». Сможет ли она адаптироваться к меняющимся глобальным тенденциям в области технологий, окружающей среды и торгового протекционизма? Ответ для Германии неутешительный: «Крупный экспортно-ориентированный промышленный сектор страны предполагает большую подверженность спадам внешней торговли, чем в большинстве развитых экономик мира»². Об этом России нужно всегда помнить.

Статья поступила в редакцию 26.05.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В. Ю. Ближний Восток в экономике и политике ФРГ в 60–90 годы XX века. М.: Прометей, 2006. 292 с.
2. Беляев С. А. Анализ внешнеторговых отношений России и Германии // Иннов: электронный научный журнал. 2018. № 1 (34). URL: <https://www.innov.ru/science/economy/analiz-vneshnetorgovykh-otnosheniy-> (дата обращения: 06.08.2021).
3. Василенко Е. С. Торгово-экономические отношения России и Германии в эпоху санкций // Панорама. 2017. Т. 29. С. 30–36.
4. Ленчук Е. Б. Внешнеэкономическое измерение новой индустриализации России. СПб.: Алетейя, 2015. 285 с.
5. Мосягин С. М. Факторы динамики производительности труда в России // Современные проблемы, тенденции и перспективы развития предпринимательства в России: сборник. М., 2020. С. 55–59.
6. Наумов С. П., Халилов В. А. Экономические отношения России и Германии // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2016. № 12. С. 887–888.
7. Никулина О. В., Чефтелова Н. Г. Анализ динамики развития торговых отношений России и Германии в условиях кризиса и действия экономических санкций // Экономика устойчивого развития. 2016. № 2 (26). С. 265–270.
8. Попкова А. В. Внешнеэкономические связи России с Германией: современное состояние и перспективы // Вектор экономики. 2020. № 12 (54). С. 32.

¹ М. Мишустин утвердил Стратегию развития станкоинструментальной отрасли // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/news/40793> (дата обращения: 06.08.2021).

² Country Forecast Germany. The Economist Intelligence Unit. London, 2020. 10 p.

REFERENCES

1. Andreyuk V. Yu. *Blizhnii Vostok v ekonomike i politike FRG v 60–90 gody XX veka* [The Middle East in the Economy and Politics of the Federal Republic of Germany in the 60–90s of the 20th century]. Moscow, Prometei Publ., 2006. 292 p.
2. Belyaev S. A. [Analysis of foreign trade relations between Russia and Germany]. In: *Innov: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Innov: electronic scientific journal], 2018, no. 1 (34). Available at: <https://www.innov.ru/science/economy/analiz-vneshnetorgovykh-otnosheniy-> (accessed: 08.06.2021).
3. Vasilenko E. S. [Trade and economic relations between Russia and Germany in the era of sanctions]. In: *Panorama* [Panorama], 2017, vol. 29, pp. 30–36.
4. Lenchuk E. B. *Vneshneekonomicheskoe izmerenie novoi industrializatsii Rossii* [Foreign economic dimension of the new industrialization of Russia]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2015. 285 p.
5. Mosyagin S. M. [Factors of labor productivity dynamics in Russia] *Sovremennye problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya predprinimatelstva v Rossii* [Modern problems, trends and prospects for the development of entrepreneurship in Russia]. Moscow, 2020, pp. 55–59.
6. Naumov S. P., Khalilov V. A. [Economic relations between Russia and Germany]. In: *Aktualnye problemy aviatsii i kosmonavтики* [Current problems of aviation and cosmonautics], 2016, no. 12, pp. 887–888.
7. Nikulina O. V., Cheftelova N. G. [Analysis of the dynamics of the development of trade relations between Russia and Germany in the context of the crisis and the effect of economic sanctions]. In: *Ekonomika ustoichivogo razvitiya* [Economics of sustainable development], 2016, no. 2 (26), pp. 265–270.
8. Popkova A. V. [Foreign economic relations of Russia and Germany: current state and prospects]. In: *Vektor ekonomiki* [Economy vector], 2020, no. 12 (54), pp. 32.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андреюк Варвара Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры экономики и предпринимательства Московского государственного областного университета;
e-mail: varya0869@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Varvara Yu. Andreyuk – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Economics and Entrepreneurship, Moscow Region State University;
e-mail: varya0869@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Андреюк В. Ю. Анализ современного состояния внешнеторгового взаимодействия России и Германии в контексте национальных интересов российского предпринимательства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 3. С. 35–43.

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-35-43

FOR CITATION

Andreyuk V. Yu. Analysis of the current state of foreign trade cooperation between Russia and Germany in the context of the national interests of Russian entrepreneurship. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2021, no. 3, pp. 35–43.

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-35-43

УДК 330.101.8:005.934

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-44-58

ИНТЕГРАЦИЯ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАТЕГИЮ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

Бессарабов В. О.*Донецкий национальный университет экономики и торговли**имени Михаила Туган-Барановского**283050, г. Донецк, ул. Щорса, д. 31, Донецкая Народная Республика*

Аннотация

Цель. Разработать модель интеграции механизма обеспечения экономической безопасности в стратегию развития предприятия.

Процедура и методы. В работе использованы методы обобщения и абстрактно-логического анализа, экономико-математического и логического моделирования.

Результаты. Усовершенствована логическая модель интеграции механизма обеспечения экономической безопасности в стратегию развития предприятия, отличие которой заключается в формировании и дальнейшем развитии регламентированной взаимосвязи между этапами её разработки и функционально-предметными областями соответствующего механизма с целью получения количественных и качественных результатов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Значимость результатов заключается в разработке соответствующей модели и, как следствие, проекта стратегии экономической безопасности предприятия, структурные элементы которого подкреплены рекомендациями по их наполнению и дальнейшей реализации.

Ключевые слова: стратегия развития предприятия, механизм экономической безопасности, критерии SMART, модель NAOMIE, предпринимательская деятельность, экономическая безопасность

INTEGRATION OF THE MECHANISM OF ENSURING ECONOMIC SECURITY INTO THE DEVELOPMENT STRATEGY OF THE ENTERPRISE

V. Bessarabov*Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky**31, ul. Shchorsa, Donetsk, 283050, Donetsk People's Republic*

Abstract

Aim. To develop a model for integrating the mechanism for ensuring economic security into the development strategy of an enterprise.

Methodology. To achieve the aim, the following research methods were used: generalization and abstract-logical analysis; economic, mathematical and logical modeling.

Results. The logical model of integration of the mechanism for ensuring economic security into the development strategy of the enterprise has been improved; its distinction lies in the formation and further development of regulated relationship between the stages of its development and the functional-subject areas of the corresponding mechanism in order to obtain quantitative and qualitative results.

Research implications. The significance of the results lies in the development of an appropriate model and, as a consequence, a draft strategy for the economic security of the enterprise, the structural elements of which are supported by recommendations for their filling and further implementation.

Key words: enterprise development strategy, economic security mechanism, SMART criteria, NAOMIE model, entrepreneurial activity, economic security

Введение

Реализация механизма обеспечения экономической безопасности осуществляется субъектами непосредственно в процессе ведения предпринимательской деятельности, которая зачастую выступает объектом планирования. Очевидно, что достижение надлежащего уровня собственной экономической безопасности субъектами предпринимательской деятельности является результатом не только закрепления «правил игры» по её обеспечению (речь идёт об институционализации соответствующей методологии [4]), но и разработки чётких алгоритмов их соблюдения и интеграции в стратегические и тактические планы.

Механизм обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности уже рассматривался в научных публикациях [2], и данное исследование будет посвящено исключительно логике его интеграции в стратегию деятельности предприятий.

Кроме того, формированию этапов разработки и тем более реализации стратегии, в т. ч. исследуемой нами, должен предшествовать детальный анализ уже достигнутого уровня экономической безопасности и мероприятий, которые позволили её обеспечить. Результаты такого анализа [5] создают фундамент для разработки стратегий, соответствующих разным уровням экономической безопасности.

В ряде современных исследований (например, в обстоятельных работах Л. Ф. Бердниковой [1], М. В. Головки [6], Б. С. Дуб [7], Н. В. Кучковской [10], И. Е. Лысковой [11], С. М. Науменко [12]) авторами предлагаются уже «классические» этапы разработки стратегий экономической безопасности предпринимательской деятельности: от постановки целей до контроля и анализа мероприятий по их выполнению. Принимая такое положение дел как данность, зачастую в исследованиях упускается из виду то, что этапы реализации стратегии экономической безопасности, как правило, ограничены временными рамками и в современных реалиях редко предполагают их пересмотр.

Тем не менее среди последних событий, ярко свидетельствующих о необходимости постоянной корректировки стратегии (или отдельных мероприятий) экономической безопасности, выделяется ситуация с распространением новой коронавирусной инфекции. Отечественные субъекты предпринимательской деятельности на фоне снижения платежеспособности физических и юридических лиц получили «импульс» для совершенствования информационно-цифровой составляющей экономической безопасности и развития методов противодействия соответствующим угрозам. Очевидно, что временные рамки реализации стратегии экономической безопасности «сдвинулись», причём на неопределённый срок.

В большинстве случаев интеграция механизма обеспечения экономической безопасности в стратегию предприятия носит единовременный характер, вследствие чего не всегда происходит закрепление будущих изменений в её структуре и содержании «вокруг» имеющихся фундаментальных положений. Другими словами, речь идёт о том, что интеграция указанного механизма в стратегию развития предприятия может рассматриваться в качестве отдельного проекта, имеющего свой жиз-

ненный цикл, этапы которого, по нашему мнению, могут быть положены в основу разработки стратегии экономической безопасности.

Отсюда следует логика применения следующих методов исследования, отражающих основные его этапы (задачи): наблюдения, обобщения, сравнения (для анализа современных подходов к разработке стратегий экономической безопасности предпринимательской деятельности); абстрактно-логического анализа (для исследования процесса разработки стратегии как отдельного проекта); экономико-математического моделирования (для адаптации инструментария оценки критериев стратегии экономической безопасности к отечественным реалиям ведения предпринимательской деятельности); моделирования (для разработки логической модели интеграции механизма обеспечения экономической безопасности в стратегию деятельности предприятия).

Применительно к проблематике представленного исследования обращает на себя внимание модель жизненного цикла проекта NAOMIE (среди прочих других, рассмотренных, например, в публикациях А. Р. Кудеевой [9], Е. И. Урасалова [14], А. К. Хлебина [15], этапы которого удачно отражают логику разработки стратегии экономической безопасности предприятия. В указанной модели можно условно выделить 2 зоны ответственности при её реализации. Речь идёт о треугольниках NAE и MIO (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Сущностная характеристика модели NAOMIE применительно к разработке стратегии экономической безопасности предприятия / Essential characteristics of the NAOMIE model in relation to the development of an enterprise economic security strategy

Элемент модели		Зоны ответственности и этапы реализации элементов модели	Информационные потребности при реализации элемента модели
N (needs)	Необходимость и предпосылки разработки стратегии	MNEO: Рабочая группа по разработке стратегии, отдел экономической безопасности и т. п.	Информация об угрозах экономической безопасности
A (aim)	Цель разработки стратегии		Информация о динамике деятельности, показатели, характеризующие текущий и желаемый уровень экономической безопасности
O (objectives)	Задачи и направления разработки стратегии	Δ MIO: Руководители структурных подразделений и работники	Информация о преимуществах и недостатках применения разных методов разработки стратегии
M (methods)	Методы разработки стратегии и их альтернативные варианты		
I (implementation)	Реализация стратегии		Информация о ходе реализации мероприятий
E (evaluation)	Оценка и контроль реализации стратегии	Δ NEA: Собственник и высшее руководство	Информация о наличии отклонений фактических показателей от запланированных
		1) обоснование предпосылок разработки стратегии с анализом угроз экономической безопасности; 2) постановка цели и задач стратегии с установлением временных рамок их реализации и планируемых результатов; 3) разработка альтернативных стратегий, обоснование их выбора; 4) реализация мероприятий в соответствии с выбранной стратегией; 5) мониторинг результатов реализации стратегии и оценка ее эффективности.	

Источник: составлено автором.

Первые 2 этапа разработки стратегии экономической безопасности предприятия уже были ранее рассмотрены [2; 3; 4]. Поэтому основное внимание направим на реализацию других этапов и формирование устойчивой связи между ними в рамках единого документа – стратегии экономической безопасности, проект которого логично завершит данный этап исследования.

Трудно поспорить с тем, что в процесс разработки стратегии происходит расширение границ планирования и чёткая постановка целей (задач, приоритетов и т. п.) предприятия в рамках каждой из составляющих экономической безопасности с учётом общего её уровня. Такая интерпретация логики разработки стратегии в ходе нашего исследования позволяет связать полученные ранее результаты интегральной оценки уровня экономической безопасности предпринимательской деятельности [7] с методологией её обеспечения [6] и следующими выявленными особенностями. Так, для предприятий:

- с высоким уровнем экономической безопасности характерно планирование мероприятий, связанных с её финансовой, технико-технологической и интеллектуально-кадровой составляющих. Речь идёт о поддержании высокого уровня трудовой дисциплины, в т. ч. за счёт соблюдения положений внутренних регламентных документов и систематических проверок со стороны руководства. Кроме того, установлено, что, чем больше масштабы деятельности предприятия (преимущественно сферы промышленности и торговли), тем больше внимания они уделяют обеспеченности работников современными средствами труда и регулярному улучшению условий работы;

- со средним уровнем экономической безопасности характерно планирование мероприятий, связанных с финансовой и интеллектуально-кадровой составляющей. Указанный уровень поддерживается преимущественно за счёт формирования надлежащего морально-психологического климата в трудовом коллективе, в т. ч. при помощи методов мотивации. Отсюда следуют регулярные трудности с привлечением дополнительных средств для мотивации работников, что неизбежно сказывается на показателях финансовой устойчивости;

- с низким уровнем экономической безопасности характерно планирование мероприятий, связанных с политико-правовой и финансовой составляющей. Это связано с тем, что такие предприятия не могут в полной мере адаптироваться к реалиям ведения предпринимательской деятельности, и их хозяйственные связи нарушены. Вследствие этого основные планы, которые касаются обеспечения собственной экономической безопасности, являются масштабными и тяжело реализуемыми.

Логика разработки модели интеграции механизма обеспечения экономической безопасности в стратегию предприятия

Стратегия обеспечения экономической безопасности предприятия должна выступать планом скоординированных действий, который касается всех её составляющих. Для этого целесообразно выделить следующие стратегии: агрессивная, компромиссная и консервативная (табл. 2).

При этом совершенно понятно, что в отдельных случаях должен иметь место комбинированный подход при реализации стратегий. Так, например, в отношении политико-правовой и финансовой составляющей экономической безопасности может применяться агрессивная стратегия её обеспечения, а в отношении интеллектуально-кадровой и технико-технологической – компромиссная. Т. е. каждому уровню экономической безопасности предприятия может соответствовать не только лишь одна стратегия её обеспечения.

Таблица 2 / Table 2

Акценты реализации стратегий экономической безопасности предприятия в зависимости от её уровня / Accents of implementation of strategies of economic security of the enterprise depending on its level

Уровень экономической безопасности	Стратегия экономической безопасности	Акценты реализации стратегии экономической безопасности
Низкий	Агрессивная	<i>Цель:</i> максимально быстрое повышение уровня экономической безопасности. Основные акценты реализации стратегии связаны с проведением фундаментальных изменений, касающихся подходов к ведению предпринимательской деятельности в целом (или основных бизнес-процессов). Предусматривает кардинальное перераспределение ресурсов, а также пересмотр структуры и содержания бюджетов, связанных с обеспечением экономической безопасности
Средний	Компромиссная	<i>Цель:</i> «стабилизация» уровня экономической безопасности. Основные акценты стратегии зависят от вариантов её реализации: оптимизация уровня экономической безопасности или его адаптация. Оптимизация уровня предусматривает проведение мероприятий по «усилению» одной (нескольких) составляющих экономической безопасности предприятия, объективно нуждающихся в совершенствовании и снижающих её уровень. Адаптация уровня связана с активизацией действий по его «укреплению» и стимулированием положительной динамики его роста за счёт поиска возможностей для систематического совершенствования одной (или нескольких) составляющих экономической безопасности.
Высокий	Консервативная	<i>Цель:</i> поддержание высокого уровня экономической безопасности. Основные акценты реализации стратегии сфокусированы на сохранении достигнутого уровня экономической безопасности, контроле за результатами деятельности, прогнозировании тенденций развития возможных её угроз.

Источник: составлено автором.

Другими словами, выбор стратегии экономической безопасности для реализации применительно к каждой её составляющей должен соответствовать определённой совокупности критериев, максимальный учёт которых позволит получить наилучший эффект (как социальный, так и экономический). Возвращаясь к тезису

о том, что разработка стратегии экономической безопасности может рассматриваться в качестве проекта (табл. 1), обратим внимание на критерии, активно применяемые в проектном управлении и стратегическом планировании.

Речь идёт о критериях SMART, предполагающих, что любая стратегия должна быть: *specific* (конкретной), *measurable* (измеримой), *attainable* (достижимой), *relevant* (реалистичной), *time-bound* (ограниченной временными рамками).

Необходимость учёта всех критериев SMART при выборе стратегии экономической безопасности предприятия требует применения комбинированных методов их оценки, гармонично сочетающих в себе инструментарий 2-х предыдущих. К данной группе, согласно ряду современных исследований [8; 13; 16; 17], следует отнести методы: расстановки приоритетов (SMART), аддитивного взвешивания (SAW), «идеальных» точек (LINMAP), идеального позитивного решения (TOPSIS). Несмотря на схожесть отдельных алгоритмов расчётов, каждый из указанных методов отличается механизмом реализации и подходом к составлению матрицы выбора стратегии экономической безопасности предприятия.

В самом общем понимании реализация указанных методов сводится к моделированию влияния оценок критериев SMART на выбор той или иной стратегии экономической безопасности предприятия при помощи формул:

$$x_{ij} = \frac{a_{ij}}{\sqrt{\sum_{k=1}^m a_{kj}^2}}, \quad (1)$$

$$S_i = \sqrt{\sum_{j=1}^m w_j * (x_{ij} - x_j^+)^2}, \quad (2)$$

$$S_{j=1}^+ = \sqrt{\sum_{j=1}^m (x_{ij} - x_j^+)^2}, \quad (3)$$

$$S_{j=1}^- = \sqrt{\sum_{j=1}^m (x_{ij} - x_j^-)^2}, \quad (4)$$

$$S = \frac{s_j^-}{s_j^- + s_j^+}, \quad (5)$$

где:

x_{ij} – нормализованные значения оценок критериев SMART;

a_{ij} – оценки критериев SMART;

S – интегральная оценка критериев SMART;

w_i – вес критерия SMART;

x_{j+} – максимальное значение оценок критериев SMART;

x_j^- – минимальное значение оценок критериев SMART;

S_{j+} – расстояние до идеального положительного решения;

S_j^- – расстояние до идеального отрицательного решения.

Учитывая тот факт, что указанные выше формулы являются универсальными и могут быть использованы для решения разных задач, связанных с оценкой тех или иных критериев, возникает необходимость их адаптации в плоскость нашего исследования.

Так, метод расстановки приоритетов (табл. 3) предусматривает получение экспертных оценок (зачастую по 100-бальной шкале), скорректированных на вес каждого критерия SMART. Другими словами, речь идёт о расчёте и дальнейшем анализе интегральной экспертной оценки, полученной при помощи нормализации первичных результатов. Данный метод позволяет перейти от любой системы экспертной оценки к унифицированной матрице (нормализованной) через перевод в 100-бальную шкалу.

Таблица 3 / Table 3

Расчёт оценки критериев SMART при помощи метода расстановки приоритетов / Calculation of SMART criteria assessment using the prioritization method

Стратегии	Критерии					Интегральная оценка
	S	M	A	R	T	
Агрессивная	$S_1 * S_0$	$M_1 * M_0$	$A_1 * A_0$	$R_1 * R_0$	$T_1 * T_0$	$S_1 * S_0 + M_1 * M_0 + A_1 * A_0 + R_1 * R_0 + T_1 * T_0$
Компромиссная	$S_2 * S_0$	$M_2 * M_0$	$A_2 * A_0$	$R_2 * R_0$	$T_2 * T_0$	$S_2 * S_0 + M_2 * M_0 + A_2 * A_0 + R_2 * R_0 + T_2 * T_0$
Консервативная	$S_3 * S_0$	$M_3 * M_0$	$A_3 * A_0$	$R_3 * R_0$	$T_3 * T_0$	$S_3 * S_0 + M_3 * M_0 + A_3 * A_0 + R_3 * R_0 + T_3 * T_0$
Вес критерия	S_0	M_0	A_0	R_0	T_0	$S_0 + M_0 + A_0 + R_0 + T_0$
Примечание: S_0, M_0, A_0, R_0, T_0 – вес критериев SMART в интегральной оценке; $S_0 + M_0 + A_0 + R_0 + T_0 = 1$; $S_{1,2,3}, M_{1,2,3}, A_{1,2,3}, R_{1,2,3}, T_{1,2,3}$ – экспертная оценка критериев SMART по 100-бальной шкале.						

Источник: составлено автором.

Метод оценки альтернатив (SAW), в отличие от предыдущего, предусматривает использование другого вида нормализованной матрицы. Результатом оценки критериев является построение нормализованной матрицы со значениями в интервале от 0 до 1 (табл. 4), т. к. каждая оценка делится на максимум в выбранной совокупности значений. Для большей точности может использоваться вес критериев SMART.

Однако для комбинации стратегий экономической безопасности предприятия недостаточно учёта веса оценки критериев при составлении нормализованной матрицы. Именно для этого, согласно методу «идеальных» точек (LINMAP), необходимым является корректировка первичных оценок критериев при помощи формулы (1) (табл. 5).

Таблица 4 / Table 4

Расчёт оценки критериев SMART при помощи метода аддитивного взвешивания / Calculation of SMART criteria assessment using the method additive weighing

Стратегии	Критерии					Интегральная оценка
	S	M	A	R	T	
Агрессивная	$S_1 / 100$	$M_1 / 100$	$A_1 / 100$	$R_1 / 100$	$T_1 / 100$	$(S_1 \cdot S_0 + M_1 \cdot M_0 + A_1 \cdot A_0 + R_1 \cdot R_0 + T_1 \cdot T_0) / 100$
Компромиссная	$S_2 / 100$	$M_2 / 100$	$A_2 / 100$	$R_2 / 100$	$T_2 / 100$	$(S_2 \cdot S_0 + M_2 \cdot M_0 + A_2 \cdot A_0 + R_2 \cdot R_0 + T_2 \cdot T_0) / 100$
Консервативная	$S_3 / 100$	$M_3 / 100$	$A_3 / 100$	$R_3 / 100$	$T_3 / 100$	$(S_3 \cdot S_0 + M_3 \cdot M_0 + A_3 \cdot A_0 + R_3 \cdot R_0 + T_3 \cdot T_0) / 100$
Вес критерия	S_0	M_0	A_0	R_0	T_0	$S_0 + M_0 + A_0 + R_0 + T_0$
Примечание: S_0, M_0, A_0, R_0, T_0 – вес критериев SMART в интегральной оценке; $S_0 + M_0 + A_0 + R_0 + T_0 = 1$; $S_{1,2,3}, M_{1,2,3}, A_{1,2,3}, R_{1,2,3}, T_{1,2,3}$ – экспертная оценка критериев SMART по 100-балльной шкале.						

Источник: составлено автором.

Таблица 5 / Table 5

Расчёт скорректированных значений критериев SMART при помощи метода «идеальных» точек / Calculation of adjusted values for SMART criteria using the «perfect» point method

Стратегии	Критерии				
	S	M	A	R	T
Агрессивная	$\frac{S_1}{\sqrt{\sum S_i^2}}$	$\frac{M_1}{\sqrt{\sum M_i^2}}$	$\frac{A_1}{\sqrt{\sum A_i^2}}$	$\frac{R_1}{\sqrt{\sum R_i^2}}$	$\frac{T_1}{\sqrt{\sum T_i^2}}$
Компромиссная	$\frac{S_2}{\sqrt{\sum S_i^2}}$	$\frac{M_2}{\sqrt{\sum M_i^2}}$	$\frac{A_2}{\sqrt{\sum A_i^2}}$	$\frac{R_2}{\sqrt{\sum R_i^2}}$	$\frac{T_2}{\sqrt{\sum T_i^2}}$
Консервативная	$\frac{S_3}{\sqrt{\sum S_i^2}}$	$\frac{M_3}{\sqrt{\sum M_i^2}}$	$\frac{A_3}{\sqrt{\sum A_i^2}}$	$\frac{R_3}{\sqrt{\sum R_i^2}}$	$\frac{T_3}{\sqrt{\sum T_i^2}}$
Примечание: $S_{1,2,3}, M_{1,2,3}, A_{1,2,3}, R_{1,2,3}, T_{1,2,3}$ – экспертная оценка критериев по 100-балльной шкале.					

Источник: составлено автором.

Следующим шагом является выбор «идеальных» точек, в нашем случае максимальных значений скорректированных оценок критериев SMART. Далее определяются расстояния до «идеальных» точек по каждому критерию на основании формулы (2) (табл. 6). Стратегия, интегральная оценка которой меньше других, является предпочтительной для реализации.

Таблица 6 / Table 6

Расчёт оценки критериев SMART при помощи метода «идеальных» точек / Calculation of SMART criteria assessment using the method of «perfect» points

Стратегии	Интегральная оценка
Агрессивная	$\sqrt{S_0 * (S_1 - S_{max})^2 + M_0 * (M_1 - M_{max})^2 + A_0 * (A_1 - A_{max})^2 + R_0 * (R_1 - R_{max})^2 + T_0 * (T_1 - T_{max})^2}$
Компромиссная	$\sqrt{S_0 * (S_2 - S_{max})^2 + M_0 * (M_2 - M_{max})^2 + A_0 * (A_2 - A_{max})^2 + R_0 * (R_2 - R_{max})^2 + T_0 * (T_2 - T_{max})^2}$
Консервативная	$\sqrt{S_0 * (S_3 - S_{max})^2 + M_0 * (M_3 - M_{max})^2 + A_0 * (A_3 - A_{max})^2 + R_0 * (R_3 - R_{max})^2 + T_0 * (T_3 - T_{max})^2}$
Примечание:	<p>S_0, M_0, A_0, R_0, T_0 – вес критериев SMART в интегральной оценке; $S_0 + M_0 + A_0 + R_0 + T_0 = 1$; $S_{1,2,3}, M_{1,2,3}, A_{1,2,3}, R_{1,2,3}, T_{1,2,3}$ – экспертная оценка критериев SMART по 100-балльной шкале. $S_{max}, M_{max}, A_{max}, R_{max}, T_{max}$ – значения «идеальных» точек.</p>

Источник: составлено автором.

Однако на практике зачастую сложно однозначно оценить тот или иной критерий SMART при помощи метода «идеальных» точек, выбрав только одну из них. Для выхода из такой ситуации целесообразным является реализация метода TOPSIS, который является логическим продолжением предыдущего, т. к. на основе расчёта скорректированных значений критериев SMART при помощи метода «идеальных» точек происходит их нормализация в зависимости от веса каждого из них (табл. 7).

Таблица 7 / Table 7

Расчёт скорректированных значений критериев SMART при помощи метода идеального позитивного решения / Calculation of adjusted SMART criteria values using the ideal positive decision method

Стратегии	Критерии				
	S	M	A	R	T
Агрессивная	$\frac{S_1}{\sqrt{\sum S_i^2}} * S_0$	$\frac{M_1}{\sqrt{\sum M_i^2}} * M_0$	$\frac{A_1}{\sqrt{\sum A_i^2}} * A_0$	$\frac{R_1}{\sqrt{\sum R_i^2}} * R_0$	$\frac{T_1}{\sqrt{\sum T_i^2}} * T_0$
Компромиссная	$\frac{S_2}{\sqrt{\sum S_i^2}} * S_0$	$\frac{M_2}{\sqrt{\sum M_i^2}} * M_0$	$\frac{A_2}{\sqrt{\sum A_i^2}} * A_0$	$\frac{R_2}{\sqrt{\sum R_i^2}} * R_0$	$\frac{T_1}{\sqrt{\sum T_i^2}} * T_0$
Консервативная	$\frac{S_3}{\sqrt{\sum S_i^2}} * S_0$	$\frac{M_3}{\sqrt{\sum M_i^2}} * M_0$	$\frac{A_3}{\sqrt{\sum A_i^2}} * A_0$	$\frac{R_3}{\sqrt{\sum R_i^2}} * R_0$	$\frac{T_1}{\sqrt{\sum T_i^2}} * T_0$
Вес критерия	S_0	M_0	A_0	R_0	T_0
<p>Примечание: S_0, M_0, A_0, R_0, T_0 – вес критериев SMART в интегральной оценке; $S_0 + M_0 + A_0 + R_0 + T_0 = 1$; $S_{1,2,3}, M_{1,2,3}, A_{1,2,3}, R_{1,2,3}, T_{1,2,3}$ – экспертная оценка критериев SMART по 100-балльной шкале.</p>					

Источник: составлено автором.

Скорректировав значения критериев SMART, далее определяется идеально позитивная (максимальная) и идеально негативная (минимальная) их оценка с одно-временным расчётом расстояния друг от друга. Такое расстояние, рассчитанное на основании формул (3) и (4) (аналогичное расчётам, представленным в табл. 6), выступает основой для конечной интегральной оценки критериев SMART по формуле (5). Стратегия, интегральная оценка которой больше других, является предпочтительной для реализации.

Стоит особо обратить внимание, что для отдельных предприятий значение интегральной оценки критериев SMART равно 0, что связано с безальтернативностью выбора стратегии обеспечения экономической безопасности. Отсутствие особой альтернативы в стратегиях, в первую очередь, характерно для предприятий с крайне низким или достаточно высоким уровнем экономической безопасности. В свою очередь, для предприятий, уровень экономической безопасности которых был оценен как средний, особое значение имеет величина интегральной оценки и её приближенность к агрессивной или консервативной стратегии. Так, в первом случае, речь идёт о компромиссной стратегии оптимизации, а во втором – адаптации уровня экономической безопасности предприятия.

Однако учёт критериев SMART при реализации той или иной стратегии обеспечения экономической безопасности без её детализированного плана сводит к минимуму значение усилий по её выбору при помощи методов, рассмотренных ранее. Согласно модели NAOMIE (табл. 1), выбор стратегии должен подкрепляться разработкой плана мероприятий по их реализации в разрезе не только каждой составляющей экономической безопасности, а планируемых результатов в рамках каждой из них.

Предпочтительным является рассмотрение такого плана в качестве одного из структурных элементов соответствующей стратегии, структура которого будет рассмотрена ниже.

Первый раздел в разработанном проекте стратегии экономической безопасности посвящён описанию особенностей её разработки, анализу существующих и перспективных её угроз, а также затрагивает ожидания от её реализации. Здесь подчеркнём, что описание ожиданий контрагентов, работников, государственных органов от реализации стратегии акцентирует внимание на желании гармонизации интересов максимально возможного количества заинтересованных сторон и демонстрирует стремление руководства к получению не только экономического эффекта, но и социального.

Постановке цели и формулированию основных задач стратегии посвящён второй её раздел, в рамках которого также указываются сроки её реализации и планируемые результаты. Особое внимание должно быть уделено описанию динамики плановых показателей в разрезе сроков реализации стратегии и каждой её задачи.

Непосредственно на реализацию запланированных мероприятий и описание путей оценки их эффективности направлено содержание заключительного раздела стратегии экономической безопасности. Детализированный план мероприятий, составляющий основу данного раздела, является фундаментом для оценки:

- уровня достижения поставленных целей и задач;
- уровня реализации запланированных мероприятий и достижения результатов;
- эффективности проведения реализованных мероприятий и стратегии в целом.

В приложениях к стратегии должны приводиться дополнительные акценты и ключевые доминанты её реализации, а также другие сведения, раскрывающие специфику деятельности предприятия и обеспечения его экономической безопасности.

Нетрудно заметить, что структура разработанного проекта не полностью совпадает с этапами разработки стратегии экономической безопасности предприятия (согласно модели NAOMIE, табл. 1). Единственное отличие – отсутствие описания в стратегии процесса их выбора при помощи комбинированных методов оценки критериев SMART. Это связано с тем, что стратегия предстаёт в качестве итогового документа, составленного по результатам детального изучения существующих и потенциальных угроз экономической безопасности и уже принятого управленческого решения о наиболее целесообразной для реализации стратегии.

Однако данный этап разработки стратегии экономической безопасности предприятия наряду с другими был учтён нами в следующей модели, которая последовательно объединяет полученные в ходе данного этапа исследования результаты. Речь идёт о логической модели интеграции механизма обеспечения экономической безопасности в стратегию развития предприятия (рис. 1). Согласно предложенной модели, достижение итогового результата становится возможным только при последовательной интеграции этапов разработки стратегии экономической безопасности в функционально-предметные области соответствующего механизма. Такие области [4] так или иначе затрагивают стратегию экономической безопасности в целом и каждый из этапов её разработки в частности.

Заключение

Установлено, что посредством стратегии могут регламентироваться модели, механизмы, методики и алгоритмы обеспечения экономической безопасности предприятия, что способствует развитию взаимосвязи между ними и укреплению взаимообусловленности. В связи этим, значение разработанной модели заключается:

- для *теории*: в формировании и развитии взаимосвязи между этапами разработки стратегии экономической безопасности предприятия и разработанными моделями, механизмами, методиками и алгоритмами её обеспечения, а также последовательностью их реализации и регламентации;
- для *практики*: в разработке проекта стратегии экономической безопасности предприятия, структурные элементы которого подкреплены рекомендациями по их наполнению и дальнейшей реализации.

Таким образом, разработана логическая модель интеграции механизма обеспечения экономической безопасности в стратегию развития предприятия. В основу её разработки положена интерпретация ключевых положений модели NAOMIE, позволяющая рассматривать искомую стратегию в качестве отдельного проекта со своим жизненным циклом. Последовательное его рассмотрение в качестве этапов разработки стратегии позволило установить их взаимосвязь не только между собой, но и с разработанными ранее моделями, механизмами, методиками и алгоритмами обеспечения экономической безопасности предприятия. Особое внимание было уделено проработке вариантов стратегий и методов их выбора на основе критериев SMART с обоснованием ключевых доминант реализации в разрезе каждой составляющей экономической безопасности. В свою очередь, разработанный проект стратегии экономической безопасности предприятия логично завершил данный этап исследования и выступил в качестве документа, определяющего основные ориентиры, задачи и мероприятия для достижения как экономического, так и социального эффекта в результате её обеспечения.

Статья поступила в редакцию 16.04.2021.

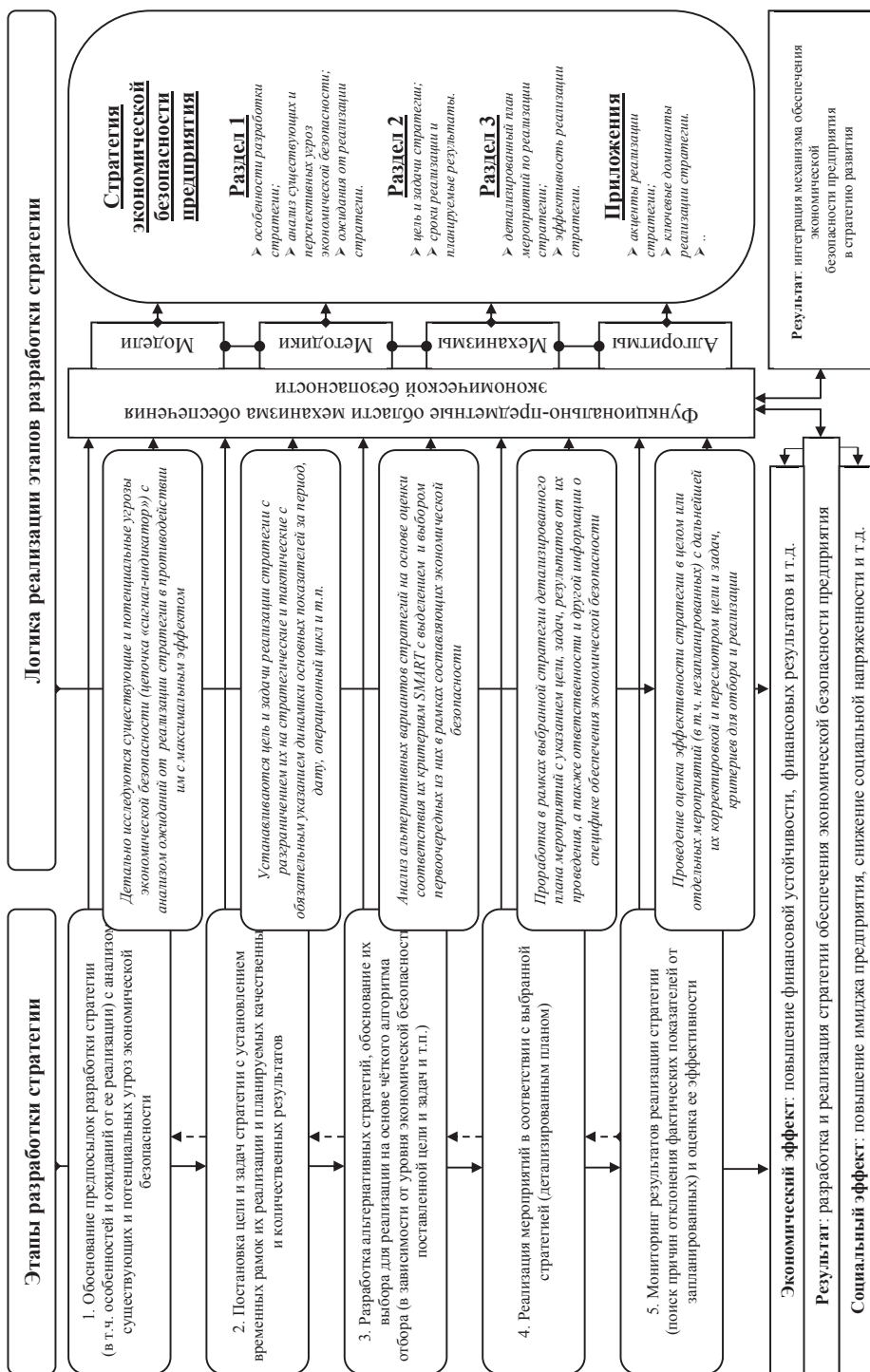

Рис. 1 / Fig. 1. Логическая модель интеграции механизма обеспечения экономической безопасности в стратегию развития предприятия / Logical model of integration of the mechanism for ensuring economic security into the development strategy of the enterprise

Источник: составлено автором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердникова Л. Ф., Груздев Г. В. К вопросу о функциональных стратегиях системы экономической безопасности предприятия // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. № 4 (21). С. 54–56.
2. Бессарабов В. О. К вопросу о механизме обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2021. № 2. С. 47–66.
3. Бессарабов В. О. Научно-методический подход к формированию ключевых индикаторов экономической безопасности предпринимательской деятельности // Торговля и рынок. 2020. № 3. С. 58–65.
4. Бессарабов В. О. Полицентричная модель методик обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2020. № 3. С. 137–149.
5. Бессарабов В. О. Современные методы обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности и интегральная оценка ее уровня // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 19–35.
6. Формирование реляционной стратегии как фактор экономической безопасности предприятий атомной отрасли (на примере машиностроительных предприятий г. Волгодонска / М. В. Головки, А. Н. Сетраков, Ж. С. Рогачева, А. В. Анцибор // Глобальная ядерная безопасность. 2020. № 3 (36). С. 104–110.
7. Дуб Б. С. Стратегия инновационного развития системы экономической безопасности агрохолдинга // Theoretical and Practical Aspects of Economics and Intellectual Property. 2016. № 14. С. 64–68.
8. Корнилова И. Н., Олих Л. А. Стратегическое управление интеллектуальной собственностью организации в контексте процессного подхода // Бизнес Информ. 2019. № 11 (502). С. 99–107.
9. Кудеева А. Р. Особенности управления проектами на различных этапах жизненного цикла организации по модели И. Адизеса // Формула менеджмента. 2018. № 3 (5). С. 10–16.
10. Кучковская Н. В. Оценка риска при функционировании системы экономической безопасности предприятия // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. № 1 (26). С. 185–188.
11. Лыскова И. Е. Стратегические цели производственной безопасности промышленных предприятий в аспекте приоритетов национальной и экономической безопасности Российской Федерации // Глобальная ядерная безопасность. 2021. № 1 (38). С. 94–109.
12. Науменко С. М., Шевцова О. Н. Разработка показателей уровня финансовой составляющей экономической безопасности банка и стратегий по её совершенствованию // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 12 (110). С. 309–317.
13. Приймак В. М., Андросенко Т. В. Инструментарий выбора оптимальной стратегии управления человеческими ресурсами организации // Восточная Европа: экономика, бизнес и управление. 2019. № 19. С. 190–197.
14. Урсалов Е. И. Алгоритм управления фандрайзинговой деятельностью для объектов социального предпринимательства // Социальная экономика. 2015. № 2. С. 187–197.
15. Хлебни А. К. Проблемы представления модели жизненного цикла инвестиционного проекта // Евразийский научный журнал. 2017. № 4. С. 360–361.
16. Katarzyna H. Technology Selection Using the TOPSIS Method // Foresight and STI Governance. 2020. Vol. 14. № 1. P. 85–96.
17. Radojko L., Dragana V., Slavica A. Analyzing financial performances and efficiency of the retail food in Serbia by using the AHP – TOPSIS method // Economics of Agriculture. 2020. № 1. P. 55–68.

REFERENCES

1. Berdnikova L. F., Gruzdev G. V. [On the question of functional strategies of the system of economic security of an enterprise]. In: *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye* [Research Azimuth: Economics and Management], 2017, no. 4 (21), pp. 54–56.
2. Bessarabov V. O. [On the question of the mechanism for ensuring the economic security of entrepreneurial activity]. In: *Nauchnoye obozreniye. Seriya 1. Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series 1. Economics and Law], 2021, no. 2, pp. 47–66.
3. Bessarabov V. O. [Scientific and methodological approach to the formation of key indicators of economic security of entrepreneurial activity]. In: *Torgovlya i rynek* [Trade and market], 2020, no. 3, pp. 58–65.
4. Bessarabov V. O. [Polycentric model of methods for ensuring the economic security of entrepreneurial activity]. In: *Izvestiya Dalnevostochnogo federalnogo universiteta. Ekonomika i upravleniye* [Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management], 2020, no. 3, pp. 137–149.
5. Bessarabov V. O. [Modern methods of ensuring the economic security of entrepreneurial activity and an integral assessment of its level]. In: *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ekonomika i upravleniye* [Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management], 2021, vol. 7 (73), no. 1, pp. 19–35.
6. Golovko M. V., Setrakov A. N., Rogacheva Zh. S., Antsibor A. V. [Formation of a relational strategy as a factor of economic security of enterprises in the nuclear industry (on the example of machine-building enterprises in Volgograd)]. In: *Globalnaya yadernaya bezopasnost* [Global nuclear safety], 2020, no. 3 (36), pp. 104–110.
7. Dub B. S. [The strategy of innovative development of the economic security system of the agricultural holding]. In: *Theoretical and Practical Aspects of Economics and Intellectual Property* [Theoretical and Practical Aspects of Economics and Intellectual Property], 2016, no. 14, pp. 64–68.
8. Kornilova I. N., Olikh L. A. [Strategic management of the organization's intellectual property in the context of the process approach]. In: *Biznes Inform* [Business Inform], 2019, no. 11 (502), pp. 99–107.
9. Kudeeva A. R. [Features of project management at different stages of the organization's life cycle according to the model of I. Adizes]. In: *Formula menedzhmenta* [Management Formula], 2018, no. 3 (5), pp. 10–16.
10. Kuchkovskaya N. V. [Assessment of risk in functioning of the economic security system of an enterprise]. In: *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye* [Research Azimuth: Economics and Management], 2019, no. 1 (26), pp. 185–188.
11. Lyskova I. E. [Strategic goals of industrial safety of industrial enterprises in the aspect of national and economic security priorities of the Russian Federation]. In: *Globalnaya yadernaya bezopasnost* [Global nuclear safety], 2021, no. 1 (38), pp. 94–109.
12. Naumenko S. M., Shevtsova O. N. [Development of indicators of the level of the financial component of the bank's economic security and strategies for its improvement]. In: *Regionalnyye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional problems of economic transformation], 2019, no. 12 (110), pp. 309–317.
13. Priymak V. M., Androsenko T. V. [Toolkit for choosing the optimal strategy for managing the organization's human resources]. In: *Vostochnaya Yevropa: ekonomika, biznes i upravleniye* [Eastern Europe: economics, business and management], 2019, no. 19, pp. 190–197.
14. Ursalov E. I. [Algorithm for managing fundraising activities for objects of social entrepreneurship]. In: *Sotsialnaya ekonomika* [Social Economy], 2015, no. 2, pp. 187–197.
15. Khlebin A. K. [Problems of Representation of the Life Cycle Model of an Investment Project]. In: *Yevraziyskiy nauchnyy zhurnal* [Eurasian Scientific Journal], 2017, no. 4, pp. 360–361.

16. Katarzyna H. Technology Selection Using the TOPSIS Method. In: *Foresight and STI Governance*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 85–96.
17. Radojko L., Dragana V., Slavica A. Analyzing financial performances and efficiency of the retail food in Serbia by using the AHP – TOPSIS method. In: *Economics of Agriculture*, 2020, no. 1, pp. 55–68.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бессарабов Владислав Олегович – кандидат экономических наук, доцент, докторант кафедры бухгалтерского учёта Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского;
e-mail: bessarabov93@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladyslav O. Bessarabov – Cand. Sci. (Economics), Assoc. Prof., doctoral student Department of Accounting Department, Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tugan-Baranovsky;
e-mail: bessarabov93@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бессарабов В. О. Интеграция механизма обеспечения экономической безопасности в стратегию развития предприятия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 3. С. 44–58.
DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-44-58

FOR CITATION

Bessarabov V. O. Integration of the mechanism of ensuring economic security into the development strategy of the enterprise. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2021, no. 3, pp. 44–58.
DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-44-58

УДК 338+658

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-59-72

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ГОТОВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ К РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Боев А. Г.*Аналитический центр правительства Воронежской области**394036, г. Воронеж, пр-т Революции, д. 33, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать готовность промышленных комплексов к внедрению стратегий преобразований и цифровой трансформации.

Процедура и методы. Разработана методика оценки ресурсной, кадровой, структурной, производственной, управленческой и культурно-институциональной готовности промышленных комплексов к внедрению стратегий изменений, отличающаяся применением модифицированных контрольных карт Шухарта и инструментов координатного диагностирования.

Результаты. Проведена оценка уровня и динамики готовности 14 промышленных комплексов из различных регионов России к реализации стратегий преобразований. Выявлены финансовые, управленческие и иные проблемы, затрудняющие трансформацию предприятий.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложенная методика развивает инструментарий стратегического анализа промышленности и может использоваться при подготовке предприятий к реализации стратегий инновационного развития, технологической модернизации и цифровой трансформации.

Ключевые слова: промышленный комплекс, оценка готовности к реализации стратегии, институциональные преобразования, цифровая экономика

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE READINESS OF INDUSTRIAL COMPLEXES TO IMPLEMENT INSTITUTIONAL TRANSFORMATION STRATEGIES

A. Boev*Analytical center for the government of the Voronezh region**33, Revolyutsii pr., Voronezh, 394036, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study of the readiness of industrial complexes to implement transformation strategies and digital transformation.

Methodology. A methodology for assessing the resource, personnel, structural, industrial, managerial, cultural and institutional readiness of industrial complexes to implement change strategies is developed, which is characterized by the use of modified Shewhart control maps and coordinate diagnostic tools.

Results. The assessment of the level and dynamics readiness for implementing transformation strategies at 14 industrial complexes from different regions of Russia was carried out. Financial, managerial and other problems that complicate the transformation of enterprises are identified.

Research implications. The proposed methodology develops the tools of strategic analysis of industry and can be used in preparing enterprises for the implementing the strategies for innovative development, technological modernization and digital transformation.

Keywords: industrial complex, assessment of readiness for implementing the strategy, institutional transformations, digital economy

Введение

В условиях формирования цифровой экономики важнейшей задачей промышленных комплексов является не только разработка стратегий институциональных преобразований, но и оценка собственных возможностей для реализации запланированных реформ [1].

В числе системных проблем, сдерживающих процессы цифровизации и проведения стратегических изменений в промышленности, может быть отмечен дефицит ресурсов и квалифицированных кадров у предприятий, применение устаревших технологий управления, слабая корпоративная культура, низкая инновационная активность и т. д.

Как правило, наибольший кадровый «голод» у индустриальных предприятий наблюдается в области управления цифровыми проектами и развития информационной архитектуры. Дефицит специалистов по данным позициям отмечают 15–25% руководителей организаций¹. По данным McKinsey, около 65% опрошиваемых топ-менеджеров предприятий высказывают необходимость переобучить или заменить более 25% сотрудников в ближайшие 5 лет. Основные барьеры, препятствующие цифровой трансформации производственных предприятий, представлены в табл. 1.

Важнейшей институциональной проблемой для реализации стратегий преобразований промышленных комплексов остаётся низкий уровень развития культуры управления и организации бизнес-процессов. Исследования KPMG показывают, что до 63% опрошенных руководителей индустриальных предприятий рассматривают слабую корпоративную культуру в качестве мощного барьера для инновационной трансформации². Специалисты АСИ отмечают, что без принципиального изменения и переосмысления корпоративной культуры все изменения стратегии и операционной модели предприятия теряют смысл³.

Авторская методика оценки

В рамках развития инструментария по подготовке индустриальных компаний России к проведению стратегических реформ автором предложена *методика оценки готовности промышленных комплексов к реализации стратегии институци-*

¹ Исследование по цифровизации и инновационной открытости российских предприятий. Результаты совместного опроса KPMG и Агентства стратегических инициатив (август, 2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://home.kpmg/ru/ru/home/insights/2020/08/innovations-report-kpmg-asi.html> (дата обращения: 15.07.2021).

² Исследование по цифровизации и инновационной открытости российских предприятий. Результаты совместного опроса KPMG и Агентства стратегических инициатив (август, 2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://home.kpmg/ru/ru/home/insights/2020/08/innovations-report-kpmg-asi.html> (дата обращения: 15.07.2021).

³ Модель инновационной открытости крупных компаний. Презентация Агентства стратегических инициатив (июнь, 2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://files-ice.asi.ru/iblock/cab/cab6fc3d6329858918523e78e01615c8/Standart_all_int.pdf (дата обращения: 15.07.2021).

Таблица 1 / Table 1

**Барьеры, препятствующие цифровой трансформации предприятий /
Barriers impeding the digital transformation of manufacturing enterprises**

№	Вид барьера, препятствия	Доля предприятий, указавших соответствующий барьер при опросе, %
1	Дефицит финансовых ресурсов	62
2	Нехватка специализированных кадров	56
3	Непонимание менеджментом предприятий экономических эффектов от преобразований	30
4	Недостаток знаний о цифровых технологиях у персонала	23
5	Отсутствие дорожных карт и планов реализации стратегий	21
6	Недостаточный спрос на цифровые продукты и услуги	18
7	Отсутствие необходимой цифровой инфраструктуры	18
8	Цифровая трансформация не рассматривается в качестве приоритета развития	15
9	Неэффективное государственное регулирование	8
10	Отсутствие доступа к зарубежным технологиям	8
11	Недоступность (закрытость) отраслевых данных для анализа	7

Источник: Перспективы цифровой трансформации в России. Исследование Strategy Partners [Электронный ресурс]. URL: https://ac.gov.ru/uploads/5-Presentations/цифровой_трансформации_в_России._Точин.pdf (дата обращения: 15.07.2021).

ональных преобразований в условиях цифровой экономики. Методика базируется на двухкритериальном подходе к анализу финансов, производственных резервов, кадрового потенциала, организационной структуры, управленческих технологий, корпоративных институтов и системы мотивации персонала предприятия и позволяет определить уровень соответствия имеющихся у предприятия ресурсов требованиям плана выполнения стратегии трансформации, а также отличается применением модифицированных контрольных карт Шухарта для индикативного мониторинга степени готовности промышленного комплекса к достижению стратегических целей.

Рассмотрим основные этапы методики (рис. 1).

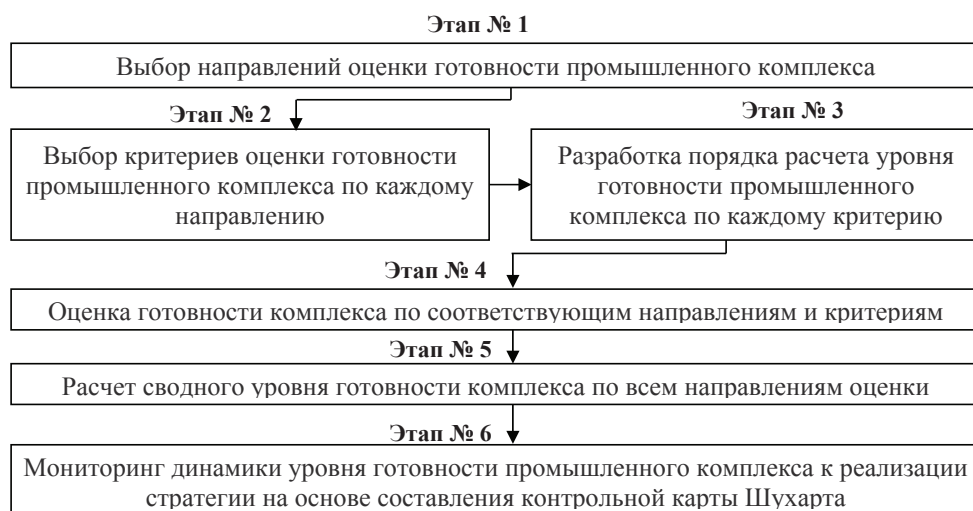

Рис. 1 / Fig. 1. Этапы методики оценки готовности промышленных комплексов к реализации стратегий институциональных преобразований / Stages of the methodology for assessing the readiness of industrial complexes for the implementation of institutional transformation strategies

Этапы № 1–3. Исследования McKinsey показывают, что успешные преобразования охватывают практически все подразделения, процессы и функции предприятия, вовлекая в стратегию трансформации значительную долю персонала [8]. Автор разделяет данную идею и предлагает 6 ключевых межфункциональных направлений, по которым целесообразно проводить оценку готовности промышленных комплексов к реализации стратегии институциональных преобразований:

1. *Финансовые ресурсы и инфраструктура производства.* Данное направление позволяет оценить реальные возможности промышленного комплекса по финансовому обеспечению разработанной стратегии трансформации и определить производственные, инфраструктурные и транспортно-логистические резервы для реализации программы по освоению и выпуску новой продукции.

2. *Кадровый потенциал.* Направление предусматривает качественно-количественный анализ персонала промышленного комплекса на предмет наличия необходимого числа сотрудников, обладающих требуемой квалификацией, образованием и опытом для реализации стратегии институциональных преобразований. Исследователи Гарвардской школы бизнеса и консалтинговой группы BCG отмечают, что менеджменту предприятий следует «взглянуть на кадры под новым углом и воспринимать их как резерв знаний и энергии, который можно задействовать с помощью правильно выстроенных программ обучения без отрыва от работы и повышения квалификации» [5].

3. *Организационная структура.* Указанное направление предполагает оценку коммуникативности и адаптивности оргструктуры промышленного комплекса в целях определения способности предприятия гибко реагировать на вызовы внешней и внутренней среды, а также оперативно перестраивать бизнес-процессы при реализации стратегии изменений [2]. Иллюстрируя необходимость динамичного изменения современных организационных структур, Г. Минцберг приводит слова одного из сотрудников предприятия: «Нам не хотелось бы предоставлять свою организационную схему: она видоизменяется так быстро, что ссылаться на неё бесполезно» [3].

4. *Методический инструментарий и технологии управления.* Данное направление позволяет оценить прогрессивность методов администрирования, а также

достигнутый уровень скорости и качества принятия управленческих решений на промышленном комплексе. Предприятия, которые имеют высокий уровень управленческой готовности к проведению преобразований и реализации стратегий трансформации, характеризуются использованием интеллектуальных цифровых сервисов для поддержки принятия управленческих решений, внедрением KPI, применением технологий бережливого управления и проектных методов организации персонала, а также высоким уровнем дисциплины при выполнении планов развития и поручений руководства.

5. *Корпоративная культура и институты.* С прикладной точки зрения оценка предприятия по данному направлению позволяет понять уровень лояльности персонала и его вовлеченность в процесс реализации стратегии преобразований.

6. *Система мотивации персонала.* Данное направление позволяет оценить наличие мотивационных мер, которые используются на предприятии для привлечения кадров к реализации стратегии изменений, и при необходимости предпринять дополнительные шаги по стимулированию персонала к участию в процессах трансформации индустриального комплекса.

Фрагмент системы направлений и критериев оценки готовности промышленных комплексов к реализации стратегий трансформации представлен в табл. 2. При формировании указанной системы учтены отдельные положения моделей повышения инновационной открытости и оценки инновационной зрелости крупных компаний, разработанных АСИ¹.

Таблица 2 / Table 2

Система направлений и критериев оценки готовности промышленного комплекса к реализации стратегии институциональной трансформации (фрагмент) / The system of directions and criteria for assessing the industrial complex readiness for implementing the strategy of institutional transformation (fragment)

Направления оценки	Критерии оценки готовности	Порядок расчёта готовности промышленного комплекса по соответствующему критерию	Оценка уровня готовности комплекса по соответствующему критерию		
			L ₁ – Низкий	L ₂ – Средний	L ₃ – Высокий
1. Финансовые ресурсы и инфраструктура производства	K _{1.1} – Уровень финансового обеспечения стратегии относительно планового бюджета	$K_{1.1} = (K_{1.1.1} / K_{1.1.2}) * 100\%$, где: K _{1.1.1} – объем финансовых ресурсов, выделенных на реализацию стратегии в анализируемом периоде, млн руб.; K _{1.1.2} – объем планового бюджета стратегии в анализируемом периоде, млн руб.	$K_{1.1} \leq 60\%$	$60\% < K_{1.1} \leq 80\%$	$K_{1.1} > 80\%$
	K _{1.2} – Уровень инфраструктурного обеспечения реализации стратегии относительно потребности	$K_{1.2} = K_{1.2.1} * N_{1.2.1} + K_{1.2.2} * N_{1.2.2} + K_{1.2.3} * N_{1.2.3} + K_{1.2.4} * N_{1.2.4} + K_{1.2.5} * N_{1.2.5}$, где: K _{1.2.1} – Обеспеченность производственным оборудованием, % от потребности; K _{1.2.2} – Обеспеченность цехами, %; K _{1.2.3} – Обеспеченность складами, %; K _{1.2.4} – Обеспеченность участками, %; K _{1.2.5} – Обеспеченность транспортом, %; N _{1.2.1} ... N _{1.2.5} – весовые коэффициенты (в сумме равны 1).	$K_{1.2} \leq 50\%$	$50\% < K_{1.2} \leq 70\%$	$K_{1.2} > 70\%$

¹ Модель инновационной открытости крупных компаний. Презентация Агентства стратегических инициатив (июнь, 2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://files-ice.asi.ru/iblock/cab/cab6fc3d6329858918523e78e01615c8/Standart_all_int.pdf (дата обращения: 15.07.2021).

Направле- ние оценки	Критерии оцен- ки готовности	Порядок расчёта готовности про- мышленного комплекса по соответ- ствующему критерию	Оценка уровня готовно- сти комплекса по соот- ветствующему критерию		
			L ₁ – Низкий	L ₂ – Средний	L ₃ – Вы- сокий
2. Кадровый потенциал	K _{2.1} – Уровень укомплектован- ности предпри- ятия кадрами	$K_{2.1} = (K_{2.1.1} / K_{2.1.2}) * 100\%$, где: K _{2.1.1} – количество замещенных ставок штатного расписания, ед; K _{2.1.2} – количество ставок штатного расписания, чел.	$K_{2.1} \leq 70\%$	$70\% < K_{2.1} \leq 85\%$	$K_{2.1} > 85\%$
	K _{2.2} – Уровень квалификации кадров	$K_{2.2} = K_{2.2.1} * N_{2.2.1} + K_{2.2.2} * N_{2.2.2} + K_{2.2.3} * N_{2.2.3} + K_{2.2.4} * N_{2.2.4} + K_{2.2.5} * N_{2.2.5}$, где: K _{2.2.1} – доля кадров с высшим образо- ванием, %; K _{2.2.2} – доля кадров, прошедших повы- шение квалификации, %; K _{2.2.3} – доля кадров с опытом работы более 5 лет, %; K _{2.2.4} – доля кадров, использующих профильное ПО, %; K _{2.2.5} – доля кадров, работающих с при- менением передовой технологии, % N _{2.2.1} ... N _{2.2.5} – весовые коэффициенты (в сумме равны 1).	$K_{2.2} \leq 70\%$	$70\% < K_{2.2} \leq 85\%$	$K_{2.2} > 85\%$
3. Органи- зационная структура	K _{3.1} – Уровень коммуникатив- ности организа- ционной струк- туры	$K_{3.2} = (K_{3.1.1} + K_{3.1.2} + K_{3.1.3}) / 3$, где: K _{3.2.1} – Уровень взаимодействия сотруд- ников комплекса по горизонтали, %; K _{3.2.2} – Уровень взаимодействия со- трудников комплекса по вертикали, %; K _{3.2.3} – Уровень взаимодействия струк- турных подразделений комплекса с внешними контрагентами, %.	$K_{3.1} \leq 70\%$	$70\% < K_{3.1} \leq 80\%$	$K_{3.1} > 80\%$
	K _{3.2} – Уровень адаптивности организацион- ной структуры	$K_{3.2} = (K_{3.2.1} + K_{3.2.2} + K_{3.2.3}) / 3$, где: K _{3.2.1} – Наличие в структуре комплекса подразделений по цифровизации; K _{3.2.2} – Наличие в структуре комплек- са подразделений по инновационной деятельности и НИОКР; K _{3.2.3} – Наличие в оргструктуре про- ектных команд для решения кросс- функциональных задач. Для расчета значений K _{3.2.1} , K _{3.2.2} , K _{3.2.3} применяется шкальный метод.	$K_{3.2} \leq 50\%$	$50\% < K_{3.2} \leq 70\%$	$K_{3.2} > 70\%$
4. Методиче- ский инстру- ментарий и технологии управления	K _{4.1} – Уровень прогрессивно- сти управленче- ских технологий	$K_{4.1} = K_{4.1.1} * N_{4.1.1} + K_{4.1.2} * N_{4.1.2} + K_{4.1.3} * N_{4.1.3} + K_{4.1.4} * N_{4.1.4} + K_{4.1.5} * N_{4.1.5}$, где: K _{4.1.1} – Доля стратегических целей, по которым разработаны дорожные кар- ты, % K _{4.1.2} – Уровень использования гибких (проектных) методов управле- ния, % от потенциала; K _{4.1.3} – Уровень внедрения технологий бе- режливого управления и производства, %; K _{4.1.4} – Доля подразделений, в которых используются KPI, %; K _{4.1.5} – Уровень внедрения цифровых технологий для принятия решений, %; N _{4.1.1} ... N _{4.1.5} – весовые коэффициенты (в сумме равны 1).	$K_{4.1} \leq 50\%$	$50\% < K_{4.1} \leq 70\%$	$K_{4.1} > 70\%$

Направление оценки	Критерии оценки готовности	Порядок расчёта готовности промышленного комплекса по соответствующему критерию	Оценка уровня готовности комплекса по соответствующему критерию		
			L ₁ – Низкий	L ₂ – Средний	L ₃ – Высокий
	К _{4.2} – Уровень качества и скорости принятия управленческих решения	$K_{4.2} = K_{4.2.1} \cdot N_{4.2.1} + K_{4.2.2} \cdot N_{4.2.2} + K_{4.2.3} \cdot N_{4.2.3} + K_{4.2.4} \cdot N_{4.2.4}$, где: K _{4.2.1} – Доля своевременно принимаемых управленческих решений, %; K _{4.2.2} – Доля своевременно реализованных позиций стратегических планов, % за год; K _{4.2.3} – Доля позиций планов, реализованных согласно бюджетам, %; K _{4.2.4} – Доля оперативных поручений, выполненных согласно срокам и бюджетам, % за год; N _{4.2.1} ... N _{4.2.5} – весовые коэффициенты (в сумме равны 1).	K _{4.2} ≤ 65%	65% < K _{4.2} ≤ 80%	K _{4.2} > 80%
5. Корпоративная культура и институты	К _{5.1} – Вовлеченность персонала в стратегию преобразований	$K_{5.1} = (K_{5.1.1} + K_{5.1.2} + K_{5.1.3} + K_{5.1.4}) / 4$, где: K _{5.1.1} – доля сотрудников, которых планируется привлечь к реализации стратегии, %; K _{5.1.2} – доля сотрудников, регулярно выступающих с новыми инициативами, %; K _{5.1.3} – доля сотрудников, участвующих в пилотных проектах, управленческих и производственных экспериментах, %; K _{5.1.4} – доля сотрудников, участвующих в программах наставничества, %.	K _{5.1} ≤ 40%	40% < K _{5.1} ≤ 60%	K _{5.1} > 60%
	К _{5.2} – Лояльность персонала	$K_{5.2} = (K_{5.2.1} + K_{5.2.2} + K_{5.2.3} + K_{5.2.4}) / 4$, где: K _{5.2.1} – доля сотрудников, поддерживающих идею изменений, %; K _{5.2.2} – доля сотрудников, удовлетворенных кадровой политикой, %; K _{5.2.3} – доля кадров, удовлетворенных внутренними нормами и правилами, %; K _{5.2.4} – доля клиентоориентированных сотрудников, %.	K _{5.2} ≤ 70%	70% < K _{5.2} ≤ 85%	K _{5.2} > 85%
6. Система мотивации персонала	К _{6.1} – Охват сотрудников финансовыми методами мотивации	$K_{6.1} = (K_{6.1.1} / K_{6.1.2}) \cdot 100\%$, где: K _{6.1.1} – количество сотрудников, в отношении которых определены финансовые формы поощрения за реализацию стратегии, ед.; K _{6.1.2} – среднесписочная численность сотрудников предприятия, ед.	K _{6.1} ≤ 70%	70% < K _{6.1} ≤ 85%	K _{6.1} > 85%
	К _{6.2} – Охват сотрудников нефинансовыми методами мотивации	$K_{6.2} = (K_{6.2.1} / K_{6.1.2}) \cdot 100\%$, где: K _{6.2.1} – количество сотрудников, в отношении которых разработаны нефинансовые формы поощрения за успешную реализацию стратегии, ед.;	K _{6.2} ≤ 70%	70% < K _{6.2} ≤ 85%	K _{6.2} > 85%

Значения показателей $K_{1.1}$, $K_{1.2}$, $K_{2.1}$, $K_{2.2}$, $K_{3.2}$, $K_{4.1.1}$, $K_{4.1.4}$, $K_{4.2.2}$ – $K_{4.2.4}$, $K_{5.1}$, $K_{6.1}$, $K_{6.2}$ определяются расчётным способом или путём использования фактических значений показателей в зависимости от применяемых форм отчётности на предприятии. Значения показателей $K_{3.1}$, $K_{4.1.2}$ – $K_{4.1.5}$, $K_{4.2.1}$ определяются на основе экспертных оценок менеджмента промышленного комплекса. Значение показателя $K_{5.2}$ определяется на основе анкетирования сотрудников предприятия.

Максимальный уровень готовности промышленного комплекса к реализации стратегии институциональных преобразований по каждому из выбранных направлений и критериев составляет 100%.

L_1 , L_2 , L_3 – коридоры (интервалы) значений, соответствующих низкому, среднему и высокому уровню готовности промышленных комплексов к реализации стратегий трансформации по выбранным критериям.

Этапы № 4–5. Проведём апробацию методики, оценив уровни готовности промышленных комплексов из различных регионов РФ по разработанным критериям (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Уровни готовности промышленных комплексов к реализации стратегии преобразований по ключевым критериям в 2020 г. / The level of industrial complexes readiness for implementing the transformation strategy according to the key criteria in 2020

Код критерия готовности	АО «Созвездие»	АО «Борхиммаш»	ООО ФПК «Космос-Нефть-Газ»	ООО УК «Рудормаш»	АО «Гидрогаз»	ЗАО «НПО «ГЭН»	АО «Курский электроаппаратный завод»	АО «Счетмаш»	ОАО «Объединенные электро-технические заводы»	ООО ЛТК «Свободный сокол»	АО «Промышленный комплекс «Энергия»	ОАО «НПК НИИ Дальней радиосвязи»	ОАО «НПО Гидромаш»	ООО «АГРИСОВГАЗ»
K1.1	84%	80%	82%	68%	89%	61%	90%	60%	91%	77%	68%	42%	73%	85%
K1.2	81%	75%	67%	78%	77%	63%	90%	61%	82%	78%	80%	68%	65%	75%
K2.1	85%	82%	83%	80%	81%	79%	92%	83%	85%	79%	73%	77%	75%	82%
K2.2	83%	75%	75%	68%	86%	72%	78%	75%	77%	70%	67%	75%	71%	83%
K3.1	72%	70%	72%	52%	69%	86%	85%	74%	85%	79%	55%	61%	70%	80%
K3.2	82%	81%	64%	39%	73%	82%	87%	68%	67%	55%	45%	51%	63%	84%
K4.1	73%	75%	70%	57%	69%	55%	70%	60%	71%	79%	50%	53%	61%	79%
K4.2	75%	73%	65%	59%	78%	62%	75%	63%	63%	71%	60%	43%	72%	77%
K5.1	64%	72%	70%	48%	69%	76%	75%	65%	70%	72%	45%	55%	71%	69%
K5.2	82%	73%	75%	69%	78%	77%	78%	82%	70%	82%	67%	65%	68%	87%
K6.1	74%	72%	73%	67%	88%	78%	84%	84%	85%	74%	45%	63%	73%	82%
K6.2	86%	88%	83%	78%	90%	88%	86%	81%	90%	83%	72%	72%	70%	88%
$K_{\text{шк}} - \text{сводное значение}$	78%	76%	73%	64%	79%	73%	83%	71%	78%	75%	61%	60%	69%	81%

Расчёт сводных значений уровней готовности промышленных комплексов к реализации стратегии трансформации осуществлён по следующему соотношению:

$$K_{\text{ипк}} = \frac{\sum_{n=1}^T k_{in}}{T} \quad (1)$$

где:

$K_{\text{ипк}}$ – сводный уровень готовности i -го промышленного комплекса к реализации стратегии институциональных преобразований по всем критериям, %;

K_{in} – значение уровня готовности i -го промышленного комплекса по n -му критерию;

T – количество критериев оценки (равное 12) промышленного комплекса из множества критериев $K_{1.1}, K_{1.2}, \dots, K_{6.2}$.

Для дополнительного анализа полученных данных и обеспечения наглядного мониторинга уровня готовности промышленных комплексов к реализации стратегий институциональных преобразований автором предлагается использование модифицированных контрольных карт Шухарта, которые были разработаны американским учёным в 1924 г. в качестве инструмента для контроля и статистического мониторинга variability бизнес-процессов и последующего исключения (нивелирования) факторов, которые данные процессы дестабилизируют и выводят за границы заданных параметров [7].

На рис. 2 представлены элементы системы контрольных карт, построенных по ключевым направлениям оценки готовности промышленных комплексов к реализации стратегии трансформации. При проведении оценки использован метод двухкритериального анализа и координатного диагностирования, позволяющий определить уровень готовности промышленного комплекса путём визуализации результирующего значения оценок предприятия в системе координат и контрольных границ контрольной карты [4].

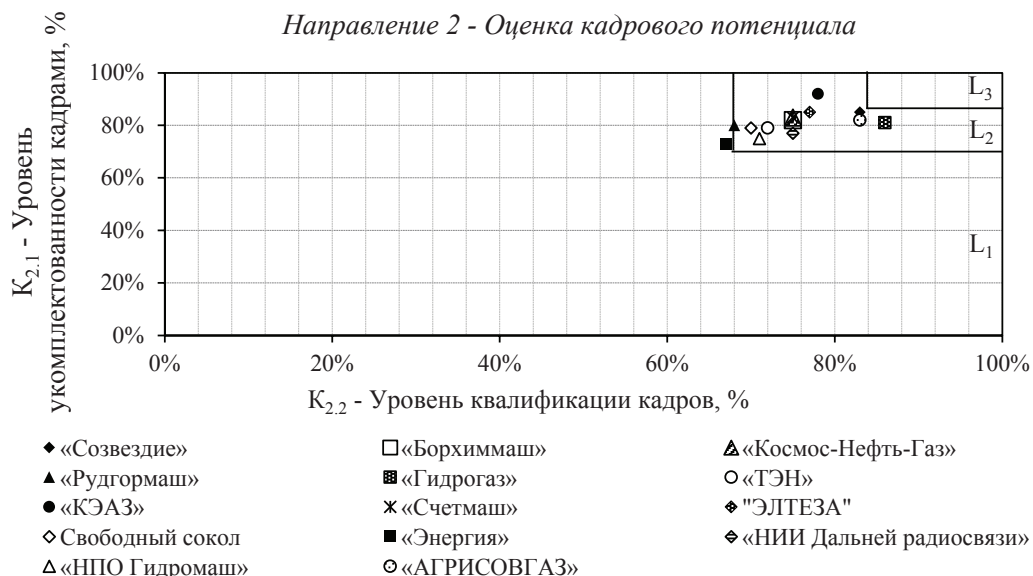

Рис. 2 / Fig. 2. Контрольные карты готовности предприятий к реализации стратегий преобразований по ключевым направлениям (фрагмент) / Control maps of industrial complexes readiness for implementing transformation strategies in key areas and criteria (fragment)

Сформированные контрольные карты показывают следующее:

1. Большинство исследуемых промышленных комплексов обладает необходимыми ресурсами для финансирования мероприятий стратегии преобразований и имеет определённые инфраструктурные резервы для оптимизации бизнес-процессов и организации производства новых видов продукции. Исключением является НПК НИИ «Дальней радиосвязи», который имеет низкий уровень ресурсной готовности к реализации стратегии (55%). По итогам 2020 г. выручка у этого предприятия снизилась в 9 раз (с 6,2 млрд руб. до 677 млн руб.)¹.

2. Практически все рассматриваемые предприятия имеют средний уровень готовности к реализации стратегии трансформации по кадровому потенциалу и достаточно сильно дифференцированы по уровню готовности оргструктуры. Наиболее адаптивную и коммуникативную оргструктуру имеют «НПО «ТЭН», АО «Курский электроаппаратный завод» и ООО «АГРИСОВГАЗ».

3. Среди исследуемых индустриальных комплексов отсутствуют предприятия, имеющие высокий уровень готовности к реализации стратегий с точки зрения технологий управления.

4. Основная часть предприятий находится на высоком и среднем уровнях готовности к исполнению стратегий по состоянию корпоративной культуры и институтов. В числе лидеров – ООО «АГРИСОВГАЗ», ООО ЛТК «Свободный сокол», АО «Курский электроаппаратный завод», «НПО «ТЭН», АО «Созвездие», АО «Гидрогаз» и т. д. Данные предприятия характеризуются высоким уровнем вовлечённости персонала в процесс институциональных преобразований и лояльностью кадров.

5. Высокий уровень готовности к реализации стратегии изменений с позиции используемой системы мотивации кадров наблюдается на АО «Гидрогаз» (89%), АО «Курский электроаппаратный завод» (85%), ООО «АГРИСОВГАЗ» (85%) и других организациях.

Этап № 6. Анализ динамики уровней готовности промышленных комплексов к исполнению стратегий трансформации (рис. 3).

Определение на карте значений контрольных границ между верхним, средним и нижним уровнями готовности промышленных комплексов к реализации стратегии преобразований осуществляется по следующим соотношениям (на примере 2020 г.):

$$UCL_{\text{верх/сред}} = \frac{\sum_{n=1}^T L_3 n_{Kn}}{T} = 78\% \quad (2),$$

$$LCL_{\text{сред/нижн}} = \frac{\sum_{n=1}^T L_1 n_{Kn}}{T} = 62\% \quad (3),$$

где: $UCL_{\text{верх/сред}}$ – значение верхней контрольной границы карты, разделяющей коридоры верхнего (L_3) и среднего (L_2) уровней готовности промышленных комплексов к реализации стратегии институциональных преобразований, %;

$LCL_{\text{сред/нижн}}$ – значение нижней контрольной границы карты, разделяющей коридоры среднего (L_2) и нижнего (L_1) уровней готовности промышленных комплексов к реализации стратегии институциональных преобразований, %;

L_{1Kn} , L_{3Kn} – коридоры (интервалы) значений, соответствующих низкому и высокому уровню готовности промышленных комплексов по выбранным критериям, %;

¹ По данным системы «СПАРК»-Интерфакс.

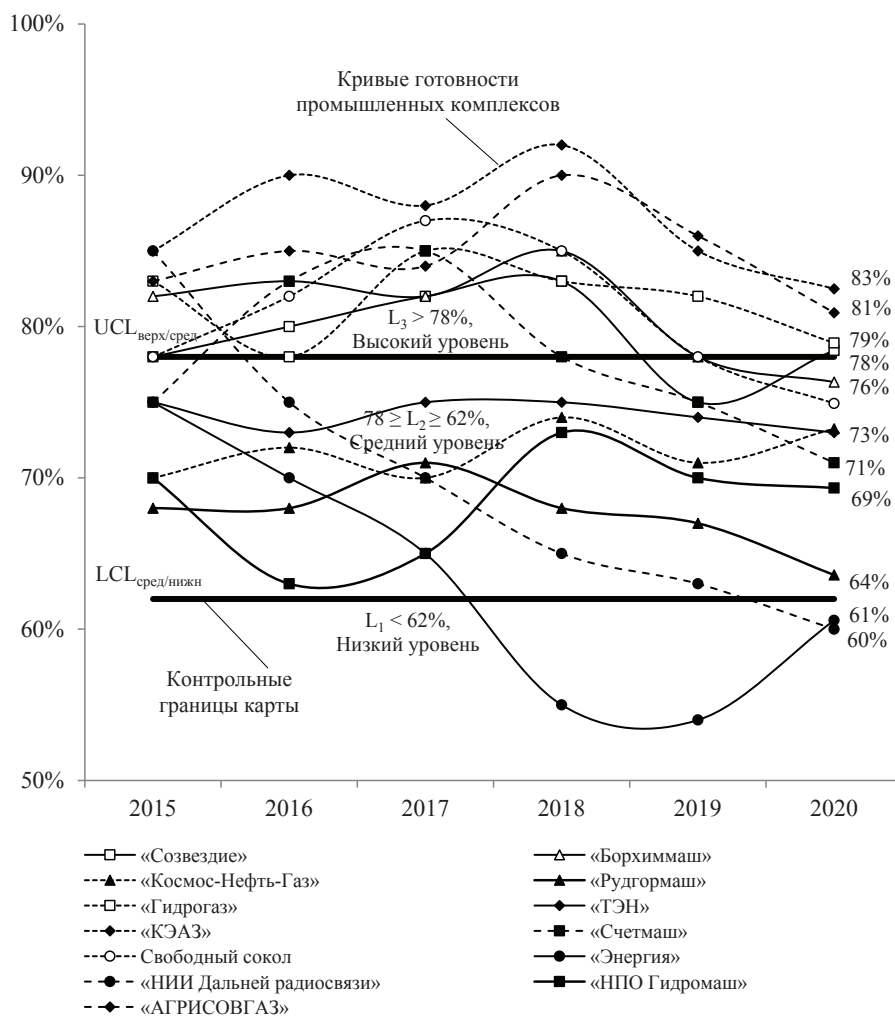

Рис. 3 / Fig. 3. Динамика уровня готовности промышленных комплексов к реализации стратегий институциональных преобразований / Dynamics of the level of industrial complexes readiness for implementing institutional transformation strategies

T – количество критериев оценки (равное 12) промышленного комплекса из множества критериев $K_{1.1}, K_{1.2} \dots K_{6.2}$.

Итак, на основе представленной контрольной карты можно сделать следующие выводы:

1. В течение 2020 г. практически все исследуемые промышленные комплексы характеризовались снижением уровня готовности к реализации стратегии преобразований. Это связано с тем, что кризисные тенденции в мировой и отечественной экономике, вызванные пандемией коронавируса, привели к сокращению персонала у большинства предприятий, снижению показателей выручки и прибыли, секвестированию инвестиций, направляемых на цифровизацию и технологическое перевооружение.

2. По динамике уровня готовности к реализации стратегии трансформации промышленные комплексы могут быть разделены на 3 группы:

- *Предприятия со стабильно высоким уровнем готовности к исполнению стратегии.* В их число входят – АО «Курский электроаппаратный завод», ОАО «Объединенные электротехнические заводы», ООО «АГРИСОВГАЗ», АО «Гидрогаз» и АО «Созвездие». Данные предприятия активно развиваются, характеризуются устойчивым финансовым положением, имеют высококвалифицированные кадры, обеспечены значительным объемом государственных заказов и проводят активную инновационную политику в условиях цифровой экономики;
- *Предприятия со средним уровнем готовности к исполнению стратегии.* К ним относятся – АО «Борхиммаш», ООО ЛТК «Свободный сокол», ОАО «НПО Гидромаш», ООО ФПК «Космос-Нефть-Газ», ООО УК «Рудгормаш», АО «Счетмаш», ЗАО «НПО «ТЭН». Указанные промышленные комплексы реализуют стратегические мероприятия по модернизации производства и цифровой трансформации, имеют в своём штате значительный объем квалифицированных кадров, являются участниками кластерных структур и осуществляют инновационные проекты. Часть рассматриваемых предприятий (например, АО «Борхиммаш») в течение 2015–2019 гг. имела высокий уровень готовности к выполнению стратегий преобразований, но в силу влияния неблагоприятных факторов, перешла в группу промышленных комплексов со средними показателями.
- *Предприятия с низким уровнем готовности к исполнению стратегии.* К данной группе могут быть отнесены ОАО «НПК НИИ Дальней радиосвязи» и АО «Промышленный комплекс «Энергия». Комплекс «Энергия» в силу отраслевой специфики (производство пара и горячей воды) не инвестирует значительные средства в повышение квалификации кадров, освоение инновационных технологий и цифровую трансформацию.

3. В числе анализируемых промышленных комплексов может быть выделено предприятие АО «Счетмаш». Оно имеет достаточный, но активно снижающийся уровень готовности к исполнению стратегии. За 2017–2020 гг. указанный показатель снизился на 13 п. и составил 71%.

Заключение

Становление цифровой экономики формирует необходимость проведения масштабных и динамичных реформ в производственном секторе страны [6].

Предложенная методика оценки готовности промышленного комплекса к реализации стратегии институциональных преобразований позволяет исследовать имеющийся у предприятия потенциал для осуществления глубинных изменений, а также своевременно выявлять ресурсные проблемы и организационно-управленческие риски, препятствующие трансформации компании и достижению долгосрочных целей развития.

Статья поступила в редакцию 21.07.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боев А. Г. Методологический подход к разработке и реализации стратегии институциональных преобразований промышленного комплекса // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2019. № 4. С. 69–81.
2. Жаворонков Д. В. Организационные структуры управления. Краснодар, 2020. 100 с.
3. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации. СПб.: Питер, 2012. 253 с.

4. Панов С. А. Метод координатного диагностирования для сравнительного анализа социально-экономического развития наукоградов (на примере наукоградов Дубна Московской области и Обнинск Калужской области) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 8 (149). С. 16–30.
5. Фуллер Дж. Готовность меняться: удивительные открытия о ваших сотрудниках // Harvard Business Review : [сайт]. URL: https://hbr-russia.ru/management/upravlenie-personalom/812382?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=pyat_luchshih_materialov_nedeli_ot_hbr_rossiya&utm_term=2019-10-20 (дата обращения: 15.07.2021).
6. Industrial Complex Transformation Trends in Digital Economy / A. G. Boev, Y. P. Anisimov, O. A. Kolodyazhnaya, V. A. Savvateev // Proceedings of the Russian Conference on Digital Economy and Knowledge Management. 2020. P. 87–91.
7. Shewhart W. A. Economic Control of Manufactured Product. Toronto; New York; London, 1931. 499 p.
8. Laczkowski K., Tan T., Winter M. The numbers behind successful transformations // McKinsey Quarterly : [сайт]. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/transformation/our-insights/the-numbers-behind-successful-transformations?cid=eml-app> (дата обращения: 15.07.2021).

REFERENCES

1. Boev A. G. [Methodological approach to the development and implementation of a strategy for institutional transformations of the industrial complex]. In: *Izvestiya Dalnevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravleniye* [The Proceedings of the Far Eastern Federal University. Economics and management], 2019, no. 4, pp. 69–81.
2. Zhavoronkov D. V. *Organizatsionnye struktury upravleniya* [Organizational management structures]. Krasnodar, 2020. 100 p.
3. Mintsberg G. *Struktura v kulake: sozдание effektivnoi organizatsii* [Structure in a fist: creation of an effective organization]. St. Petersburg, Piter Publ., 2012. 253 p.
4. Panov S. A. [Coordinate diagnostics method for comparative analysis of socio-economic development of science cities (on the example of science cities Dubna, Moscow region and Obninsk, Kaluga region)]. In: *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* [National interests: priorities and security], 2012, no. 8 (149), pp. 16–30.
5. Fuller J. [Willingness to Change: Amazing Discoveries about Your People]. In: *Harvard Business Review*. Available at: https://hbr-russia.ru/management/upravlenie-personalom/812382?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=pyat_luchshih_materialov_nedeli_ot_hbr_rossiya&utm_term=2019-10-20 (accessed: 15.07.2021).
6. Boev A. G., Anisimov Y. P., Kolodyazhnaya O. A., Savvateev V. A. Industrial Complex Transformation Trends in Digital Economy. In: *Proceedings of the Russian Conference on Digital Economy and Knowledge Management*, 2020, pp. 87–91.
7. Shewhart W. A. Economic Control of Manufactured Product. Toronto, New York, London, 1931. 499 p.
8. Laczkowski K., Tan T., Winter M. The numbers behind successful transformations. In: *McKinsey Quarterly*. Available at: <https://www.mckinsey.com/business-functions/transformation/our-insights/the-numbers-behind-successful-transformations?cid=eml-app> (accessed: 15.07.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Боев Алексей Геннадьевич – кандидат экономических наук, заместитель руководителя Аналитического центра правительства Воронежской области, докторант Воронежского государственного технического университета;
e-mail: aboev@govvrn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boev Alexey Gennadievich – Cand. Sci. (Economics), Deputy Head of the Analytical Center of the Voronezh Region Government, doctoral student, Voronezh State Technical University;
e-mail: aboev@govvrn.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Боев А. Г. Методика оценки готовности промышленных комплексов к реализации стратегий институциональных преобразований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 3. С. 59–72.
DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-59-72

FOR CITATION

Boev A. G. Methodology for assessing the readiness of industrial complexes to implement institutional transformation strategies. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2021, no. 3, pp. 59–72.
DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-59-72

УДК 331.1+ 339.13

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-73-82

ЗАДАЧИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОЙ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Желтенков А. В.¹, Федотова М. А.²

¹ *Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

² *Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть задачи формирования деловой репутации промышленной организации за счёт выстраивания правильной информационной политики.

Процедура и методы. Проведён анализ научно-методических источников, раскрыты вопросы определения общеорганизационной политики управления распространением информации, выделены основные положения формирования такой политики.

Результаты. Сделаны выводы о необходимости формирования и контроля общеорганизационной политики работы с информационными источниками для внешних и внутренних стейкхолдеров на базе принципов, определённых в статье. Такой подход создаёт необходимые условия формирования устойчивой деловой репутации промышленной организации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обозначены основные положения общеорганизационной политики работы с информацией для формирования деловой репутации. Представлен взгляд на организацию работы с информационными источниками и с так называемыми «чёрными» списками, приведены примеры их видов. С позиции управления защитой деловой репутацией промышленной организации обозначены практические вопросы организации процедуры реагирования на нежелательную информацию.

Ключевые слова: деловая репутация, устойчивая репутация, задачи формирования репутации, промышленная организация, информационная политика, информационные источники, защита репутации

OBJECTIVES OF THE INFORMATION POLICY FOR THE FORMATION OF A SUSTAINABLE BUSINESS REPUTATION OF AN INDUSTRIAL ORGANIZATION

A. Zheltenkov¹, M. Fedotova²

¹ *Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy ul., Mytishi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

² *Moscow Aviation Institute
4, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the tasks of forming the business reputation of an industrial organization by building the right information policy.

Methodology. In accordance with the goal set, the analysis of scientific and methodological sources is carried out, the issues of determining the corporate policy of information dissemination management are disclosed, the main provisions of the formation of such a policy are highlighted.

Results. Conclusions are drawn about the need to form and control the corporate policy of working with information sources for external and internal stakeholders on the basis of the principles defined in the article. This approach creates the necessary conditions for the formation of a stable business reputation of an industrial organization.

Research implications. The theoretical significance lies in the fact that the main provisions of the corporate policy of working with information for the formation of business reputation are outlined. The practical significance is due to the fact that the article presents a look at the organization of work with information sources and so-called «black» lists, and provides examples of their types. From the standpoint of managing the protection of the business reputation of an industrial organization, the practical issues of organizing the procedure for responding to unwanted information are outlined.

Keywords: business reputation, sustainable reputation, tasks of reputation formation, industrial organization, information policy, information sources, reputation protection

Введение

Вопросы формирования и управления деловой репутацией являются обязательной частью развития промышленной организации. Репутация компании направлена в большей мере на внешних потребителей – лояльных и потенциальных клиентов и сотрудников. Уровень развитости вопросов формирования репутации в промышленных организациях достаточно разный, в зависимости от характера производимой продукции, отрасли деятельности, открытости организации и др. Но сегодня практически все организации ставят задачи формирования положительной репутации, более того устойчивой.

Устойчивая деловая репутация предполагает формирование положительного устойчивого мнения по отношению к организации, её продукции, проектам и другим составляющим у различных групп лиц. Одной из значимых задач формирования репутации является выстраивание правильной информационной политики. На практике эти задачи в организациях решаются подразделениями связей с общественностью (PR и т. п.) совместно с управлением персоналом и курируются топ-менеджментом.

В рамках данной статьи авторы предлагают программу действий для решения обязательных вопросов по формированию репутации, особенно, если промышленная организация только начинает решать подобные задачи.

Анализируя содержание и особенности работы с информацией для укрепления и формирования устойчивой деловой репутации для промышленной организации [2; 4; 5; 6; 7; 8], выделены 2 основных направления принятия решений (рис. 1):

1. определение общеорганизационной политики (программы) управления распространением информации;
2. определение общеорганизационной политики работы с информационными источниками, в т. ч.: организация работы с интернет-источниками и с так называемыми «чёрными» списками.

Задача предотвращения попадания организации в «чёрные» списки может рассматриваться как самостоятельная задача, но с учётом современных особенностей распространения и представления информации включена в политику работы с интернет-источниками, поскольку практически все «чёрные» списки на сегодняшний день представляются в интернете. На практике организация должна также ответить на вопросы, касающиеся защиты деловой репутации.

Остановимся подробнее на указанных актуальных направлениях информационной политики и предложим их решение в рамках задач повышения устойчивости деловой репутацией промышленной организации.

Определение общеорганизационной политики управления распространением информации

Политика управления распространением информации (с акцентом на работу с негативной информацией) подразумевает формирование единых положений по предотвращению и реакции на различную информацию о промышленной организации. Такая политика должна строиться на основании выделенных ниже принципов управления деловой репутацией. Данный подход может быть самостоятельным инструментом или входить в политику антикризисного управления деловой репутацией.

Рис. 1 / Fig. 1. Основные направления формирования устойчивой деловой репутации промышленной организации / The main directions of forming a stable business reputation of an industrial organization

Авторами обобщены основные положения политики управления распространением информации для промышленной информации [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8]:

1. *Скорость и работа на опережение.* Первые сутки получения информации (особенно негативной) – решающее время. Необходима быстрая и ясная реакция организации на произошедшее, поскольку иначе информационное поле будет заполнено слухами, в т. ч. созданными конкурентами.

2. *Инициатива.* Главным источником новостей должна быть сама промышленная организация, только в этом случае, давая информацию, она сможет представить свою трактовку событий.

Поясним сущность принципов скорости и инициативы. Так, например, если промышленная организация узнает о том, что может стать объектом «отрицательного внимания», следует первыми дать информацию общественности. Такая реакция придаёт ей желательную форму и управляет ей, а не реагирует на отрицательные замечания в ответ. Причём это касается всей негативной информации, включая и слухи внутри компании.

3. *Информационная открытость.* Необходимо не только публиковать пресс-релизы (на сайте, в соцсетях и др.), а стараться отвечать на возникающие вопросы любой аудитории в достаточном объёме. Здесь важны форма подачи информации и тип ответов на поставленные вопросы в зависимости от групп заинтересованных лиц. Так, например, обращаясь к общественности и потребителям важно использовать не только юридические нормы в языке общения, но и обязательно проявлять человеческую реакцию компании, общаться на понятном «живом» языке.

Промышленная организация в работе с аудиторией должна объяснить: 1) почему событие произошло и 2) признать свои ошибки или 3) обосновать факт случившегося.

Исследования показывают, что в сфере укрепления деловой репутации стоит принимать ответственность за случившееся на счёт организации, поскольку это ведёт к позитивному восприятию организации и способствует поддержанию котировок акций предприятия.

4. *Честность.* Практика показывает, что попытки скрыть факты погубили немало известных промышленных компаний. Необходимо не только признать свои ошибки, но и предложить проект решения возникшей проблемы. Прозрачность напрямую влияет на устойчивость и стоимость промышленной организации.

Информационная открытость и честность напрямую влияют на стоимость промышленной организации. Различные исследования демонстрируют прямую зависимость открытой коммуникационной политики с котировками акций. Так, при правильной реакции со стороны промышленной организации в первые несколько дней получения негативной информации котировки акций снижаются на несколько процентов, а затем постепенно начинают расти, в противном случае возможно снижение стоимости акций в течение 1,5 месяцев до 50%.

5. *Координация.* Информация, выходящая за пределы промышленной организации, должна быть единообразной, – любые разногласия и разночтения усугубляют кризис.

Кроме того, координация информации предполагает грамотное смещение акцентов при её подаче. Так, если промышленной организации приходится говорить о негативе, следует предоставлять информацию в общем, но быть предельно конкретными, говоря о положительных и установленных фактах. Важно помнить, что даже в процессе опровержения слухов люди неверно запоминают правдивую и ложную информацию. Поэтому не стоит напоминать группам заинтересованных лиц то, о чём они и сами могут забыть, лучше по возможности приводить положительные факты.

6. *Работа сразу со всеми информационными уровнями, воздействующими на различные группы заинтересованных лиц.* Информировать нужно не только СМИ, но потребителей, сотрудников и партнёров, государственные органы, акционеров, при этом для каждой группы должны быть свои аргументы и свои информационные каналы. Реализуя положения координации и информированности стоит обратить особое внимание на интернет-ресурсы, поскольку в соответствии с российским законодательством не все из них являются полноценными СМИ (например, соцсети), но по масштабности и скорости предоставления информации имеют огромное влияние на формирование устойчивой репутации.

7. *Демонстрировать устремлённость организации в будущее и её общественную позицию.*

Даже отвечая на информацию негативного характера, промышленная организация должна регулярно демонстрировать свою устремлённость в будущее и открытую общественную позицию. Исследования показывают, что лучше не использовать политику опровержения слухов в чистом виде (поскольку во многом она является пассивной), а дополнять её активной политикой, демонстрирующей позицию организации в будущем. Это ещё одна форма рекламы и публичного продвижения организации и способ привлечения новых клиентов.

Остановимся на вопросе организации использования политики управления пространством негативной информации. Организационно такая политика должна разрабатываться и использоваться прежде всего сотрудниками PR-подразделений, HR-подразделений и топ-менеджерами промышленной организации, но основные положения должны доводиться до всех сотрудников промышленной организации и являться обязательными к исполнению. И здесь основная организационная задача – информация должна быть доведена до всех групп заинтересованных лиц: сотрудников компании, акционеров, финансово-кредитных организаций, клиентов, средств массовой информации, представителей государственных структур и др.

Кроме направленных информационных потоков, инициируемых самой компанией, для укрепления репутации необходимо контролировать объективные и преднамеренные, исходящие от конкурентов. Так, например, обеспокоенные информационной закрытостью своих компаний миноритарные акционеры прибегают к помощи средств массовой информации или интернета для обмена мнениями в своей среде, чтобы, в конечном счёте, усилить своё влияние на принятие решений топ-менеджментом. Циркулирующая между мелкими акционерами информация может нанести существенный урон репутации компании, так же как и беспристрастные отчёты или комментарии в средствах массовой информации независимых аналитиков. Кроме того, зачастую даже рядовые сотрудники многих компаний имеют доступ к конфиденциальной информации.

Таким образом, выделенные основные положения политики управления пространством информации являются основой построения коммуникационной программы промышленной организации и становятся основой построения положительной и устойчивой деловой репутации промышленной организации.

Определение общеорганизационной политики работы с информационными источниками

На сегодняшний день, говоря об интернете с позиций формирования и укрепления деловой репутации промышленной организации, отмечают его особую роль в построении коммуникационной политики как фактора возникновения новых медиа [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 9]. Остановимся на особенностях интернета как информационного

ресурса формирования и укрепления деловой репутации промышленной организации. Так, сегодня интернет выполняет все функции, которые возложены на традиционные СМИ, причём зачастую более успешно, по-новому реализует коммуникационную функцию за счёт объединения печатного слова, аудио-визуальных средств и функций обратной связи. При этом традиционные СМИ используют интернет-ресурсы для организации интерактивного доступа к своим материалам и их дальнейшего распространения за счёт средств самой сети. На сегодня сайты ведущих мировых и российских изданий представляют собой информационные порталы со множеством интерактивных функций. При этом информационные агентства цитируют интернет-ресурсы и агентства, а не печатные СМИ, информация на сайтах появляется в режиме реального времени, появляются ресурсы, позволяющие компаниям самостоятельно проводить мониторинг информации без привлечения PR-агентств.

Среди новых возможностей, позволяющих работать над деловой репутацией промышленной организации, следует отметить возможность формировать и демонстрировать персональный имидж и репутацию топ-менеджеров и собственников организации. При этом стоит использовать основные положения политики управления распространением информации. Например: промышленная компания в период кризиса в своей коммуникационной программе активно использовала Twitter, Facebook, корпоративные блоги, в т. ч. для выступлений президента с информированием о состоянии дел, ответов на вопросы, предоставлении информации от первого лица о видении будущего компании.

Таким образом, можно говорить о том, что интернет-ресурсы изменили способы и формы коммуникативной политики промышленной организации и создали новые возможности для распространения и отслеживания информации о предприятии с целью формирования и укрепления деловой репутации. Более того, активное и продуманное планирование коммуникаций в интернете повышает вероятность защиты и укрепления репутации в кризисные периоды, а сами интернет-ресурсы становятся источником первичной информации для различных групп стейкхолдеров, включая СМИ.

Но новые возможности сопровождаются и новыми угрозами. Так, среди угроз стоит отметить:

- *Угроза невозможности полного предотвращения распространения информации*, которая возникает за счёт невозможности и ослабления контроля над распространением информации (невозможно отследить всех участников, ознакомившихся и использовавших информацию в дальнейшем).
- *Угроза непредсказуемости освещения информации* (за счёт разных точек зрения и обрастания новыми подробностями). Так, в ряде случаев комментарии пользователей создают непредсказуемый общественный резонанс, и промышленная организация должна быть готова ответить и на него.
- *Угроза разглашения внутренней информации* (может возникнуть при ущемлении интересов групп заинтересованных лиц, особенно в периоды кризиса). Такая угроза исходит прежде всего от персонала и может реализовываться и целенаправленно как ответная реакция на «обиды» со стороны предприятия в случае увольнения, взысканий и пр., и нецеленаправленно – в форме утечки информации о проблемах и ситуациях в компании через социальные сети. Например, в период кризиса создавались временные сайты, на которых недовольные сотрудники выкладывали внутрикорпоративные документы. Причём специалисты отмечают, что количество разглашений и утечек растёт с развитием новых интернет-технологий и в периоды кризисов. Другими группами лиц, вызывающими утечку, могут быть клиенты и бизнес-партнёры.

В целях предотвращения угроз можно дать следующие рекомендации по особо важным группам стейкхолдеров [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]:

1. *Сотрудники*. Профилактическое информирование сотрудников о состоянии дел в отрасли и организации, отслеживание настроений персонала, формирование соответствующей организационной культуры, поиск компромиссов в ходе решения конфликтных ситуаций и др. Все указанные меры относятся к позитивной «профилактике» угроз. Кроме этого организации используют жёсткие регламенты и запреты на разглашение информации, и в т. ч. в интернете.

2. *Клиенты и бизнес-партнёры*. Поскольку они являются внешними по отношению к организации сторонами, введение обязательных требований в политике с ними практически невозможно. Для минимизации рисков распространения нежелательной информации можно рекомендовать отслеживать и оправдывать ожидания стейкхолдеров, серьёзно планировать коммуникации в интернете с особо выделенными группами, регулировать конфликты с бизнес-партнёрами и клиентами мирным путём или в крайней ситуации представлять интересы промышленной организации в суде с грамотной организацией их освещения.

Организация работы с интернет-источниками в целом может быть связана и с предотвращением попадания в «чёрные» списки, например, работодателей.

Положительный образ промышленной организации может быть «очернён» негативной информацией в форме попадания в так называемые «чёрные» списки. «Чёрные» списки ведутся рейтинговыми агентствами, государствами, СМИ, специализированными сайтами, отдельными организациями и др. На сегодняшний день подобные списки, как правило, представлены в интернет-источниках [1; 2; 6; 7; 8]. Практика показывает, что наибольшую угрозу репутации промышленной организации представляют «чёрные» списки, сформированные персоналом (включая бывших сотрудников), потребителями и конкурентами. Под маской потребителей в ряде случаев могут скрываться конкуренты, это подтверждает тот факт, что для нанесения урона деловой репутации потребители являются значимой группой.

На сегодня «чёрные» списки работодателей ведутся на разных сайтах, включая порталы по трудоустройству, официальные сайты правительства и региональных органов власти. Например:

- <https://antijob.top> – отзывы работников о работодателях (чёрные списки по отраслям, статьи и др.);
- <http://gderabotaem.ru> – отзывы о работодателях, характеристика зарплатных ожиданий, вакансии и др.;
- <http://blackjob.msk.ru> – чёрные списки работодателей в Москве, поиск работы в Москве;
- <https://www.jobrating.ru> – информационный портал о кадровом рынке России, собравший на своих страницах рейтинги работодателей, кадровых агентств и бизнес-школ с акцентом на карьерные предпочтения.

«Чёрные» списки организаций также могут формироваться на соответствующих ресурсах, освещающих состояние дел в отрасли или сфере бизнеса, не стоит упускать из поля внимания и сайты, защищающие права потребителей.

Первая задача промышленной организации по работе с репутацией заключается в анализе соответствующих сайтов и принятии решения о регулярном отслеживании информации, размещаемой на них. Можно рекомендовать разработку соответствующих систем для автоматического отслеживания (вплоть до ежедневного и постоянного отслеживания информации) или как минимум еженедельный мониторинг интернет-среды.

В случае огласки объективной негативной информации следует использовать положения политики управления распространением негативной информации, представленные в рамках первого направления. В случае выявления каких-либо акций по отношению к организации с целью ухудшения её имиджа и деловой репутации следует реализовывать программу защиты. Поскольку право на защиту деловой репутации является правом любой организации и охраняется законом, а ущерб от негативного воздействия на деловую репутацию может проявляться в форме морального и материально ущербов.

Вопросы защиты деловой репутации являются самостоятельным вопросом для работы, но с позиции управления данным вопросом необходимо разработать процедуру реагирования, которая должна включать ответы на вопросы:

1. *В каком случае возникает право на защиту?* Законом РФ предусмотрена ответственность за распространение сведений порочащих деловую репутацию промышленной организации как юридического лица (ст. 152 ГК РФ).

2. *Кто является ответчиком?* По отношению к СМИ ответчиком, например, могут быть автор, редакция, учредитель. Стоит обратить внимание на то, что зачастую администрация сайтов публикует обращения об ограничении ответственности, например, «администрация сайта не несёт ответственности за отзывы об организациях, размещённые на нём» и т.п. Сайты и группы, дорожащие своей репутацией, используют определённые механизмы проверки и отклонения ложных отзывов. Как правило, часто используется следующий механизм: публикуется информация соответствующая требованиям сайта, если поступает информация от лица недовольного информацией (промышленной организацией), сайт у автора уточняет основания информации, готовность автора к сохранению публикации либо её удалению на основании претензии организации. Пример такого подхода подтверждает необходимость регулярного мониторинга интернет-среды, поскольку часть отрицательных публикаций может быть устранена на основании письменной претензии организации.

3. *Что является подтверждающим фактом распространения порочащей информации?* Например, информация может быть зафиксирована в форме: 1) скриншотов страниц сайта с соответствующим подтверждением даты, времени и отражения информации (в т. ч. нотариально), 2) видеозаписи передачи с сайта телерадиокомпании и др.

4. *Форма опровержения порочащей информации и привлечение к ответственности* может иметь свои особенности применительно к ресурсам, например:

- размещение текста опровержения на определённой странице сайта;
- удаляются порочащие сведения с сайта;
- устанавливается срок, в течение которого текст опровержения будет находиться на сайте.

Комплекс ответов на эти вопросы и выстраивание практической работы с ними, по сути, представляет собой важную часть – программу защиты деловой репутации промышленной организации.

Заключение

Значимость формирования устойчивой деловой репутации связана с тем, что репутация является «нематериальной» составляющей создания дополнительной стоимости компаний, с одной стороны, и базой сохранения материальной стоимости в условиях социального партнерства, с другой.

В процессе формирования репутации для промышленных организаций необходим выбор обязательной программы действий. Такая программа может включать

решение ряда вопросов. Организации необходимо выделить основные положения политики управления распространением информации и сформировать правила их реализации для персонала, подобную работу стоит начать с сотрудниками, взаимодействующими с клиентами, далее распространив на весь персонал. Разработка правил должна строиться на базе обозначенных в работе положений, учитывать ценности и организационную культуру компании и статус взаимодействия групп персонала с клиентами. По выстраиванию работы с интернет-источниками стоит начать с выделения минимально обязательного числа каналов взаимодействия со стейкхолдерами (группы в соцсетях, отраслевые площадки и др.). При формировании программы необходимо выделить перечень так называемых «чёрных» списков, за информацией в которых организация будет следить.

Кроме рассмотренных вопросов по организации работы с информационными источниками и предотвращения попадания в «чёрные» списки, общеорганизационная политика работы с информационными источниками для промышленной организации может касаться подробной разработки решений по задачам: формирование внутренних систем работы с информацией, включая защиту от утечки информации, обеспечение требуемого технического уровня и др. Стоит ещё раз подчеркнуть, что и при решении таких задач базой является реализация принципов работы с информацией, рассмотренных в данной статье.

Статья поступила в редакцию 07.06.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов Е. В. Защита деловой репутации от диффамации на интернет-форумах // Право в сфере Интернета / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2018. С. 457–475.
2. Гриффин Э. Управление репутационными рисками: стратегический подход. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. 236 с.
3. Желтенков А. В. Развитие управления организацией промышленного типа: проблемы, концепции, цели, механизмы. М.: Изд-во МГОУ, 2008. 149 с.
4. Желтенков А. В., Федотова М. А. Развитие систем стратегического управления в промышленных организациях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2012. № 3. С. 77–81.
5. Либерман Д. Дж. Психологические приемы управленца. М.: Эксмо, 2010. 240 с.
6. Мокрова Л. П., Косорукова И. В. Инструменты управления деловой репутацией бизнеса и ее стоимостью // Имущественные отношения в РФ. 2018. № 9. С. 18–31.
7. Сальникова Л. С. Деловая репутация: как создать и укрепить. М., 2019. 413 с.
8. Скотт Д. Новые правила маркетинга и PR: Как использовать социальные сети, блоги, подкасты и вирусный маркетинг для непосредственного контакта с покупателем. М.: Альпина Пабlisher, 2013. 349 с.
9. Тихонов А. И., Коновалова В. Г., Федотова М. А. Основы организационной культуры и делового общения: учеб. пособие. М.: РУСАЙНС, 2020. 138 с.

REFERENCES

1. Gavrilov E. V. [Protecting business reputation from defamation on the Internet forums]. In: Rozhkova M. A., ex. ed. *Pravo v sfere Interneta* [Internet Law]. Moscow, 2018. P. 457–475.
2. Griffin E. *Upravlenie reputatsionnymi riskami: strategicheskii podkhod* [Reputational risk management: a strategic approach]. Moscow, Alpina Biznes Buks Publ., 2009. 236 p.
3. Zheltenkov A. V. *Razvitie upravleniya organizatsiei promyshlennogo tipa: problemy, kontseptsii, tseli, mekhanizmy* [Development control industrial organization: problems, concepts, goals, methods]. Moscow, MGOU Publ., 2008. 149 p.

4. Zheltenkov A. V., Fedotova M. A. [The development of strategic management systems in industrial organizations]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics], 2012, no. 3, pp. 77–81.
5. Liberman D. J. *Psikhologicheskie priemy upravleniya* [Psychological techniques of a manager]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 240 p.
6. Mokrova L. P., Kosorukova I. V. [Business reputation and value management tools]. In: *Imushchestvennye otnosheniya v RF* [Property relations in the Russian Federation], 2018, no. 9, pp. 18–31.
7. Salnikova L. S. *Delovaya reputatsiya: kak sozdat i ukrepit* [Business reputation: how to create and strengthen]. Moscow, 2019. 413 p.
8. Skott D. *Novye pravila marketinga i PR: Kak ispolzovat sotsialnye seti, blogi, podkasty i virusnyi marketing dlya neposredstvennogo kontakta s pokupatelem* [New Marketing and PR Rules: How to Use Social Media, Blogs, Podcasts and Viral Marketing to Directly Contact the Buyer]. Moscow, Alpina Publisher Publ., 2013. 349 p.
9. Tikhonov A. I., Konovalova V. G., Fedotova M. A. *Osnovy organizatsionnoi kultury i delovogo obshcheniya* [Fundamentals of organizational culture and business communication]. Moscow, RUSAINS Publ., 2020. 138 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Желтенков Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-menedg@mgou.ru

Федотова Марина Александровна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом Московского авиационного института (национального исследовательского университета);
e-mail: fedotova-ma@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander V. Zheltenkov – Dr. Sci. (Economics), Prof., Departmental Head, Department of Management and Public Administration, Moscow Region State University;
e-mail: kaf-menedg@mgou.ru

Marina A. Fedotova – Cand. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Department of Human Resource Management, Moscow Aviation Institute;
e-mail: fedotova-ma@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Желтенков А. В., Федотова М. А. Задачи информационной политики формирования устойчивой деловой репутации промышленной организации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 3. С. 73–82.

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-73-82

FOR CITATION

Zheltenkov A. V., Fedotova M. A. Objectives of the information policy for the formation of a sustainable business reputation of an industrial organization. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2021, no. 3, pp. 73–82.

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-73-82

УДК 338.45

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-83-96

МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РИСКОВЫМ СИТУАЦИЯМ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОМЫШЛЕННОМ СЕКТОРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Кудряков Р. И.¹, Красильщиков В. В.²

¹ *Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
600001, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, Российская Федерация*

² *Российский университет кооперации (Владимирский филиал)
600000, г. Владимир, ул. Воровского, д. 16, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Создать оптимальный механизм по противодействию рискам при осуществлении инновационной деятельности в промышленном секторе Владимирской области.

Процедура и методы. В работе применён комплекс методов стратегического, сравнительного, системного анализа, теории графов, которые позволяют выделить этиологию формирования рисков при осуществлении инновационной деятельности в промышленном секторе экономики региона и создать механизм по противодействию им.

Результаты. Проведён детализированный анализ инновационной деятельности промышленных предприятий региона и выявлены риски. Создан механизм по противодействию им с подробным описанием алгоритма действий и апробацией.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе приведено теоретическое обоснование механизма противодействия рисковым ситуациям при осуществлении инновационной деятельности промышленных предприятий региона. Полученный механизм позволяет оптимизировать контроль и управление рисками. Разработанные авторами механизм и стратегические и тактические меры способствуют повышению конкурентного преимущества у организаций электроприборостроительной отрасли Владимирской области.

Ключевые слова: инновации, управление рисками, промышленный сектор, инновационная деятельность

MECHANISM FOR RISK SITUATIONS COUNTERACTION WHEN CARRYING OUT INNOVATIVE ACTIVITIES IN THE INDUSTRIAL SECTOR OF VLADIMIR REGION

R. Kudryakov¹, V. Krasilshchikov²

¹ *Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs
87, ul. Gorky, Vladimir, 600001, Russian Federation*

² *Russian University of Cooperation (Vladimir branch)
16, Vorovskiy ul., Vladimir, 600000, Russian Federation*

Abstract

Aim. To create an optimal mechanism to counteract risks in the implementation of innovation activities in the industrial sector of Vladimir region.

© СС ВУ Кудряков Р. И., Красильщиков В. В., 2021.

Methodology. The work uses a set of methods of strategic, comparative, system analysis, graph theory, which make it possible to identify the etiology of risk formation in the implementation of innovative activities in the industrial sector of the regional economy and create a mechanism to counteract them.

Results. A detailed analysis of the innovative activities of industrial enterprises in the region was carried out and risks were identified. A mechanism has been created to counter them with a detailed description of the algorithm of actions and testing.

Research implications. The work provides a theoretical justification for the mechanism of counteracting risk situations in the implementation of innovative activities of industrial enterprises in the region. The resulting mechanism allows you to optimize control and risk management. The mechanism developed by the authors and the developed strategic and tactical measures contribute to increasing the competitive advantage among specific organizations of the electrical appliance manufacturing industry of Vladimir region.

Keywords: innovation, risk management, industrial sector, innovation activity

Введение

В современных условиях внедрение новых технологий и высокотехнологических разработок становится очень динамичным. Это связано с быстро меняющейся конъюнктурой рынка, с постоянной трансформацией потребностей потребителей, которые акцентируют свои желания в соответствии с модными тенденциями и трендами [3]. В связи с этим производители товаров и услуг вынуждены регулярно совершенствовать свою продукцию, дорабатывать качественные и стоимостные характеристики для получения новых конкурентных преимуществ. Однако на всех этапах производства и при реализации продукции возникают материальные и временные потери, которые оказывают отрицательное воздействие на хозяйственную деятельность организаций в целом. Такое явление получило название «экономический риск».

Впервые понятие экономического риска встречается в трудах английского учёного экономиста А. Смита в 1784 г. при рассмотрении риска на примере начисления заработной платы рабочим за выполнение трудных задач, а также деятельности страховых организаций и лотерей. По его мнению, риск – это возможность получения большего объёма благ при выполнении опасной и сложной работы, сопряжённой с возможностью потери благ в случае неудачи в работе [1]. А по мнению английского философа-экономиста Дж. С. Милля, понятие «риск» связано с оплатой в качестве компенсации за нанесение ущерба или потерю капитала при ведении хозяйственной деятельности [2]. Однако в процессе эволюции экономической науки мнения учёных приобрели многогранность и противоречивость во взглядах. Например, немецкий экономист Й. Тюнен считал, что риск – это основной мотивационный инструмент предпринимателя для получения максимальной прибыли, возрастающей, исходя из её степени сложности [3]. А вот мнения английских учёных экономистов А. Маршалла и А. Лигу полностью отличаются от предшественников, т. к. они соотносят риск к большим возможностям получить отрицательный результат относительно его успеха и выделяют его как негативный элемент [5].

Исходя из мнений разных учёных, авторы сформировали собственное значение данного термина: *экономический риск* – это формирование ситуации, при которой увеличивается возможность нанесения ущерба (убытка) при ведении хозяйственной деятельности относительно прогнозируемого положительного результата. Рассматривая данный факт, следует отметить, что риск носит двойственный харак-

тер. С одной стороны, он способствует максимизации в получении благ, с другой стороны, наоборот, ведёт к полной их потере. Поэтому для того, чтобы просчитать вероятность возникновения такой ситуации с приблизительным эффектом многие учёные разрабатывали методологию по их определению и методы предупреждения таких ситуаций. Одна из ключевых задач [8], стоявшая перед ними, это формирование механизма по управлению рисками в организациях, который можно использовать в большинстве отраслей и сфер деятельности. В настоящий момент используется механизм, разработанный американскими учёными-экономистами Д. Канеманом и А. Тверски в 1979 г. (рис. 1) [9].

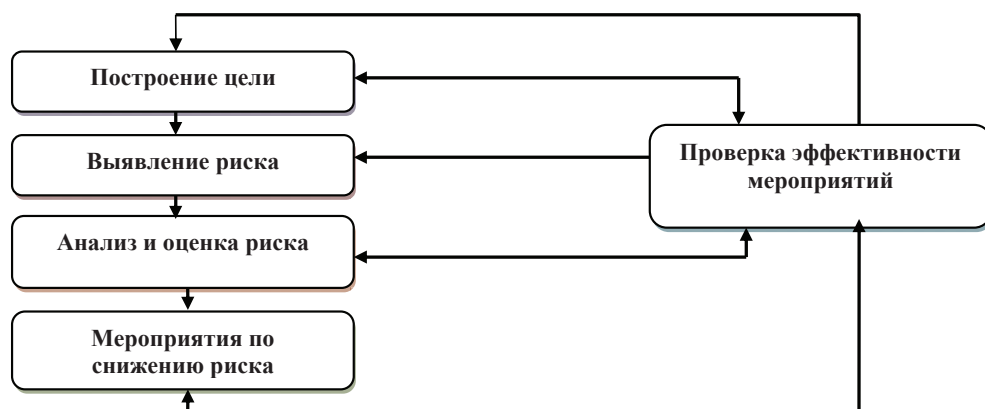

Рис. 1 / Fig. 1. Механизм управления рисками на предприятиях / The enterprise risk management mechanism

Источник: [6].

Механизм представляет собой совокупность 5 взаимосвязанных инструментов:

- постановка цели – выбор процесса, в котором существуют проблемные или рискованные аспекты;
- выявление риска – выделение конкретного риска и его детализация;
- анализ и оценка риска – проведение анализа с выявлением особенностей данного риска с процедурой оценки влияния риска на возникновение проблемы;
- мероприятия по снижению риска – разработку мер и тактических приёмов, которые способствуют уменьшению риска;
- проверка эффективности мероприятий – апробация тактических действий [10].

Результат достижения цели возникает только в случае положительного эффекта от использования таких мероприятий.

Рассматривая данный механизм, следует отметить его недоработанность и необходимость в его целостных изменениях, т. к. отсутствует конкретный алгоритм действий при его реализации и не проработан функциональный аппарат при распространении ролей и выделении ответственности на каждом из этапов такого механизма. Исходя из вышесказанного, возникает необходимость в создании нового механизма с целью упрощения его реализации на предприятиях.

Данная тема исследования обладает высоким уровнем актуальности, т. к. во всех сферах деятельности преобладает наличие экономических рисков, что является основной проблемой для организаций. Поэтому создание механизма, связанного с быстрым и оперативным подбором тактических приёмов для противодействия экономическим рискам, является задачей первостепенной важности. Для проведе-

ния анализа экономического состояния, выявления этиологии проблем и объекта апробации нового механизма авторами был выбран промышленный сектор экономики Владимирской области.

Анализ текущего экономического состояния промышленного сектора Владимирской области

Владимирская область территориально входит в состав Центрального Федерального округа (ЦФО) и граничит на востоке с Нижегородской, на севере – с Ярославской и Ивановской, на юге – с Рязанской, на западе – с Московской областями. В состав региона входят 16 муниципальных образований: Александровский, Вязниковский, Гороховецкий, Гусь-Хрустальный, Камешковский, Киржачский, Ковровский, Кольчугинский, Меленковский, Муромский, Селивановский, Собинский, Судогодский, Суздальский, Юрьев-Польский районы, а также областной центр, г. Владимир. Владимирская область относится к индустриальному типу, т. к. 45% общего количества выпускаемого валового продукта является продукцией промышленной направленности, преимущественно обрабатывающих отраслей.

Рассмотрим динамику индексов производства промышленного сектора Владимирской области (табл. 1).

Таблица 1/ Table 1

**Динамика индексов производства за 2019–2020 гг. в промышленном секторе
Владимирской области / Dynamics of production indices for 2019–2020 in the
industrial sector of the Vladimir region**

Отрасль промышленного сектора	Индекс производства за 2019 г.	Индекс производства за 2020 г.
Добыча природных ископаемых	88,5%	92,3%
Производство пищевых продуктов и напитков	122,5%	125,4%
Текстильная промышленность	90,3%	92,7%
Производство изделий из кожи	100,5%	101,2%
Целлюлозно-бумажное производство	93,1%	91,9%
Производство изделий из древесины	106,3%	107,9%
Химическая промышленность	104,9%	105,2%
Производство неметаллических минеральных продуктов	104,7%	100,6%
Металлургическое производство	155,6%	142,3%
Машиностроительное производство	108,6%	85,5%
Электроприборостроительное производство	83,9%	74,2%
Производство лекарственных средств	173,9%	179,4%
Производство изделий из пластмассы и резины	104,5%	109,2%

Источник: составлено авторами по данным Росстата [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения: 21.09.2020).

Из таблицы видно, что большинство отраслей развиваются стабильно, однако существуют отрасли с низким индексом производства: электроприборостроительное производство (74,2%), машиностроительное производство (85,5%), целлюлозно-бумажное производство (91,9%), текстильная промышленность (92,7%) и до-

быча полезных ископаемых (92,3%). У них наблюдается нисходящая тенденция в рамках развития.

Для определения причины возникновения проблемных моментов будем использовать *метод теории графов*, который был разработан австрийским учёным-математиком Л. Эйлером в 1736 г. [7]. Этот метод изучает взаимодействие объектов в единой среде с выделением взаимосвязи между ними. Применим метод в анализе отраслей экономики и секторов, в котором исследуется взаимодействие организаций внутри отрасли, а также выявим взаимосвязи с объектами, предоставляющими услуги по модернизации управленческих и производственных процессов [8], к которым относятся поставщики энергоэффективных технологий, конструкторские бюро, инновационно-научные центры, центры, оказывающие финансовую помощь и лизинг, центры поддержки экспорта и поставщики рекламной продукции и услуг [11].

Из табл. 1 видно, что отрасль электроприборостроения обладает самым низким индексом производства. Необходимо выявить причины низкого индекса производства, определяющие риски. Разберём взаимодействие предприятий внутри электроприборостроительной отрасли (рис. 2).

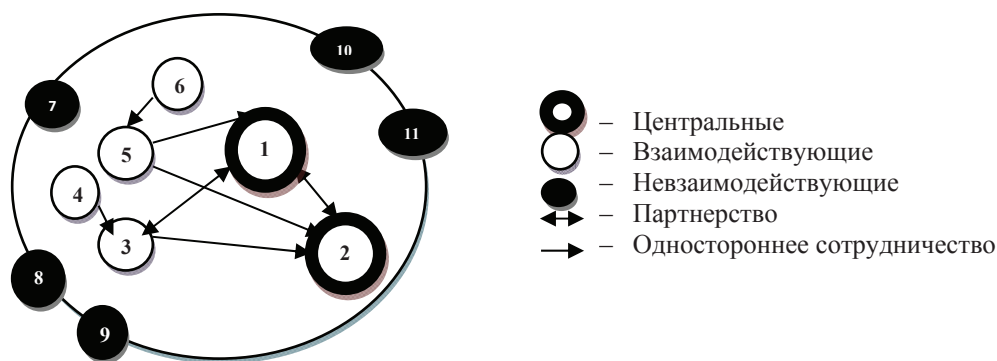

Рис. 2 / Fig. 2. Ориентированный граф взаимодействий предприятий внутри электроприборостроительной отрасли производства Владимирской области / Directed graph of enterprises interactions within the electrical appliance manufacturing industry of Vladimir region

Составляющие графа: цикл – единая среда, в данном случае промышленный сектор региона; 3 типа объектов: 1) центральные, у которых больше всего направленных рёбер; 2) взаимодействующие, которые взаимодействуют с другими компаниями в качестве поставщиков; 3) не взаимодействующие – компании, которые не являются партнерами и поставщиками и работают автономно. Размер объектов (вершин) зависит от непосредственного объёма выпускаемой продукции в регионе: чем больше выпускает продукции компания, тем больше размер объекта, представленного на графе. Стрелками обозначается направление связи от одной компании к другой. Односторонняя связь идёт от поставщика к предприятию-потребителю. Двусторонняя связь означает партнерство в секторе и бартер ресурсов или технологий. Порядковыми номерами обозначены предприятия электроприборостроительной отрасли области:

– Центральные предприятия: 1) ОАО «Владимирский завод «Электроприбор»»; 2) АО Муромский приборостроительный завод.

– Взаимодействующие объекты: ПАО «НИПТИЭМ» (3); АО «Владимирский электромеханический завод» (4); АО «ОСВАР» (5); ООО «ЭЛМАК» (6). К не взаимодействующим объектам относятся компании: ООО «Вестел-СНГ» (7); ООО

«Электроавтоматика» (8); ООО «Завод «Эталон» (9); ООО «Феникс» (10) и ООО «Микрон» под номером (11).

На основании выделения ключевых организаций в регионе сформирован граф, отражающий взаимоотношения с компаниями, предоставляющими услуги по совершенствованию хозяйственной деятельности (рис. 3) [12].

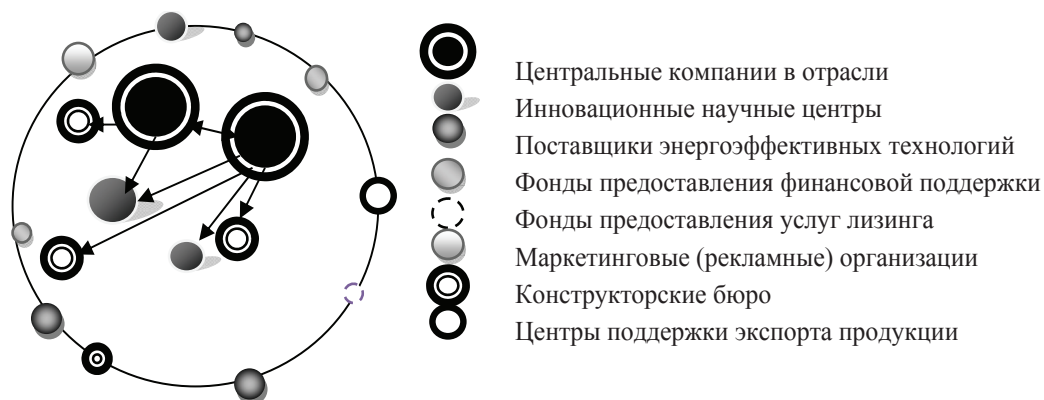

Рис. 3 / Fig. 3. Ориентированный граф взаимодействий центральных предприятий отрасли электроприборостроительного производства с поставщиками дополнительных услуг по совершенствованию хозяйственной деятельности во Владимирской области / Directed graph of interactions of the central enterprises of the electrical appliance manufacturing industry with suppliers of additional services to improve economic activity in the Vladimir region

Центральные компании в данной отрасли являются партнерами. При этом они взаимодействуют с научными центрами в качестве поставщика, а также с конструкторскими бюро в рамках одностороннего взаимодействия (поставщика). При этом организации не поддерживают сотрудничество с центрами поддержки экспорта, фондами, предоставляющими услуги по лизингу, рекламными агентствами, фондами, оказывающими финансовую поддержку, а также с поставщиками энергоэффективных технологий.

Составление нового механизма по противодействию рисков

На основе данных, отражённых на рис. 2 и 3, были определены риски, возникшие исходя из проблем в отрасли электроприборостроительного производства Владимирской области:

– *Высокая конкуренция:* сложность при ведении хозяйственной деятельности из-за большого количества товаров, поставляемых иностранными участниками рынка с агрессивной ценовой политикой.

– *Недостаточность в финансировании инновационной деятельности:* использование инноваций в производстве формируют непредсказуемость в получении результатов, тем самым вызывая недоверие к таким разработкам со стороны потенциальных инвесторов.

– *Повышенные затраты на производство и издержки:* при производстве товаров отечественных производителей промышленной направленности образуются высокие затраты на сырьевые, энерго-коммуникативные, трудовые и другие ресурсы. Однако со снижением рыночной доли эти затраты перенаправляются в издержки и формируется убыток.

– *Снижение покупательской способности потребителей* в связи с состоянием кризиса на отечественном рынке: доходы населения уменьшаются, а следовательно, и покупательская способность.

Рассматривая данные риски, в качестве примера рассмотрим риск, связанный с повышением затрат на производство и издержек, относящихся к группе финансовых рисков. С целью уменьшения влияния вышеуказанного риска создадим новый механизм по управлению рисками с подробным описанием практических действий по достижению максимального положительного эффекта. Для составления механизма необходимо выяснить, кто является основным выгодоприобретателем от стабилизации происходящей в настоящий момент рискованной ситуации. В данном случае выделим следующие стейкхолдеры:

1. *директор и учредители предприятий отрасли*: при уменьшении риска улучшаются экономическое состояние предприятия, а также доходность и прибыль у организации;

2. *представители администрации области*: благодаря поддержанию работоспособности организации обеспечивается фискальная функция;

3. *контрагенты (поставщики)*: при стабильной хозяйственной деятельности компании заказчика формируются заказы на поставку сырья и инструментов;

4. *потребитель*: при стабильной реализации деятельности компаний пользователи также получают товары и услуги без уменьшения поставляемого объема;

5. *инвесторы*: заинтересованы в получении дохода от вложенных активов в развитие предприятий промышленной направленности;

6. *кредитные и финансовые организации*: заинтересованы в получении процентов от выданных кредитных средств предприятиям промышленного сектора; соответственно, без стабильного улучшения показателя развития этот эффект будет затруднительным.

Теперь сформируем механизм по противодействию рискам (рис. 4).

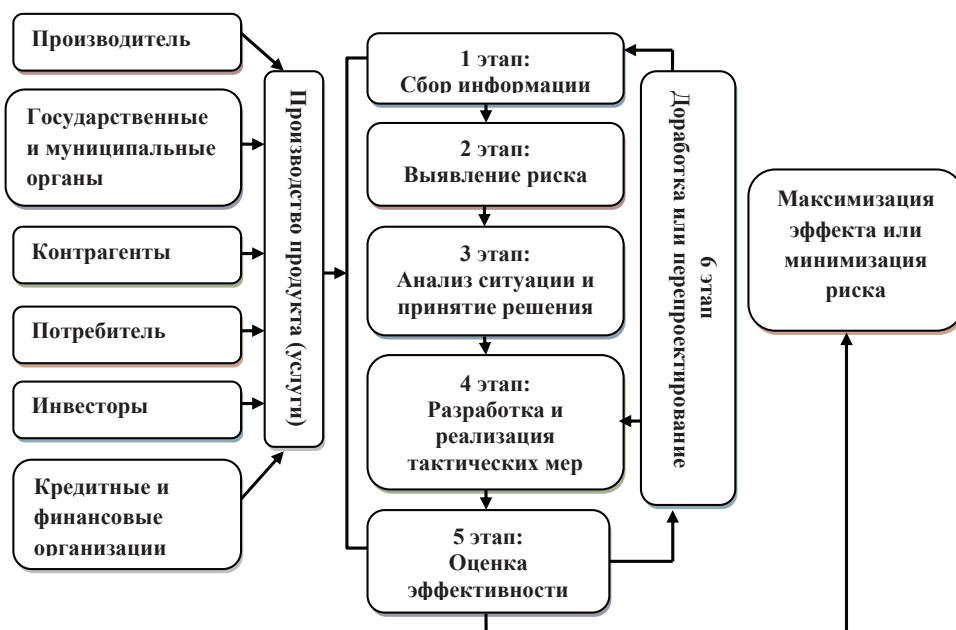

Рис. 4 / Fig. 4. Новый механизм противодействия рискам на предприятиях / New mechanism for counteracting risks at enterprises

В представленном механизме отражены 6 основных этапов и 4 взаимовыгодно-обладателя. Проведём детализацию и создадим алгоритм по его реализации, т. е. разберём каждый из этапов.

1. Сбор информации – формирование подробных данных о деятельности организаций и выделение проблемных моментов.

2. Выявление риска – определим причину возникновения выделенных ранее проблемных аспектов и риск, который указывает на возможность усложнения текущей ситуации на предприятии.

3. Анализ ситуации и принятие решений – подробный анализ текущей ситуации и выработка стратегии, направленной на стабилизацию возникшей ситуации.

4. Разработка и реализация тактических мер. – использование мероприятий по улучшению показателей деятельности компаний и уменьшению действия риска.

5. Оценка эффективности – проведение процедуры оценки при применении стабилизирующих мероприятий.

6. Доработка или перепроектирование. Данный этап используется только в случае недостаточности эффекта при проведении мероприятий и направляется на доработку и последующее действию возвращается на этап 4. Если рассматривается перепроектирование, то этот момент связан с мероприятиями, которые оказались неэффективными и не позволили достичь поставленных целей, поэтому необходимо полностью переработать эти меры, т. е. начать новый цикл в работе механизма.

Рассматривая этот механизм, следует отметить, что результат, полученный в ходе его реализации, обладает двойственным значением: с одной стороны, это максимизация эффекта и получение достижения поставленной цели, с другой стороны, минимизация риска и упразднение его влияния в текущей ситуации. Поэтому при применении механизма необходимо чётко понимать основную цель выгодоприобретателей.

Апробация механизма по противодействию рисковым ситуациям в промышленном секторе Владимирской области

Исходя из данных, полученных в ходе текущего исследования, для апробации механизма по противодействию рисковым ситуациям возьмём риск «повышение затрат на производство и формирование издержек в отраслях промышленности Владимирской области». В качестве объекта – проблемная отрасль электроприборостроительного производства с низким показателем индекса производства (74,2%). Выделим основных участников, заинтересованных в благополучном и стабильно развивающемся состоянии отраслей промышленного сектора в регионе. Они идентичны со стейкхолдерами, отраженными в механизме.

Этап 1: Сбор информации. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики РФ по Владимирской области, электроприборостроительное производство является самой низкой отраслью промышленного сектора по индексу производства за последние 6 лет (рис. 5).

Нисходящая тенденция развития сформировалась в 2014 г. и продолжается до 2017 г. В 2017–2018 гг. наблюдалось небольшое повышение уровня индекса в связи с увеличением числа государственных заказов на продукцию военного профиля. Однако на данный момент наблюдается повтор тенденционного изменения в нисходящей прогрессии.

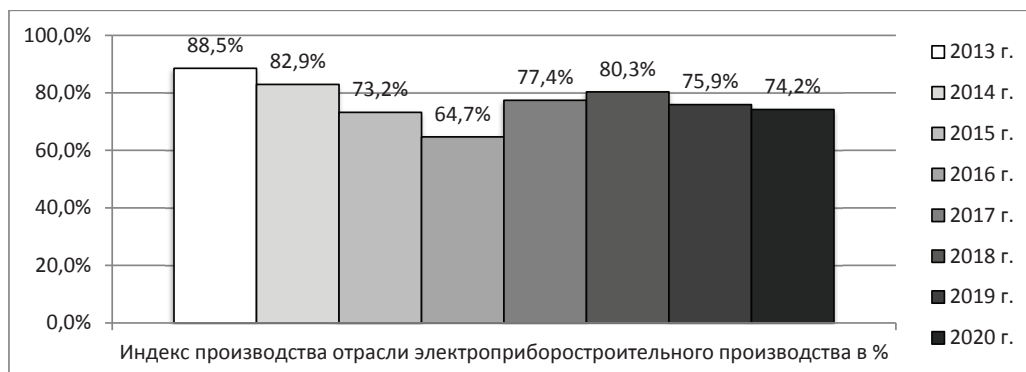

Рис. 5 / Fig. 5. Динамика индекса производства электроприборостроительной отрасли Владимирской области за 2013–2020 гг. / Dynamics of the production index of the electrical appliance manufacturing industry of Vladimir region for 2013–2020

Источник: по данным Росстата [электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения: 21.09.2020).

Этап 2: Выявление риска. Изучая причину возникновения такой тенденции (на основе данных рис. 2–3) можно выделить причины возникновения проблемных ситуаций:

- *Устаревшее оборудование с высокой амортизацией* – обновление производственного технического оснащения на предприятиях отрасли минимально в связи с высоким уровнем затрат, а её окупаемость составляет длительный временной период. В связи с этим фактом техническое оснащение на текущем этапе не позволяет производить продукт с оптимальным набором качественных характеристик и ценой, которые устраивают основного потребителя. При этом уровень амортизации такого оборудования увеличивается в связи с износом и требует постоянного ремонта для поддержания работоспособности, что экспонентно увеличивает расход финансовых средств в организациях, образуя высокие издержки.

- *Минимальный потенциал использования энергоэффективных технологий:* в связи с устареванием оборудования, показатель энерго-коммуникативных затрат возрастает, а, следовательно, требует большего финансового обеспечения, увеличивая тем самым цену произведенного изделия и уменьшая заинтересованность в покупке у пользователя.

- *Отсутствие продвижения продукции:* организации в отрасли практически не используют элементы рекламы и продвижения, тем самым уменьшая узнаваемость и информированность о продукте у потребителей.

- *Недостаток финансирования:* высокие затраты на всех этапах производства приводят к снижению уровня финансового состояния на предприятиях, а следовательно, снижают темп развития таких организаций, образуя кризисную ситуацию.

- *Уменьшение потенциала продукции к выходу на внешний рынок:* с ухудшением качественных характеристик выпускаемой продукции и высокой конкуренцией иностранных компаний у отечественных производителей из-за недостатка конкурентного преимущества возникают сложности при выходе на внешние рынки.

Риск повышения затрат и издержек оказывает высокий уровень влияния на предприятия отрасли и обуславливает разработку мероприятий по его минимизации на последующих этапах.

Этап 3: Анализ ситуации и принятие решений. Рассматривая текущую ситуацию в отрасли электроприборостроения, можно сделать вывод, что она находится

в нестабильном положении и регрессе. Это связано с тем, что продукция, выпускаемая предприятиями данной отрасли, не соответствует ожиданиям потребителей, т. к. качественные параметры занижены, а стоимостные характеристики завышены, что уменьшает заинтересованность и акцентируют на приобретении продукции предприятий иностранного происхождения. При этом инвесторы, принимающие участие в развитии организаций данной отрасли, так же как и банковские компании, не заинтересованы предоставлять кредитные средства и активы в субьекты данной отрасли. Эта незаинтересованность связана с осложнёнными условиями ведения деятельности таких организаций и уменьшенным потенциалом возврата процентов и покрытия вложенных активов.

Поэтому необходима разработка стратегии и тактических действий, направленных на улучшение текущих условий, чтобы оптимизировать состояние отрасли, вывести из кризиса и минимизировать риски. Эта стратегия состоит из 2-х задач:

1. Обеспечить выход из условий нестабильности с целью защиты позиций предприятий отрасли, тем самым снижая влияние конкурентов иностранного производства и увеличивая лояльность у потребителей. Для этого необходимо: сократить выпуск товаров, которые требуют больших ресурсов, и перенаправить ресурсы на более выгодные позиции, провести диверсификацию – стратегия вынужденного сокращения; создать дополнительные сервисы при продаже продукции, акцентируя внимание на потребителя – стратегия мобильной обороны.
2. Закрепив свои позиции, необходимо выводить предприятия отрасли на новые сегменты рынка и ниши с помощью улучшения сервисных показателей и направленности на потребителя, тем самым побуждая его к приобретению товара именно данных производителей – стратегия партизанской войны.

После выполнения этих задач и коллаборации стратегий возможно получение положительного эффекта, но при условии разработки тактических мер этапа 4.

Этап 4: Разработка и реализация тактических мер. Для достижения поставленных целей необходима разработка тактических действий, способствующих реализации стратегий и получению максимального положительного эффекта. Для этого необходимы вовлечённость государственных органов и следующие меры:

1. На муниципальном уровне в нормативно-правовой базе сформировать льготный налоговый режим на время проблемной ситуации. Это поможет предприятию сэкономить средства на выплате налогов и оплате энерго-коммуникативных ресурсов.
2. Провести форум для предпринимателей отрасли по ознакомлению с новыми методами и технологиями управления, а также бережливого производства. Это формирует информационную базу и агитирует предпринимателей внедрять такие системы.
3. Сформировать систему финансовой поддержки компаний при использовании элементов бережливого производства и энергоэффективных технологий, а также лизинг технического оснащения. Это позволит предприятиям отрасли увеличить темп модернизации производства и облегчит их финансовую нагрузку на текущем этапе.
4. Создать единый информационный портал по предоставлению консультаций и услуг, а также информации для предпринимателей, ведущих такую хозяйственную деятельность. Мероприятие упростит взаимодействие государственных органов и представителей компаний, уменьшая бюрократический аспект.

Указанные выше мероприятия окажут благоприятное воздействие на развитие предприятий и отрасли в промышленном секторе региона.

Предприятиям, в свою очередь, для снижения риска необходимо реализовать следующие мероприятия:

1. Провести анализ выпускаемой продукции и выявить товары с самым низким уровнем спроса, т. е. перенаправить ресурсы на продукты с более высокой позицией и прекратить выпуск товара с недостаточным спросом – увеличится эффективность использования сырья и расходование финансовых средств.
2. Внедрить элементы системы бережливого производства – экономия финансовых средств и уменьшение затрат, например, на складские помещения для готовой продукции и др.
3. Создать систему сервисной работы с клиентами, которая позволит получить конкурентное преимущество предприятиям отрасли. Данные сервисы увеличат продажи с помощью открытия новых каналов сбыта, например, интернет и др., а также сформируют необходимую клиентскую лояльность к бренду [4].
4. Активно применять различные методы маркетинга для поиска самого оптимального способа распространения информации о продуктах и сервисном обслуживании. Данный аспект сформирует клиентскую базу и улучшит отношения потребителей к бренду.
5. Анализ проблемных сторон конкурентов. Это позволит обеспечить преимущество компании перед конкурентом, повышая шансы в борьбе за сегмент или рыночную нишу.

Данные мероприятия уменьшат риск и стабилизируют текущую ситуацию.

Этап 5: Оценка эффективности проводится на основании данных, полученных после этапа 4 (рис. 6).

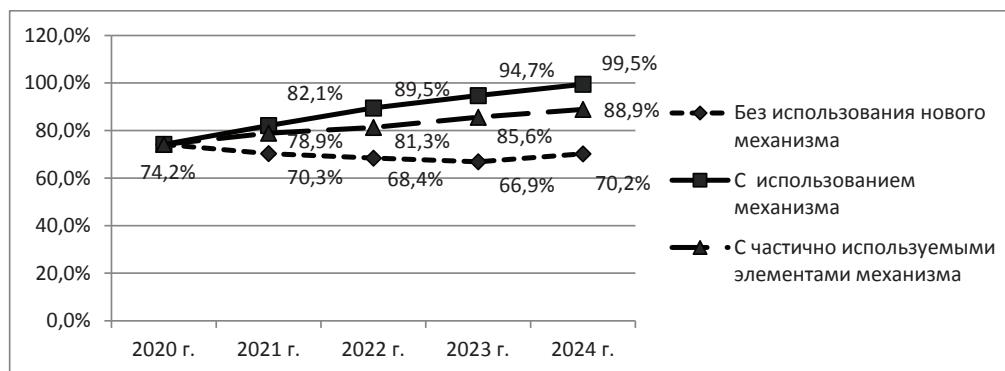

Рис. 6 / Fig. 6. Прогноз динамики электроприборостроительной отрасли Владимирской области на среднесрочном периоде на 2020–2024 гг. / Forecast of the dynamics of the electrical appliance manufacturing industry of Vladimir region in the medium term for 2020–2024

Источник: составлено авторами.

Из рис. 6 видно, что с использованием механизма показатель индекса производства возрастает и, следовательно, риск, связанный с повышением затрат и издержек, уменьшается и достигает минимального показателя.

На основании полученных результатов этап 6 по доработке и перепроектированию использовать не целесообразно, т. к. эффект, достигнутый в ходе апробации механизма, является оптимальным. Таким образом, механизм доказывает свою

эффективность и обуславливает использование в других сферах деятельности и секторах экономики.

Заключение

Риск в современном мире встречается повседневно и присутствует во всех сферах деятельности. С одной стороны, он формирует стимул к получению большего блага, однако при допущении ошибки в действиях может возникнуть проблемная ситуация, обуславливающая потери в финансовом, временном и других ресурсах. Поэтому противодействие и определение эффекта в риске является главной задачей для общества.

Мы рассмотрели проблемную ситуацию, возникшую в электроприборостроительной отрасли региона Владимирская область, индекс производства в которой составлял 74,2%, что является низким показателем. В результате детального анализа были выделены проблемные аспекты и возможные риски, присутствующие в данной отрасли промышленного сектора региона. При помощи теории графов определены причины возникновения таких ситуаций. Проанализирован также используемый ранее механизм по противодействию рисков, однако он был недостаточно эффективен, и нужны были доработки для повышения его потенциала к использованию. В результате авторами был разработан и апробирован новый механизм, который соответствует необходимым функциональным возможностям и обуславливает свою эффективность, а предложенные стратегические и тактические меры обуславливают повышение конкурентного преимущества у организаций электроприборостроительной отрасли и минимизируют рассмотренный риск.

Статья поступила в редакцию 18.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каменских М. А. Повышение конкурентоспособности региона на основе организации инновационной инфраструктуры // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 2. С. 39–43.
2. Кормановская И. Р. Структура экономики Новгородской области и ее соответствие задачам устойчивого инновационного развития // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 5. С. 9–21.
3. Красильщиков В. В., Осетров П. А., Кудряков Р. И. Анализ дружественных связей потребителей в социальной сети // Маркетинг в России и за рубежом. 2017. № 5. С. 18–29.
4. Красильщиков В. В., Кудряков Р. И. Классификация подписчиков группы предприятия в социальной сети «ВКонтакте» как инструмент продвижения товаров и услуг // Современные исследования основных направлений гуманитарных и естественных наук: материалы конференции / под ред. И. Т. Насретдинова. Казань: Печать-сервис XXI век, 2017. С. 491–492.
5. Кундиус В. А. Инновационные технологии в управлении АПК и сельскими территориями [на примере Алтайского края] // АПК: экономика, управление. 2013. № 2. С. 58–65.
6. Никулина Н. Н. Финансовый менеджмент организации. Теория и практика. М., 2009. 511 с.
7. Попадюк Т. Г. Инновационный менеджмент и экономика организаций (предприятий). М.: ИНФРА-М, 2007. 240 с.
8. Секерин В. Д. Инновационный маркетинг: учебник. М.: ИНФРА-М, 2018. 237 с.
9. Фатхутдинов Р. А. Инновационный менеджмент. М.: Бизнес-школа, 2008. 448 с.
10. Эйлер Л. Введение в анализ бесконечно малых. Т. 1. М.: Государственное издание, 1961. 256 с.

11. Goycher O., Bugrova O., Kudryakov R. Development of the industrial sector in the regions through innovation // *E3S Web of Conferences*. 2019. P. 02147.
12. Analysis methodology of innovative development in regional industrial segment by graph theory / O. L. Goykher, R. V. Skuba, O. S. Bugrova, V. E. Strelkov, R. I. Kudryakov // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2019. Vol. 57. P. 1145–1154.

REFERENCES

1. Kamenskikh M. A. [Increasing the competitiveness of the region based on the organization of the innovation infrastructure]. In: *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economics: theory and practice], 2013, no. 2, pp. 39–43.
2. Kormanovskaya I. R. [The structure of the Novgorod region economy and its compliance with the tasks of sustainable innovative development]. In: *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economics: theory and practice], 2013, no. 5, pp. 9–21.
3. Krasilshchikov V. V., Osetrov P. A., Kudryakov R. I. [Analysis of friendly relations of consumers in a social network]. In: *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Marketing in Russia and abroad], 2017, no. 5, pp. 18–29.
4. Krasilshchikov V. V., Kudryakov R. I. [Classification of subscribers of the enterprise group on the VKontakte social network as a tool for promoting goods and services]. In: Nasretdinova I. T., ed. *Sovremennye issledovaniya osnovnykh napravlenii gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Modern research of the main directions of the humanities and natural sciences: conference proceedings]. Kazan, Pechat-servis XXI vek Publ., 2017, pp. 491–492.
5. Kundius V. A. [Innovative technologies in the management of the agro-industrial complex and rural areas (on the example of the Altai Territory)]. In: *APK: ekonomika, upravlenie* [Agro-industrial complex: economy, management], 2013, no. 2, pp. 58–65.
6. Nikulina N. N. *Finansovyi menedzhment organizatsii. Teoriya i praktika* [Financial management of the organization. Theory and practice]. Moscow, 2009. 511 p.
7. Popadyuk T. G. *Innovatsionnyi menedzhment i ekonomika organizatsii (predpriyatii)* [Innovation management and economics of organizations (enterprises)]. Moscow, INFRA-M Publ., 2007. 240 p.
8. Sekerin V. D. *Innovatsionnyi marketing* [Innovative Marketing]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 237 p.
9. Fatkhutdinov R. A. *Innovatsionnyi menedzhment* [Innovation management]. Moscow, Biznes-shkola Publ., 2008. 448 p.
10. Eiler L. *Vvedenie v analiz beskonechno malykh. T. 1* [An introduction to the analysis of the infinitesimal. Vol. 1]. Moscow, Gosudarstvennoe izdanie Publ., 1961. 256 p.
11. Goycher O., Bugrova O., Kudryakov R. Development of the industrial sector in the regions through innovation. In: *E3S Web of Conferences*, 2019, p. 02147.
12. Goykher O. L., Skuba R. V., Bugrova O. S., Strelkov V. E., Kudryakov R. I. Analysis methodology of innovative development in regional industrial segment by graph theory. In: *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2019, vol. 57, pp. 1145–1154.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кудряков Роман Игоревич – старший преподаватель кафедры международного права и внешнеэкономической деятельности Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых;
e-mail: r.kudryakov-vlsu@bk.ru

Красильщиков Василий Вячеславович – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современного образования Владимирского филиала Российского университета кооперации;
e-mail: krasilshchikovvv@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Roman I. Kudryakov – Senior Lecturer, Department of International Law and Foreign Economic Activity, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs;
e-mail: r.kudryakov-vlsu@bk.ru

Vasiliy V. Krasilshchikov – Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof., Department of Modern Education, Russian University of Cooperation (Vladimir branch);
e-mail: krasilshchikovvv@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кудряков Р. И., Красильщиков В. В. Механизм противодействия рисковым ситуациям при осуществлении инновационной деятельности в промышленном секторе Владимирской области // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 3. С. 83–96.

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-83-96

FOR CITATION

Kudryakov R. I., Krasilshchikov V. V. Mechanism for risk situations counteraction when carrying out innovative activities in the industrial sector of Vladimir region. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2021, no. 3, pp. 83–96.

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-83-96

УДК 338.02

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-97-107

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Моттаева А. Б.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

*Московский государственный строительный университет
(национальный исследовательский университет)
129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучить проблемы конкурентоспособности отраслей промышленности и их влияния на обеспечение экономической безопасности России.

Процедура и методы. Изучены изменения в организации и управлении предприятиями промышленного комплекса, на которые значительное влияние оказывают современные мировые тенденции: цифровая трансформация, интеллектуальная автоматизация, искусственный интеллект. При проведении исследования применены общенаучные и ориентированные на решение конкретных проблем методы исследования, в т. ч. наблюдения, обобщения.

Результаты. В результате проведённого анализа текущего состояния экономики выделены значительные проблемы для многих российских предприятий, в частности, использование устаревших технологий, ввиду чего продукция отечественных промышленных предприятий неконкурентоспособна. Отмечено, что проводимые реформы не решают проблемы промышленного сектора, а становятся причиной ещё большего снижения темпов его производства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Перед российским промышленным комплексом стоит сложная задача – отыскать необходимые ресурсы для совершенствования собственного промышленного производства и усиления конкурентоспособности отечественных промышленных предприятий. Поэтому необходимо разработать механизмы активизации инвестиционной деятельности и перевода отечественной промышленности на инновационную систему развития.

Ключевые слова: конкурентоспособность, экономическая безопасность, промышленный комплекс, уровень экономического развития, индекс промышленного производства

COMPETITIVENESS OF INDUSTRIAL SECTORS AS A FACTOR OF ENSURING RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY

A. Mottaeva

*Moscow Region State University
24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

*Moscow State University of Civil Engineering
26, Yaroslavl'skoe sh., Moscow, 129337, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the problems of competitiveness of industries and their impact on ensuring the economic security of Russia.

Methodology. The changes in the organization and management of enterprises of the industrial complex are studied, which are significantly influenced by modern world trends: digital transformation, intelligent automation, artificial intelligence. When conducting the study, general scientific and problem-oriented research methods were used, including observation and generalization.

Results. As a result of the analysis of the current state of the economy, significant problems were identified for many Russian enterprises, in particular, the use of outdated technologies, as a result of which the products of domestic industrial enterprises are uncompetitive. It is noted that the ongoing reforms do not solve the problems of the industrial sector, but cause an even greater decrease in the pace of its production.

Research implications. The Russian industrial complex faces a difficult task - to find the necessary resources to improve its own industrial production and strengthen the competitiveness of domestic industrial enterprises. Therefore, it is necessary to develop mechanisms for activating investment activities and transferring domestic industry to an innovative development system.

Keywords: competitiveness, economic security, industrial complex, level of economic development, industrial production index

Введение

Конкурентоспособность – это достаточно многоплановая категория экономики. Поэтому, если говорить именно о странах, то их конкурентоспособность определяется способностью промышленности обновляться, переходить на работу с новыми, совершенными технологиями. В связи с тем, что все предприятия работают в условиях определённого давления рынка, им приходится решать, как получить преимущества в противостоянии с достаточно сильными компаниями, присутствующими на мировом рынке. Предприятие, стремящееся к развитию, старается получить пользу от того, что на рынке работают сильные компании из своей же страны, а потребители желают видеть качественную продукцию.

На данном этапе развития экономики конкуренция на мировом уровне усиливается. Это приводит к тому, что роль государства растёт и усиливается. И это особенно важно, когда общество становится информационным, повышается роль инноваций. Для формирования и поддержания конкурентного преимущества применяются локализованные процессы. Конкурентоспособность базируется не только на технических достижениях, но и на национальных приоритетах, культурных и исторических ценностях. Не менее важно общее развитие экономики, какие предприятия её представляют. Структура конкурентоспособности разных стран существенно отличается – ни одна страна не может лидировать абсолютно во всех сферах деятельности или даже в большей их части.

Экономическая безопасность предполагает, что экономика страны надёжно защищена от угроз внутреннего характера и приходящих извне.

Если страна, применяя различные средства, обеспечивает свою экономическую безопасность, она получает возможность сохранить свою независимость, развиваться в стабильных условиях. Общество имеет все возможности для обеспечения своей жизнедеятельности.

Это можно объяснить тем, что экономика важна не только для государства. Она обеспечивает жизнедеятельность самых разных государственных и общественных институтов, позволяет гражданам жить достойно. Это означает, что прежде чем использовать термин «национальная безопасность», необходимо осознать, оце-

нить, насколько экономика страны жизнеспособна, какова будет реакция на определённые угрозы как внутри страны, так и приходящие извне. Это означает, что для страны жизненно важно обеспечить национальную безопасность [3, с. 367–369].

Цель данного исследования обусловлена актуальной проблемой определения реально существующих экономических угроз. Не менее важно предложить методы, которые позволят отразить возможные угрозы. Экономическая безопасность не существует автономно. Она наравне с обороноспособностью, защитой экологии, социальной стабильностью является неотъемлемой компонентой государственной безопасности. Экономическую безопасность в большинстве случаев считают одной из наиболее значимых экономических характеристик экономической системы. Данный вид безопасности характеризует, насколько экономика способна поддерживать приемлемые условия жизни для граждан страны, обеспечивать ресурсами отрасли экономики. Дополнительно экономическая безопасность позволяет государству реализовать в полной мере национальные интересы [2, с. 229–232].

Если говорить конкретно об экономической безопасности, то предел безопасности уже преодолен. Здесь основная проблема в том, что решением насущных задач обеспечения безопасности стали заниматься только после преодоления пороговых значений. В стране отсутствует ясная политика в сфере экономической безопасности. Не проработаны соответствующие программы.

России необходимо решать проблемы, связанные с повышением конкурентоспособности. Без этого невозможен полноценный переход к рыночной экономике. Не получится и стать полноправным партнером на международном уровне. Правительство России предпринимает определённые усилия, чтобы сформировать здоровую конкуренцию, но пока необходимые механизмы либо не созданы, либо не работают должным образом. Во многих отраслях сохраняется монополизм. Чтобы реформы в экономике дали эффект, от монополий нужно уходить.

Если сравнивать производственную сферу России и стран с развитой экономикой, выводы будут не в нашу пользу. Большинство технологий основаны на существенных затратах материалов, труда персонала и энергии. Это приводит к завышению цен в сравнении с аналогами из других стран. Конкурировать на равных с иными производителями в такой ситуации едва ли возможно [5, с. 34–36].

Для роста эффективности производства и конкурентоспособности продукции промышленности нужны высокоэффективные и научно обоснованные стратегии развития сферы промышленности при учёте их инновационной направленности.

В основании исследования потенциала российской промышленности должны лежать ключевые направления перевода её отраслей и всей экономики на инновационный путь развития, обеспечивающий рост эффективности производства и усовершенствование его структуры, конкурентоспособности российской продукции за счёт использования высокоэффективных научно-технических разработок, высокотехнологичных и наукоемких производств.

Для достижения данных результатов необходимо технологическое перевооружение российской промышленности, насыщение её высокопроизводительными системами машин и технологий, новейшими материалами, которые воплощают новейшие достижения техники и науки, внедрение цифровых технологий [4, с. 318–321].

Современное состояние отрасли российской промышленности

Высокий уровень конкурентоспособности технологического потенциала промышленных предприятий можно достичь лишь при помощи серьёзного развития собственных технологий и их распространения.

На рис. 1 показан анализ тенденций развития промышленного производства мировых держав по индексу промышленного производства (ИПП), где у каждой страны он имеет неоднозначную тенденцию – как роста, так и спада. Данные показывают, что в России с 2015 по 2018 г. наблюдался рост ИПП, а начиная с 2018 г. по настоящее время видим его снижение [7].

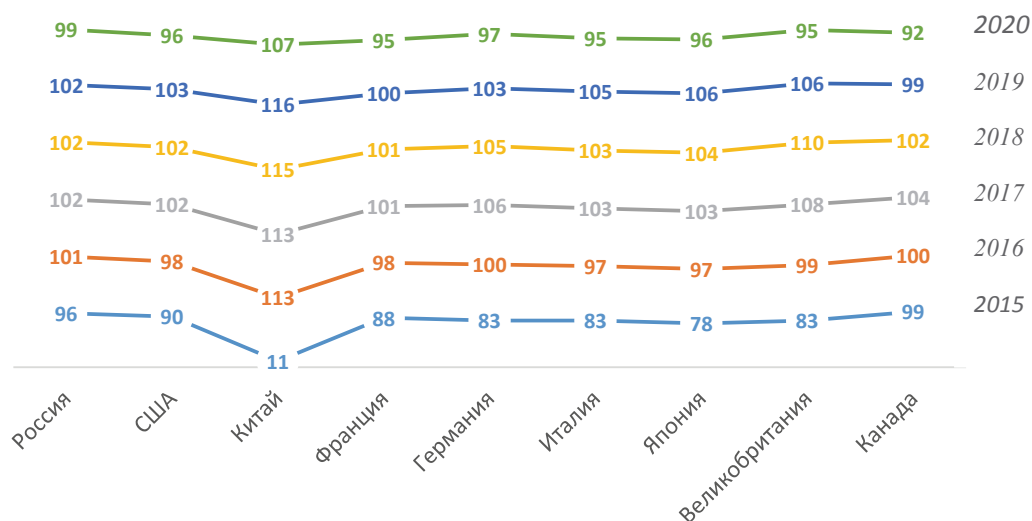

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика индекса промышленного производства стран мира за 2015–2020 гг. (в % к предыдущему году) / Dynamics of the world industrial production index for 2015–2020 (% of the previous year)

Источник: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс].
URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения 20.05.2021).

Наиболее успешно на мировом рынке работают компании, изначально ориентированные на экспорт. Это же касается отраслей, использующих в работе современные технологии, нанимающие персонал с высокой квалификацией. Такие выводы следуют из исследований, которыми занимался Российский центр реструктуризации промышленности в рамках одного из проектов ТАСИС (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States) – техническая помощь Содружеству Независимых Государств.

Эксперты проанализировали, насколько отрасли российской экономики конкурентоспособны как на внутреннем, так и на внешнем рынках, и пришли к следующим выводам:

- *Сильная конкурентная позиция* у предприятий чёрной металлургии, выплавляющих цветные металлы, вырабатывающих электроэнергию, занимающихся переработкой нефти, газа, леса. В эту же группу включены предприятия оборонного комплекса, представляющие услуги связи.

- *Средняя конкурентная позиция.* К данной группе отнесены предприятия химической промышленности, автомобильной, гражданского судостроения. Не могут конкурировать на равных предприятия машиностроительного и приборостроительных комплексов.

- *Слабая конкурентная позиция.* Это относится к гражданскому самолетостроению, производству электронного оборудования, текстильной промышленности.

Российские предприятия не могут конкурировать на равных из-за того, что многие предприятия работают на оборудовании, устаревшем и морально, и физиче-

ски. В машиностроительном секторе используется оборудование, произведённое 20 и более лет назад. Это касается четверти всего фонда. В целом же производственные фонды предприятий изношены на 60%. За этим порогом оборудование нужно выводить из эксплуатации. Усиливается угроза того, что производительные силы России будут разрушены полностью.

Опыт зарубежных стран позволяет сделать выводы, что только переход к рыночной экономике не гарантирует развитие научно-технического комплекса быстрыми темпами. Не стоит забывать, что России необходимо восстанавливать собственное промышленное производство, совершенствовать банковскую систему, сокращать уровень инфляции, преодолевать кризис неплатежей. Все перечисленные факторы привели к тому, что инвесторы не желают вкладывать средства в российскую экономику.

Чтобы экономика России возрождалась, ей нужно активно интегрироваться в мировую экономику. Но при этом нельзя ограничиваться только экспортом топлива, зерна и минерального сырья. России нужно восстанавливать и развивать свой научный потенциал. У страны есть ещё для этого необходимые ресурсы.

В РФ сформирована концепция системы, которая позволит комплексно мониторить состояние окружающей среды. Для этого предполагается задействовать искусственные спутники Земли, разнообразные платформы, в т. ч. морские. Все они оснащаются специальной аппаратурой для снятия показателей, их дальнейшей обработки и анализа. В данной работе заинтересована не только Россия, но и все мировое сообщество.

Повышать конкурентоспособность можно при условии, что сами предприятия, отрасли, регионы, вся страна будут корректировать применяемую систему управления. Но это возможно, если у ответственных лиц будет необходимая политическая воля. Тогда преобразования в социальной сфере и экономике станут базой для обеспечения национальной безопасности, построения общества людей, богатства.

Следует отметить, что в исторической реальности развития нашей страны подобное время для модификации к рыночным условиям хозяйствования у промышленных предприятий отсутствовало, а развал плановой системы обернулся для большинства серьёзным экономическим кризисом, результаты которого некоторые предприятия ощущают до сих пор. В период шоковых реформ конца прошлого столетия большинство успешных промышленных предприятий обанкротились, а оставшиеся были подвержены различным сложностям [1, с. 6–9].

В стране нужно создавать условия, при которых предприятиям будет выгодно переходить на работу с наукоемкими технологиями, как собственной разработки, так и импортными. Тогда можно рассчитывать на то, что в ближайшие годы российские предприятия смогут предлагать конкурентоспособную продукцию не только на внутреннем, но и на внешнем рынках. Это будет способствовать повышению конкурентоспособности и самой страны.

Статистические данные за II квартал 2020 г. показывают, что промышленность находится в кризисе. Падение производства достигло 8,5%. На столько же снизился ВВП в этом же временном интервале.

Если в 2019 г. объём промышленного производства вырос, то уже в I квартале 2020 г. зафиксировано снижение индекса промышленного производства на 0,8 п.п., т. е. 1,5%. Анализ данных показал, что сократились темпы производства промтоваров. Но снижение затронуло не все отрасли. Например, обрабатывающие производства даже в условиях локдауна из-за пандемии коронавируса смогли довести прирост производства до 3,8% в годовом выражении. ВВП за это же время вырос на 1,8%.

Рассмотрим индексы промышленного производства и физического объёма валового внутреннего продукта в России в 2014–2020 гг. (рис. 2).

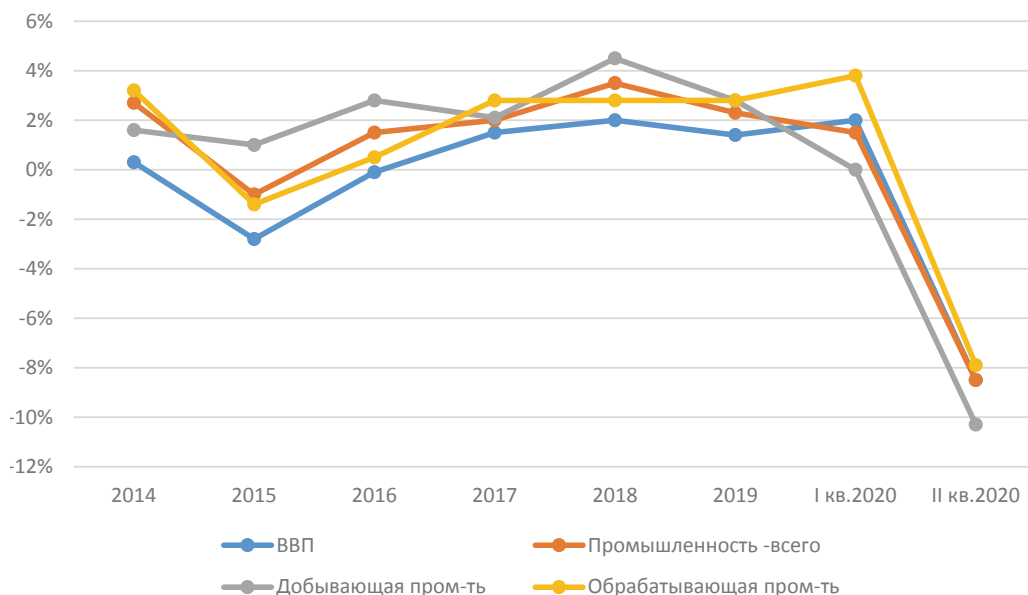

Рис. 2 / Fig. 2. Индексы промышленного производства и физического объёма валового внутреннего продукта в России, 2014–2020 гг. / Indices of industrial production and physical volume of gross domestic product in Russia, 2014–2020

Источник: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения 20.05.2021).

Во II квартале 2020 г. зафиксирована отрицательная динамика. Информация, предоставленная Росстатом, свидетельствует о том, что объёмы производства снизились на 8,5%, на столько же снизился ВВП. Кризис затронул добывающую промышленность. Здесь снижение составило 10,3%. В обрабатывающей промышленности снижение находилось на уровне 7,9%. Среди причин, которые привели к падению производства, можно назвать:

- Ограничения, наложенные в связи с соблюдением сделки ОПЕК+;
- Ограничения, введённые с распространением пандемии коронавируса. По распоряжению правительства предприятия, не относящиеся к жизнеобеспечивающим, обязаны были перевести не менее 30% сотрудников на удалённый режим работы;
- Общее падение спроса на нефть и газ.

Данные Росстата свидетельствуют о том, что в I–II кварталах 2020 г. промышленное производство находилось на уровне 2014 г. Прирост отсутствует. Отдельно стоит сказать об обрабатывающей промышленности. Во II квартале 2020 г. прирост в сравнении с 2014 г. составил почти 3%. Прирост производства в добывающих секторах экономики находится на уровне 1%. Электроэнергии в этом же периоде произведено и распределено почти на 5% меньше, если сравнивать с 2014 г. Ещё большее снижение зафиксировано (на 20%) в сфере водоснабжения и водоотведения [8, с. 135–141].

Исследуя динамику такой отрасли промышленности как машиностроение отметим, что в течение 2019 г. статистика производства в машиностроении была неравномерной – неоднократный спад сменялся редким ростом.

В частности, в автотранспортном машиностроении изготовление всех видов автотехники снизилось после активного роста в 2017–2018 гг. Основной причиной стало сокращение внутреннего спроса, как инвестиционного, так и потребительского. При этом, как и прежде, государством проводились различные стимулирующие меры, но и это не изменило динамику. Население наращивает темпы приобретения авто в кредит, о чем свидетельствует рост автокредитования.

Производство всех видов турбин в отрасли энергетического оборудования (гидравлических, газовых, паровых, в т. ч. генераторов переменного тока) снизилось до минимума за последнее десятилетие. В сфере аэрокосмической промышленности отмечалось сокращение производства летательных аппаратов, в т. ч. космические, и составило в конце 2019 г. 31,79%.

Одной из причин улучшения динамики производства стал фактор отложенного спроса. По многим видам машиностроительной продукции в период карантина образовался дефицит на рынке, который активно преодолевался после снятия ограничений. Сельскохозяйственное машиностроение продемонстрировало один из лучших результатов среди машиностроительных подотраслей за счёт устойчивого спроса со стороны аграрного сектора. Только в некоторых машиностроительных секторах ситуация продолжила ухудшаться во второй половине года. Из-за избытка на рынке грузовых вагонов глубокий спад отмечен в железнодорожном машиностроении.

На потенциальную и инерционную экономическую безопасность отечественной промышленности самое большое воздействие оказывают внутренние вызовы и угрозы, среди которых стоит отметить, прежде всего, ухудшение и деформацию её структуры, сокращение потенциала производственно-технологического аппарата промышленности и снижение инвестиционно-инновационной активности промышленных предприятий.

Отметим, что текущая ситуация в мире, которая связана с распространением пандемии COVID-19, может привести к серьёзному ущербу всей экономике России и машиностроению в том числе. С этой позиции самыми уязвимыми являются сборочные предприятия, производящие продукцию из зарубежных комплектующих и материалов. Более того, девальвация рубля и падение нефтяных цен могут привести к снижению инвестиционной активности предприятий и к отсрочке принятых ранее инвестиционных решений. В первую очередь, снижение спроса может произойти со стороны наиболее платёжеспособных и состоятельных клиентов – нефтяных холдингов, – которые уже начинают уменьшать свои инвестиционные планы.

Несмотря на это эксперты полагают, что в 2021 г. положительная динамика машиностроительного производства восстановится, а рост составит около 2%. По итогам первого полугодия 2020 г. совокупный выпуск промышленного производства сохранил положительную динамику лишь в менее развитых сырьевых (+22,4%) и аграрных (+4,7%) регионах, среди которых лидерами по объёму отгруженных товаров собственного производства стали Амурская область (+28,3%), Чукотский автономный округ (+2,3%) и Магаданская область (+24,4%)¹.

Кризис в наибольшей степени затронул регионы, получающие доход от экспорта сырья. Здесь сокращение объёмов производства достигло 25,1%. Снижение объёмов производства затронуло и регионы с диверсифицированной экономикой. Здесь сокращение составило 10,3%. В регионах с развитым финансовым сектором и экономикой снижение достигло 7,8%. Значительно пострадала экономика

¹ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения 20.05.2021).

Ненецкого автономного округа – на 38%, ХМАО – на 30,8%, Республики Коми – на 21,6%. В Москве промтоваров выпустили на 10,6% меньше, в Санкт-Петербурге – на 11,8%. Отрицательная динамика в части выпуска промтоваров в I полугодии 2020 г. зафиксирована в 50 субъектах страны, и только в 35 субъектах – положительная. Практически не пострадала обрабатывающая промышленность в регионах с развитыми финансовыми и экономическими секторами экономики¹.

В то же время развивались отрасли, занятые добычей нефти, угля, газа. Российское сырье активно скупают зарубежные партнеры. Усугубление проблемы обеспечения экономической безопасности отрасли промышленности России наблюдается в условиях глобализации экономики и ужесточающийся санкций Запада, предъявленных нашей стране.

Проблемы слабой конкурентоспособности промышленных предприятий России связаны, в первую очередь, с отставанием по темпам роста и уровню производительности труда, т. к. концентрация инвестиционной и производственной активности наблюдается в отраслях с низким и средним технологическим укладом, использующим недостаточно квалифицированную рабочую силу. Особенно это видно, если сравнивать между собой отдельные равные по объемам оборота зарубежные и российские промышленные предприятия.

Невысокая динамика технологических инноваций в российской промышленности, и как результат – сокращение уровня конкурентоспособности производимых товаров, обуславливает низкую рентабельность промышленных предприятий, сдерживание роста фонда оплаты труда, провоцирует лоббирование экономически неоправданных защитных мер как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Для обеспечения экономической безопасности России необходимо введение механизма государственного стимулирования формирования и внедрения образцов технологических процессов и новой техники. Недостаток подобного механизма в России приводит к усугублению проблем в отрасли промышленности (рис. 3).

В целях обеспечения экономической безопасности отрасли промышленности нужно «введение механизма государственного стимулирования внедрения и создания образцов новой техники и технологических процессов. Недостаток такого механизма в нашем государстве приводит к ухудшению проблем функционирования сферы промышленности» [6, с. 258–267].

Заключение

Исследование показало, что практически все отрасли промышленности РФ испытывают финансовые затруднения, которые вызваны падением спроса на отечественные товары, возросшими ценами на промышленную продукцию естественных монополий. При современном положении в экономике, структурные угрозы и диспропорции в развитии научно-технической сферы и промышленности, а также обеспечения экономической безопасности могут увеличиться, если вовремя не будут приняты определённые меры.

Ключевой задачей развития отечественного промышленного производства должно быть повышение уровня конкурентоспособности промышленной продукции России, для чего необходима активизация инвестиционной деятельности и перевод отечественной промышленности на инновационную систему развития.

¹ Там же.

Рис. 3 / Fig. 3. Основные проблемы конкурентоспособности отраслей промышленности России на современном этапе / The main problems of competitiveness of Russian industries at the present stage

Источник: составлено автором на основании [6].

Неравномерность развития национальных хозяйств определяет таким образом неустойчивость мировой экономики в целом. С этой точки зрения одним из самых значимых последствий воздействия пандемии COVID-19 станет реструктуризация национальных экономик в направлении развития так называемых «стратегических отраслей», к которым относятся производства сферы жизнеобеспечения.

В РФ ужесточается конкуренция между предприятиями. Всё чаще задействуются «неценовые» формы конкуренции. Для успешной модернизации своих мощностей необходимо внедрять принципиально новую систему экономической

безопасности, и этому будет способствовать внесение корректив в нормативно-законодательные акты.

В заключении хотелось бы выделить основную проблему для многих российских предприятий отраслей промышленности – использование устаревших технологий. Для устранения этой проблемы необходимо модернизировать все сферы и направления деятельности в промышленном производстве. Продукция отечественных промышленных предприятий должна быть конкурентоспособной, нужны современные технологии, изменение процессов производства и ассортимента товаров.

Но, несмотря на все проблемы, отрасли промышленности Российской Федерации стремятся выйти на высокий мировой уровень экономического развития.

Статья поступила в редакцию 16.06.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметов А. А. Моделирование индекса промышленного производства // Молодой учёный, 2018. № 14 (118). С. 6–9.
2. Базиев А. Х. Экономическая и национальная безопасность // Молодой учёный. 2017. № 48 (182). С. 229–232.
3. Макареня Т. А., Назаренко Г. П., Синельников Т. Т. Основные этапы развития промышленности в России // Journal of Economic Regulation. 2019. № 3. С. 36–46.
4. Сатторкулов О. Т. Роль промышленности в инновационном развитии и модернизации экономики // Молодой учёный. 2017. № 2 (82). С. 318–321.
5. Свирина М. В. Анализ причин снижения экономической безопасности России // Мировая экономика: проблемы безопасности. 2019. № 1. С. 34–36.
6. Сергеева И. А. Промышленная политика и экономическая безопасность России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 1 (33). С. 258–267.
7. Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Трансформация развития промышленного комплекса в условиях цифровой экономики // Вестник университета. 2021. № 2. С. 71–79.
8. Шишулин С. С. Система экономико-статистических показателей структуры и динамики промышленного производства России // Мир новой экономики. 2018. Т. 10. № 4. С. 135–141.

REFERENCES

1. Akhmetov A. A. [Industrial production index modeling]. In: *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2018, no. 14 (118), pp. 6–9.
2. Baziev A. Kh. [Economic and national security]. In: *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2017, no. 48 (182), pp. 229–232.
3. Makarenya T. A., Nazarenko G. P., Sinelnikov T. T. [The main stages of industrial development in Russia]. In: *Journal of Economic Regulation*, 2019, no. 3, pp. 36–46.
4. Sattorkulov O. T. [The role of industry in innovative development and modernization of the economy]. In: *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2017, no. 2 (82), pp. 318–321.
5. Svirina M. V. [Analysis of the reasons for the decline in the economic security of Russia]. In: *Mirovaya ekonomika: problemy bezopasnosti* [The World Economy: Security Challenges], 2019, no. 1, pp. 34–36.
6. Sergeeva I. A. [Industrial policy and economic security of Russia]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences], 2015, no. 1 (33), pp. 258–267.
7. Polozhentseva Yu. S., Klevtsova M. G. [Transformation of the development of the industrial complex in the digital economy]. In: *Vestnik universiteta* [University Bulletin], 2021, no. 2, pp. 71–79.

8. Shishulin S. S. [The system of economic and statistical indicators of the structure and dynamics of industrial production in Russia]. In: *Mir novoi ekonomiki* [The World of the New Economy], 2018, vol. 10, no. 4, pp. 135–141.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Моттаева Анджела Бахауовна – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Московского государственного областного университета, профессор кафедры организации строительства и управления недвижимостью Московского государственного строительного университета;
e-mail: doptaganka@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Angela B. Mottaeva – Dr. Sci. (Economics), Prof., Department of Management, Moscow Region State University, Department of Construction and Real Estate Management, Moscow State University of Civil Engineering;
e-mail: doptaganka@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Моттаева А. Б. Конкурентоспособность отраслей промышленности как фактор обеспечения экономической безопасности России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 3. С. 97–107.
DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-97-107

FOR CITATION

Mottaeva A. B. Competitiveness of industrial sectors as a factor of ensuring Russia's economic security. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2021, no. 3, pp. 97–107.
DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-97-107

УДК 338.2

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-108-121

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Погодина Т. В.¹, Веселовский М. Я.², Чуева И. И.²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация

² Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза
летчика-космонавта А. А. Леонова
141074, Московская обл., г. Королев, ул. Гагарина, д. 42, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать современное состояние цифровых технологий и их влияние на инновационно-инвестиционную деятельность отечественной экономики.

Процедура и методы. Ключевыми исследовательскими методами стали аналитические и экономико-статистические методы исследования и системно-комплексный анализ.

Результаты. Выделены тенденции и особенности развития промышленного комплекса в России и возможности его интеграции в мировую экономическую систему; всесторонне исследована эволюция методов информационно-аналитического обеспечения и управления инновационно-инвестиционной деятельностью.

Теоретическая и/или практическая значимость. Развитие основных принципов инновационно-инвестиционных процессов в промышленности в условиях цифровизации экономики позволило выделить достижения цифровизации и их влияние на инновационно-инвестиционный процесс в экономике.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация, экономика страны, инновационно-инвестиционная деятельность, компетентностный подход

DEVELOPMENT OF INNOVATIVE- INVESTMENT PROCESSES IN INDUSTRY IN THE CONTEXT OF ECONOMY DIGITALIZATION

T. Pogodina¹, M. Veselovsky², I. Chueva²

¹ Moscow Financial University under the Government
49, Leningradsky prosp., Moscow, 125167, Russian Federation

² Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A. A. Leonov
42, Gagarin ul., Korolev, 141074, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the current state of digital technologies and their impact on innovative-investment activities of the domestic economy.

Methodology. The key research methods were: analytical and economic-statistical research methods and system-integrated analysis.

Results. The trends and features of the industrial complex development in Russia and the possibilities of its integration into the world economic system are highlighted; the evolution of methods of

information and analytical support and management of innovative-investment activities is comprehensively studied.

Research implications. The development of the basic principles of innovative-investment processes in industry in the context of the economy digitalization allowed us to highlight the achievements of digitalization and their impact on the innovation and investment process in the economy.

Keywords: digital technologies, digitalization, national economy, innovation and investment activity, competence approach

Введение

Промышленность представляет собой наиболее значимый народнохозяйственный комплекс отечественной экономики, выполняет разнообразные функции, среди которых следует выделить научно-технологическую, которая заключается в определяющей роли инноваций и их распространении на все отрасли и сферы жизнедеятельности. Значимость промышленного комплекса также определяется выполнением социальной функции, которая выражается в обеспечении занятости трудоспособных граждан и достойного качества жизни населения. В условиях интенсивного развития очень важно обеспечить устойчивое функционирование и опережающее развитие промышленного комплекса, основанное на модернизации. Фундаментальной основой таких преобразований являются процессы и результаты эффективной инновационно-инвестиционной деятельности в промышленном комплексе, которые в современных условиях тесным образом коррелируют с осуществлением нововведений и передовых производственных и цифровых технологий во всех сферах национальной экономики, а также с их структурной модернизацией.

Инновационно-инвестиционная политика в промышленном комплексе представляет собой совокупность методического инструментария и практических действий, направленных на обеспечение устойчивого долгосрочного развития и совершенствование экономического потенциала предприятий комплекса. Сложившаяся конъюнктура внутреннего и международных рынков заключается в решении стратегических задач отечественных предприятий: обновление производственной базы предприятия, накопление технологического потенциала, переход к инновационно-инвестиционному развитию с целью продвижения конкурентоспособных продуктов на рынок в условиях цифровой трансформации [2].

Цифровые технологии и их влияние на инновационно-инвестиционную деятельность и конкурентоспособность отечественной экономики

Экономическая система России осуществляет сложный и долгосрочный переход с традиционной на инновационную модель. Данный вопрос активно обсуждается в течение нескольких десятилетий, всесторонне рассматривается учёными и практиками с позиции формирования стратегического вектора развития страны. Индустрия 4.0 способствует ускорению данного процесса благодаря использованию более широкого инструментария и внедрению цифровых технологий.

Процесс перехода на инновационную модель развития будет менее болезненным во взаимодействии с активным продвижением цифровой экономики, основанной на цифровых технологиях. И Россия постепенно включается в данный процесс, однако его темпы недостаточны для того, чтобы догнать многие передовые страны, включая США и Китай [1; 2]. Как следствие, структурные сдвиги в технико-технологическом характере промышленного производства в России не

соответствовали в последнее десятилетие XX в. и начале XXI в. общемировой тенденции. Технологическая перестройка в глобальном экономическом пространстве осуществлялась в направлении восходящего усложнения, продвигаясь к более высоким технологическим укладам и новым рынкам высокотехнологичной продукции. В России в указанный выше период обозначилась нисходящая линия примитивизации производства и копирования устаревших промышленных образцов, находящихся на поздних стадиях жизненного цикла.

Президентом России поставлена задача включения страны в конкурентную борьбу по достижению технологического лидерства, что требует более пристального изучения путей и разработки мероприятий по наращиванию производственного потенциала и повышению конкурентоспособности национальной экономики.

Оценку глобальной конкурентоспособности осуществляет Всемирный экономический форум (ВЭФ) и делает это ежегодно. В 2019 г. лидирующие позиции по данному индексу занял Сингапур с суммой 84,8 баллов, за ним расположились США – 83,7 баллов, третью позицию занимает Гонконг (83,1 балла), на четвертой позиции – Нидерланды (82,4 балла), Швейцария находится на пятом месте (82,3 балла). Сингапур имеет существенные превосходства и достижения по сравнению с другими 141 странами по следующим позициям: низкий уровень коррупции в бизнесе, высокий уровень развития банковской системы и общей системы безопасности, простота регистрации бизнеса и стабильность. Замыкают список стран – участников рейтинга глобальной конкурентоспособности Конго, Йемен и Чад. Украина в 2019 г. ухудшила своё положение и потеряла 2 позиции в Индексе глобальной конкурентоспособности, опустившись на 85 строчку. Беларусь традиционно в данном рейтинге отсутствует. Польша сохранила свои позиции и занимает 37-е место¹.

Россия осуществила существенный прогресс в глобальной конкурентоспособности с 63 места в 2010–2011 гг. до 43 – в 2018–2019 гг. Целесообразно, чтобы данная положительная динамика сохранилась и по возможности нарастала. Однако имеют место существенные внутренние ограничения для дальнейшего роста глобальной конкурентоспособности в области макроэкономической стабильности, развития инфраструктуры и конкурентоспособности производственных компаний [6]. Наибольшими проблемами в 2018–2019 гг. для России, по мнению ВЭФ, стали низкий уровень развития банковской системы (115 место), недостаточная безопасность (93 место), высокий уровень коррупции (76 место), сложность регистрации бизнеса (62 место). В то же время у России сравнительно высокие показатели по развитию системы образования, в т. ч. начального, неплохие позиции по инновационному потенциалу. Эксперты ВЭФ отмечают достижения российской экономики и государственной системы управления в международной торговле и инвестициях, высокотехнологичную инфраструктуру, прогресс в сфере занятости, рынка труда и развитии человеческого капитала².

Важнейшим показателем уровня благосостояния стран является ВВП на душу населения. В России показатель ВВП на душу населения составил в 2019 г. 10 950 дол. Для сравнения: у Литвы ВВП составляет 18 857 дол., у Латвии – 17 634 дол., у Польши – 14 469 дол., а Украины – всего лишь 2 964 дол.

¹ Рейтинг стран по глобальной конкурентоспособности [Электронный ресурс]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/global-competitiveness-index> (дата обращения: 08.08.2021).

² Обзор рынка венчурной индустрии России за 2016 год // Money Tree. Навигатор венчурного рынка: [сайт]. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/905/money-tree-rus_2016.pdf (дата обращения: 08.08.2021).

Показателем качества и уровня технологического развития экономики страны и промышленного производства, использования человеческих ресурсов, выступает производительность труда. В России по итогам 2010–2019 гг. производительность труда в целом в 1,5–2 раза ниже по сравнению с экономически развитыми странами, хотя отставание сокращается. В 2015 г. производительность в России снизилась на 2,2%, но уже в 2017–2019 гг. ситуация немного улучшилась и производительность труда повысилась на 1,5%¹. Низкие темпы прироста производительности труда не являются данью современного состояния экономики. Более того, ещё во времена СССР страна сильно отставала по уровню производительности труда, особенно в сельском хозяйстве. Однако с учётом сложившихся обстоятельств накоплены внутренние ресурсы для осуществления прорыва в решении данного вопроса. В частности созданы необходимые условия и возможности для более активного внедрения передовых производственных технологий, цифровые технологии также способствуют решению задачи повышения производительности труда, включая роботизацию.

По различным оценкам в экономически развитых странах на 10 тыс. работников компаний приходится 300–500 роботов, а в России – лишь 3². Решение вопроса интенсивного перехода от нижнего к верхнему пути технологического развития национальной экономики лежит в плоскости обеспечения действенности принятых управленческих решений на всех уровнях власти. Чтобы это обеспечить, необходимо качественно улучшить информационно-аналитическое обеспечение инновационно-инвестиционной деятельности.

Цифровые технологии улучшают процесс информационно-аналитического обеспечения и повышают информационную прозрачность принимаемых управленческих решений для всех участников проекта. Цифровые технологии активно используются компаниями, поскольку доказали свою высокую эффективность в решении управленческих и производственных задач развития бизнеса. Рассмотрим достижения цифровизации и их влияние на инновационно-инвестиционные процессы в экономике (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Достижения цифровизации и их влияние на инновационно-инвестиционные процессы в экономике / Achievements of digitalization and their impact on innovation and investment processes in the economy

№	Достижения цифровизации	Влияние на инновационно-инвестиционные процессы
1	Глубокое проникновение цифровых технологий во все социально-экономические сферы	Качественные изменения в информационно-технологической парадигме, что становится импульсом к созданию инноваций
2	Готовность граждан к использованию цифровых технологий	Выбор гражданами рыночных предложений на цифровой интернет-платформе, вытесняющей из личных коммуникаций электронную почту, интернет-магазины и телефонию

¹ Российский статистический ежегодник. Росстат [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 08.08.2021).

² Robot density rises globally // International Federation of Robotics : [сайт]. URL: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-density-rises-globally> (дата обращения: 02.08.2021).

Окончание табл. 1

№	Достижения цифровизации	Влияние на инновационно-инвестиционные процессы
3	Активное использование всеми рыночными субъектами цифровых технологий в производственных, деловых и личных целях	Предпочтение клиентами цифровой интернет-платформы для поиска рыночных предложений вместо традиционных каналов - электронной почты, интернет-магазинов и телефонов
4	Распространение новых каналов взаимодействия производителей с потребителями	Трансформация деловых отношений из непосредственного в онлайн общение в режиме реального времени
5	Создание условий для постоянной генерации цифровых данных и их обработки	Рост доступных цифровых мощностей, которые могут быть одновременно задействованы для обслуживания и трансляции возрастающего объема информации
6	Объединение информационных ресурсов и технологий в единое целое	Формирование цифровых образовательных платформ, связывающих огромное число поставщиков и слушателей онлайн-курсов по всему миру. Это является основой повышения квалификации кадров с последующим повышением эффективности промышленного производства
7	Формирование цифровыми технологиями единых свойств для различных хозяйствующих субъектов	Формирование информационно-технологической парадигмы общества нового качества
8	Возрастание информационных потоков и скорости их передачи	Многократное возрастание объемов и качества информационных ресурсов, представляющих ценность для информационно-аналитического обеспечения инновационной деятельности
9	Формирование новых подходов и методов удовлетворения информационных потребностей	Выбор прогрессивных технологий и методов работы с информационными ресурсами, оказывающими непосредственное влияние на эффективность решения информационных задач в инновационно-инвестиционном процессе

Источник: разработано авторами с использованием [1].

Таким образом, отмеченные достоинства цифровизации привели к формированию нового источника технологического развития, поскольку способствуют не только цифровой трансформации базовых элементов бизнес-моделей, но и приводят к модернизации технологических процессов. Прежде всего, имеет место переход с традиционных каналов и способов взаимодействия поставщика (производителя) с клиентом на цифровые, формируются новые источники сбора, накопления и распространения информации (интернет вещей, цифровые интернет-платформы), обработка полученной информации в режиме реального времени. Следовательно, успехи цифровизации могут и должны быть реализованы в большинстве секторов экономики, поскольку обеспечивают совершенствование экономических ресурсов и способствуют повышению эффективности промышленного производства.

Игнорирование же возможностей цифровизации приведёт к притоку зарубежных цифровых технологий и поставщиков на российские рынки, т. е. запаздывающей модернизации отечественного промышленного комплекса. Российские учёные и практики отмечают необходимость внедрения современных цифровых технологий нового поколения в условиях, когда «практически стёрты границы рынков» [1].

Информационное обеспечение инновационно-инвестиционной деятельности и внедрение современных технологий в процесс управления этой деятельностью происходит поэтапно, начиная от активного использования статистических методов до цифровых технологий высокого порядка (рис. 1).

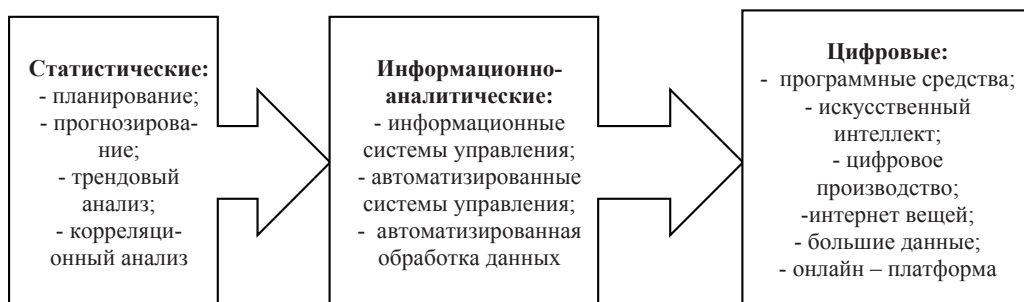

Рис. 1 / Fig. 1. Эволюция методов информационно-аналитического обеспечения и управления инновационно-инвестиционной деятельностью / Evolution of information, analysis and management practices innovation and investment activities

Источник: разработано авторами.

Таким образом, в XXI в. на смену статистическим и информационно-аналитическим методам управления инновационно-инвестиционной деятельностью пришли цифровые, которые в большей степени соответствуют современным задачам и целям управленческой деятельности. Функции и задачи управления промышленной компанией, опирающиеся на информационно-аналитическое обеспечение, отражают принятую организационную структуру компании [5].

Среди цифровых технологий, обеспечивающих решение управленческих задач, следует выделить цифровые средства. Динамика использования цифровых средств для решения различных задач организационного, управленческого, экономического и финансового характера представлена в табл. 2.

Таким образом, доля организаций, использующих программные средства, неуклонно растёт, что подтверждает их эффективность. В промышленных компаниях наиболее распространены программные средства, которые помогают им решать организационные, управленческие и экономические задачи (в 2019 г. их использовали 54,5% организаций). Активно наращивается использование программных средств для осуществления финансовых расчётов в электронном виде (57,1% в 2019 г.), а также управления закупками товаров (39,0%) и управления продажами товаров (29%).

В меньшей степени используются программные средства для осуществления проектирования (13%) и научных исследований (4,6%). Однако потенциал использования программных средств в этих видах деятельности ещё в полной мере не использован. За ними – будущее.

В целом можно сказать, что в последнее десятилетие российские экономические субъекты осуществили огромный скачок в использовании цифровых технологий, которые прочно вошли как в сферу деловых, так и межличностных взаимоотно-

Таблица 2 / Table 2

Динамика использования цифровых средств для решения задач организационного, управленческого, экономического и финансового характера в России в 2005–2019 гг. / Dynamics of using digital means to solve organizational, managerial, economic and financial problems in Russia in 2005–2019

Показатели	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2019 г.
Удельный вес организаций, использовавших специальные программные средства, всего	79,1	89,1	84,8	85,9
Из них:				
для решения организационных, управленческих и экономических задач	58,0	59,7	52,3	54,8
для осуществления финансовых расчетов в электронном виде	45,7	59,7	55,1	57,1
для управления закупками товаров (работ, услуг)	-	-	38,4	39,0
для управления продажами товаров (работ, услуг)	-	-	21,9	26,0
обучающие программы	11,9	19,1	14,3	16,4
для управления автоматизированным производством и/или отдельными техническими средствами и технологическими процессами	14,0	18,1	15,1	16,5
для проектирования	9,7	11,8	11,0	13,0
для научных исследований	3,1	3,3	3,9	4,6
Доля затрат на приобретение программных средств в их общей величине на информационные и коммуникационные технологии	11,0	15,7	17,6	18,1

Источник: составлено авторами по данным Росстата [Электронный ресурс].
URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 03.08.2021).

шений. Произошли существенные изменения не только в количестве и качестве используемых цифровых технологий, но и структуре затрат на них. Если в начале 2000-х гг. около 35–45% всех затрат на информационные и коммуникационные технологии приходилось на приобретение вычислительной техники и оргтехники, то в 2018–2019 гг. – не более 20%. В то же время доля затрат на приобретение программных средств возросла за исследуемый период с 9,8% в 2003 г. до 18,1% в 2019 г.¹ Таким образом, компании стали рассматривать цифровые технологии как неотъемлемый элемент процесса управления, производства и продвижения продукции.

Для дальнейшего распространения цифровых технологий и превращения их в действенный фактор инновационно-инвестиционной деятельности необходимо более качественное обучение сотрудников и увеличение расходов компаний на эти цели. Пока что на обучение сотрудников программным средствам российские компании тратили не более 0,3–0,5% от общей величины цифровых технологических затрат. Гораздо большая часть расходов осуществляется на оплату услуг сторонних организаций и it-специалистов. Расходы отечественных компаний «на сторону» доходили до 26,6% в 2019 г. Отсюда напрашивается вывод, что было бы более полезным часть расходов переадресовать внутренним структурным подразделениям.

Не используется отечественными компаниями как информационный ресурс цифровой контент как совокупность информационных материалов, распростра-

¹ Российский статистический ежегодник. Росстат [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 08.08.2021).

няющихся по электронным каналам связи для эксплуатации на цифровых устройствах. К основным видам современного цифрового контента относятся тексты, игры, видео- и аудиоматериалы. Но их разнообразие с каждым годом увеличивается. Цифровой контент позволяет сделать официальный сайт компании более интересным и стимулирует реальных и потенциальных клиентов чаще его посещать для осуществления покупок.

Активное использование и распространение цифровых технологий не только поддерживает деловую активность компаний, но и повышает предпринимательскую уверенность. Неслучайно по данным Росстата число оптимистов, ожидающих рост производства в течение ближайших 3 месяцев 2021 г., превысило количество ожидающих снижения выпуска продукции за этот же период времени как в добывающей, так и обрабатывающей промышленности.

Управленческие задачи стимулирования инновационно-инвестиционной деятельности, решаемые с использованием цифровых технологий и внедрения компетентностного подхода

Технологическая база российской промышленности является разнородной, что выражается в наличии и сочетании различных технологических укладов. Наряду с отставанием в машиностроении и станкостроении от мирового уровня в 1,5–2 технологических уклада, т. е. примерно на 20–30 лет, в ряде высокотехнологичных отраслей промышленности (ядерная, космическая) мы занимаем лидирующие мировые позиции и развиваемся со значительным опережением на 10–15 лет (фотоника, биотехнологии).

Такой дисбаланс в развитии отдельных отраслей промышленности снижает инновационно-инвестиционные возможности национальной экономики, поскольку ограничивает возможности экономики формировать долгосрочный вектор устойчивого роста, стимулировать кооперацию внутри отдельных комплексов и между взаимосвязанными отраслями. Производственно-технический потенциал является материальной предпосылкой и необходимым условием не только ускорения научно-технического прогресса, но и сохранения достигнутых позиций. Результатом растущих возможностей и ресурсов страны для решения научно-технических проблем национальной экономики в конечном итоге станет обеспечение экономического роста страны и вхождение её в состав ведущих экономик мира.

В то же время последствия сохранения данного дисбаланса в развитии отраслей способны оказать сильное влияние на темпы и качество экономического роста промышленного комплекса и динамику ВВП с учётом последствий экономических кризисов, которые регулярно сопровождают отечественную и мировую экономику. Среднегодовой темп снижения российской экономики за 2012–2019 гг. находился в районе 0,2–0,1%, при том что значительную роль в этом процессе сыграли экономические санкции Запада¹, усиливая негативный тренд развития [3].

Несмотря на негативный тренд макроэкономического развития, промышленный комплекс при этом демонстрирует более высокую устойчивость к воздействию негативных факторов мирового уровня. Это проявляется в том, что отрасли промышленности в гораздо более короткие сроки адаптируются к негативным последствиям ограничительных мер по сравнению со всем народным хозяйством страны.

¹ Национальная инновационная система и государственная инновационная политика Российской Федерации. Базовый доклад к обзору ОЭСР национальной инновационной системы Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://csef.ru/media/articles/509/509.pdf> (дата обращения: 08.08.2021).

Например, в 2015 г. общее падение экономики составило 2,8%, а в 2016 г., хотя падение продолжилось по всем отраслям экономики, но промышленный комплекс при этом показал положительную динамику и физический объём производства вырос на 1,1%, в т. ч. по обрабатывающим производствам – на 0,1%. Аналогичная ситуация продолжилась в 2018–2019 гг., и промышленный комплекс показал опережающую динамику роста объёмов производства.

Опережающий рост объёмов деятельности в долгосрочной перспективе возможен только при поддержке положительной динамики важнейшего показателя эффективности производства – производительности труда [7]. Производительность труда является наиболее чувствительным показателем уровня технологического развития экономики и производства, поскольку на неё оказывает непосредственное воздействие фондовооружённость труда, заработная плата и уровень жизни населения. Также высокая производительность труда занятых положительно влияет на заработную плату, доходы людей и ведёт к росту уровня жизни населения. Динамика производительности труда и индексов реальной заработной платы в ведущих отраслях промышленности за 2006–2018 гг. отражена в (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Цепной индекс производительности труда и заработной платы в основных отраслях промышленности России в 2006–2018 гг. / Chain index of labor productivity and wages in the main industries of Russia in 2006–2018

Показатели	2006 г.	2010 г.	2014 г.	2018 г.
Индекс производительности труда, %				
В целом по экономике	107,5	103,3	100,7	100,0
Добыча полезных ископаемых	103,3	104,3	102,8	100,1
Обрабатывающие производства	108,5	105,2	102,5	100,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	101,9	103,0	100,2	102,2
Индекс реальной начисленной заработной платы, %				
В целом по экономике	114,0	105,2	101,2	108,5
Добыча полезных ископаемых	107,6	105,6	101,0	108,6
Обрабатывающие производства	111,1	107,4	101,2	102,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	110,6	105,1	100,2	103,4

Источник: составлено авторами по данным Росстата [сайт]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 03.08.2021).

В целом производительность труда в России в 2016–2018 гг. была в 2 раза ниже, чем в экономически развитых странах. В 2014–2018 гг. темпы роста производительности труда заметно снизились, как в целом по экономике, так и в промышленности. Одновременно с этим снизились темпы роста реальной заработной платы, которые в целом по экономике в 2006 г. составили 114,0%, а в 2018 г. – 108,5%. В 2006 г. в обрабатывающей промышленности произошло аналогичное снижение роста реальной заработной платы – с 111,1% в 2006 г. до 102,8% в 2018 г. В добывающей промышленности, наоборот, в 2018 г. реальная заработная плата увеличилась на 8,6%. Это самый высокий показатель за последние 10 лет.

Однако такая динамика недостаточна для перехода от нижнего к верхнему пути технологического развития. Если не увеличить темпы роста производительности труда, то это приведёт не только к снижению эффективности производства, но и к технологической деградации большинства промышленных производств. Экстенсивный тип производства для России является невозможным, поскольку отчётливо ощущается недостаток трудовых ресурсов, да и качество их тоже в последние годы снижается. Снижение качества трудовых ресурсов можно объяснить во многом низким уровнем жизни и слабой социальной защищённостью населения. В условиях, когда значительная часть населения поставлена в ситуацию физического выживания, невозможно делать акцент на инновационно-технологическое развитие.

Для обеспечения опережающего развития промышленного комплекса страны на основе интенсификации производства необходимо решение первоочередных управленческих задач стимулирования инновационно-инвестиционной деятельности. На микроуровне к таким задачам можно отнести научно-техническое обеспечение, оперативное управление, планирование и прогнозирование, финансовое обеспечение инновационно-инвестиционных процессов, контроль. Данный комплекс задач позволит осуществить первоочередные управленческие воздействия¹. Комплекс управленческих задач, решаемых на микроуровне, обобщен и представлен на рис. 2.

Рис. 2 / Fig. 2. Управленческие задачи стимулирования инновационно-технологического развития экономических субъектов на микроуровне / Management tasks of stimulating innovative and technological development of economic entities at the micro level

Источник: разработано авторами.

¹ Крупнейшие компании России, реализующие инновационные проекты: ЭкспертРА [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raexpert.ru/researches/expert-inno/part5> (дата обращения: 08.08.2021).

Таким образом, управленческие задачи модернизируются, что отражается в смещении акцентов с оперативного управления в сторону решения научно-технических задач и усиления контроля. Развитие и расширение управленческих задач требует новых профессиональных компетенций менеджеров.

Решающими факторами эффективности управленческой деятельности менеджеров являются творческие способности, креативный подход к делу, личностные качества управленца (умение вызывать инициативу подчинённых, активная жизненная позиция и нацеленность на саморазвитие). Компетентностный подход пришёл на смену традиционным знаниям, навыкам и умениям. Любознательность, саморазвитие, энтузиазм, креативность, генерация новых идей и способность их реализации являются наиболее ценными качествами менеджеров, которые пришли на смену традиционным знаниям, навыкам и умениям. Соответственно, меняется и система российского профессионального образования в сторону распространения компетентностного подхода. Аналогичные преобразования происходят и в бизнес-сообществе. Следует признать более высокую роль семьи в формировании и развитии компетенций, востребованных российскими компаниями. В первую очередь это относится к базовым компетенциям личностного характера.

Компетентностный подход позволяет выявлять наиболее ценные для компаний личностные и профессиональные качества работников в динамике. При этом, как показал сравнительный анализ, востребованные компетенции в международных компаниях отличаются от российского бизнеса. В международных компаниях наиболее востребованы коммуникабельность, командная работа, способность побуждать к действию партнеров, положительный опыт поиска и привлечения клиентов, знание и умение применять на практике инновационные методы и прогрессивные технологии.

Работодателям целесообразно пересмотреть свою оценку менеджеров в сторону повышения значимости компетентностного подхода и его реализации в деятельности отечественных промышленных компаний как наиболее перспективного и ценностного в условиях цифровой трансформации бизнес-моделей. Конечно, работодателям сложно увидеть и оценить наличие компетенции в короткие сроки, поэтому повышаются требования к отбору персонала, студентов привлекают на стажировку и прохождение преддипломной практики. В процессе осуществления взаимодействия с наставником можно оценить уровень владения определёнными компетенциями, а также личные качества человека.

Рассмотрим более подробно уровни управленческих компетенций менеджеров, необходимые для стимулирования инновационно-технологического развития компаний в России (рис. 3).

Основная цель компетентностного подхода заключается в синергии ключевых компетенций менеджеров и превращении их в ключевые компетенции компании, обеспечивающих ускоренное инновационно-технологическое развитие экономических субъектов. Развитие компетентностного подхода обязательно должно включать социальные компетенции, направленные на развитие межличностных коммуникаций и объединение людей для решения не только производственных, но и личных задач и проблем. Такой подход востребован для России, в которой ещё с советских времён важная роль отводилась общению между членами коллектива, поддержке в трудной жизненной ситуации, взаимопомощи. Сложившиеся традиции целесообразно не только возрождать, но и всячески распространять.

Распространение цифровых технологий способно поднять общение между людьми на новый уровень, переходя от традиционного, «живого» общения к онлайн беседам, дискуссиям, интернет-совещаниям и цифровым образовательным площадкам. Конечно, этот процесс занимает определённое время и не проходит

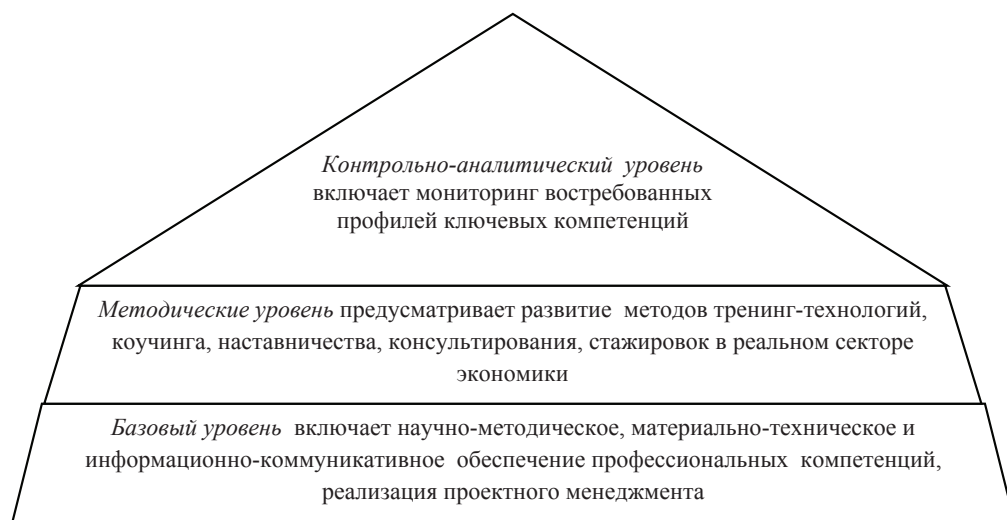

Рис. 3 / Fig. 3. Многоуровневый подход к формированию ключевых компетенций менеджеров для стимулирования инновационно-технологического развития компании / Multilevel approach to formation of key competencies of managers to stimulate innovation and technological development of the company

Источник: составлено авторами с использованием [4].

безболезненно для многих людей. Тем не менее, за ним стратегическое будущее, которое уже стало частью настоящего времени [4].

Заключение

Актуальность задач инновационно-инвестиционного развития, стоящих перед страной определяет их общественную значимость, необходимость повышения качества жизни населения и перехода страны на качественно высокий уровень организации производства и управления. Возникает необходимость перестройки всего народнохозяйственного комплекса (начиная с высших органов власти и управления и заканчивая рядовыми работниками), активного использования комплекса финансовых, инвестиционных, управленческих и маркетинговых инструментов и методов. В целях обеспечения эффективной структурной перестройки промышленного комплекса страны и постановки его на рельсы инновационного развития необходимо наращивание инновационного и инвестиционного потенциалов посредством динамичного роста передовых бизнес-идей, совершенствования технологий и координации усилий множества хозяйствующих субъектов.

Ключевые направления структурной реорганизации промышленного комплекса, повышения его инновационной восприимчивости, инвестиционной активности и технологической модернизации являются:

- постановка глобальных целей достижения технологического и интеллектуального лидерства в высокотехнологичных отраслях национального бизнеса;
- выявление «главного звена» в инновационно-инвестиционном процессе предприятия, акцентируя на нём целенаправленное управляющее воздействие;
- расширение компетентностного подхода в менеджменте, формирующего инновационную культуру бизнеса и передовые бизнес-идеи.

Статья поступила в редакцию 29.06.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Днепроvская Н. В. Формирование инновационной среды цифровой экономики: автореф. дис. ... докт. экон. наук. М., 2020. 48 с.
2. Иммерман Е. А. Активизация инновационно-инвестиционных процессов в условиях модернизации промышленности: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. 30 с.
3. Комарницкая Е. В. Маркетинг в системе управления конкурентоспособностью предприятия: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Донецк, 2019. 28 с.
4. Лаврищев М. П. Проблемы формирования профессиональных компетенций менеджера в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2013. 30 с.
5. Титов В. О. Проектное финансирование инновационных инвестиционных проектов: автореферат дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2014. 23 с.
6. Buckley P., Clegg J., Wang C. Is the relationship between inward FDI and spillover effects linear? An empirical examination of the case of China // *Journal of International Business Studies*. 2007. Vol. 38. № 3. P. 447–459.
7. Gnezdova J., Kugelev I., Romanova J. Conceptual model of the territorial manufacturing co-operative system use in Russia // *Journal of Internet Banking and Commerce*. 2016. Vol. 4. № S4. C. 12.

REFERENCES

1. Dneprovskaya N. V. *Formirovanie innovatsionnoi sredy tsifrovoi ekonomiki: avtoref. dis. ... dokt. ekon. nauk* [Formation of an innovative environment for the digital economy: abstract of D. thesis in Economic Sciences]. Moscow, 2020. 48 p.
2. Immerman E. A. *Aktivizatsiya innovatsionno-investitsionnykh protsessov v usloviyakh modernizatsii promyshlennosti: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Activation of innovation and investment processes in the context of industrial modernization: abstract of PhD thesis in Economic sciences]. Moscow, 2011. 30 p.
3. Komarnitskaya E. V. *Marketing v sisteme upravleniya konkurentosposobnostyu predpriyatiya: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Marketing in the enterprise competitiveness management system: abstract of PhD thesis in Economic sciences]. Donetsk, 2019. 28 p.
4. Lavrishchev M. P. *Problemy formirovaniya professional'nykh kompetentsii menedzhera v usloviyakh globalizatsii: avtoref. dis. ... kand. sots. nauk* [Problems of the formation of professional competencies of a manager in the context of globalization: abstract of PhD thesis in Economic sciences]. Moscow, 2013. 30 p.
5. Titov V. O. *Proektnoe finansirovanie innovatsionnykh investitsionnykh projektov: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Project financing of innovative investment projects: abstract of PhD thesis in Economic sciences]. S.Petersburg, 2014. 23 p.
6. Buckley P., Clegg J., Wang C. Is the relationship between inward FDI and spillover effects linear? An empirical examination of the case of China. In: *Journal of International Business Studies*, 2007, vol. 38, no. 3, pp. 447–459.
7. Gnezdova J., Kugelev I., Romanova J. Conceptual model of the territorial manufacturing co-operative system use in Russia. In: *Journal of Internet Banking and Commerce*, 2016, vol. 4, no. S4, p. 12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Погодина Татьяна Витальевна – доктор экономических наук, профессор департамента финансового и инвестиционного менеджмента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: tv.pogodina66@yandex.ru

Веселовский Михаил Яковлевич – доктор экономических наук, профессор кафедры управления Технологического университета имени дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта А. А. Леонова;
e-mail: consult46@bk.ru

Чуева Ирина Ивановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления Технологического университета имени дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта А. А. Леонова;
e-mail: ii.chueva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana V. Pogodina – Dr. Sci. (Economics), Prof., Department of Financial and Investment Management, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: tv.pogodina66@yandex.ru

Mikhail Y. Veselovsky – Dr. Sci. (Economics), Prof., Department of Management, Technological University named after twice Hero of the Soviet Union cosmonaut A. A. Leonov;
e-mail: consult46@bk.ru

Irina I. Chueva – Cand. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Department of Management, Technological University named after twice Hero of the Soviet Union cosmonaut A. A. Leonov;
e-mail: ii.chueva@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Погодина Т. В., Веселовский М. Я., Чуева И. И. Развитие инновационно-инвестиционных процессов в промышленности в условиях цифровизации экономики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 3. С. 108–121.

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-108-121

FOR CITATION

Pogodina T. V., Veselovsky M. Ya., Chueva I. I. Development of innovation and investment processes in industry in the context of digitalization of the economy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2021, no. 3, pp. 108–121.

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-108-121

УДК 336.221

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-122-137

ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Семенова Г. Н.*Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация**Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская
Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть влияние пандемии COVID-19 на развитие малого и среднего бизнеса в России, экономическую ситуацию, сложившуюся в стране в условиях кризиса, на примере рынка розничной торговли 2006–2021 гг.

Процедура и методы. Исследован торговый сегмент России в условиях пандемии. Рассмотрены индекс предпринимательской уверенности в розничной торговле, оборот розничной торговли, средняя численность работников в организациях розничной торговли за 2006–2020 гг. Все эти показатели, в т. ч. и прогнозные на 2021 г., демонстрируют негативные значения.

Результаты. В ходе анализа выявлено, что предпринимательская уверенность в 2020 г. снизилась по сравнению с предыдущими периодами, даже, несмотря на государственную поддержку, экономическая ситуация значительно ухудшилась. Многие предприятия в условиях пандемии COVID-19 стали сокращать своих сотрудников, т. к. произошло снижение оборота розничной торговли.

Теоретическая и/или практическая значимость. По итогам исследования автором выявлены факторы, ограничивающие производственную деятельность бизнеса в России: недостаток финансовых средств для открытия или развития бизнеса; высокие транспортные издержки и арендную плату, которые включаются в расходы организаций при определении налогооблагаемой прибыли и тем самым увеличивают себестоимость выпускаемой продукции (товаров, работ, услуг); высокая конкуренция особенно в сфере розничной торговли; высокий уровень налогов. Исследована налоговая нагрузка по видам экономической деятельности в 2020 г., показаны отрасли, имеющие большую налоговую нагрузку, и отрасли, имеющие маленькую налоговую нагрузку.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, пандемия, кризис, налоговая нагрузка, индекс предпринимательской уверенности, оборот розничной торговли, производственная активность, платежеспособный спрос, финансовые средства, налоги, арендная плата, конкуренция, доходы, расходы, прибыль, рентабельность, себестоимость

ASSESSMENT OF BUSINESS DEVELOPMENT TRENDS IN RUSSIA UNDER THE COVID-19 PANDEMIC

G. Semenova

Plekhanov Russian University of Economics

36, Stremyanniy per., Moscow, 117997, Russian Federation

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation.

Abstract

Aim. To consider the impact of the COVID-19 pandemic on the development of small and medium-sized businesses in Russia, and the economic situation development during the crisis, using the example of the retail market of 2006-2021.

Methodology. The Russian shopping segment was investigated in the context of the COVID-19 pandemic in Russia. The index of entrepreneurial confidence in retail trade, retail trade turnover, the average number of employees in retail trade organizations for 2006–2020 were considered. All these indices, including those forecasted for 2021, demonstrate negative values.

Results: The analysis revealed that entrepreneurial confidence in 2020 decreased, compared to previous periods, even despite state support, the economic situation deteriorated significantly, and this negatively affected the confidence of entrepreneurs. In the context of the COVID-19 pandemic, many enterprises began to lay off their employees, as there was a decrease in retail turnover.

Research implications. Based on the results of the study, the author singled out the factors that limit the production activities of business in Russia. The main factors are lack of funds that are needed to open or develop a business; high transport costs and rent, which are included in the costs of organizations when determining taxable profit, and thereby increase the cost of products (goods, works, and services); high competition from other organizations, especially in the retail trade; high level of taxes. The tax burden by types of economic activity during the 2020 pandemic has been investigated; sectors with a large tax burden and industries with a low tax burden are shown.

Keywords: small and medium business, pandemic, crisis, tax burden, entrepreneurial confidence index, retail trade turnover, production activity, effective demand, financial resources, taxes, rent, competition, income, expenses, profit, profitability, cost price

Введение

В условиях борьбы с коронавирусом в 2020 г. пострадали многие предприятия, организации, отрасли. Отдельным видам бизнеса в этот сложный период государством была оказана финансовая поддержка.

У ряда предприятий сократилась реализация товаров, работ, услуг, штат сотрудников, заработная плата, а некоторые полностью ликвидировали свой бизнес и уволили сотрудников в связи с тем, что не смогли перейти на другие формы работы [1, с. 7]. В 2020 г. при сохранении норм рабочего времени уменьшили зарплату своим сотрудникам более 20% компаний, около 16% компаний существенно сократили штат сотрудников. В этот период в бюджетную систему РФ уменьшились поступления по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ) и налогу на прибыль организаций: нет заработной платы сотрудникам – нет НДФЛ, нет прибыли у бизнеса – нет и налога с прибыли.

Особенно уязвимыми оказались сфера общественного питания, авиаперевозки, автоперевозки, туристический бизнес, ресторанный и гостиничный бизнесы, торговля, сфера услуг, организации досуга, культуры и развлечения. Согласно офи-

циальной статистике Росстата, Россия к августу 2020 г. потеряла около 1 950 423 малых и средних предприятий. Это почти каждый пятый бизнес в сфере малого и среднего предпринимательств¹. Малый бизнес не обладает подушкой безопасности и не готов обеспечить себя самостоятельно, а государство не готово всем оказывать поддержку ввиду ряда причин, связанных с размерами бизнеса, спецификой деятельности и т. д. [3].

Проанализировав налог на прибыль в консолидированный бюджет Российской Федерации можно отметить, что поступления по налогу на прибыль составили:²

- на 01.05.2019 г. – 1 877 млрд руб.;
- на 01.05.2020 г. – 1 703 млрд руб. снижение на 9,3% (-174 млрд руб.);
- на 01.05.2021 г. – 1 911 млрд руб., прирост 12,2% (+208 млрд руб.).

Увеличение поступлений в 2021 г. произошло не за счёт налогового бремени на малый и средний бизнес и усиленного администрирования со стороны налоговых органов, а за счёт снижений поступлений за предыдущий год. Но если сравнить поступления за соответствующие периоды в 2019 и 2021 г., по прирост налога на прибыль незначительный, всего 34 млрд руб., т. е. 1,8%.

Торговый сегмент в условиях пандемии COVID-19 в России

Индекс предпринимательской уверенности в розничной торговле рассчитывается как среднее арифметическое значение балансов оценок уровня складских запасов (с обратным знаком), изменения экономического положения в текущем квартале по сравнению с предыдущим и ожидаемого изменения экономического положения в следующем квартале (рис. 1).

Предпринимательская уверенность в 2020 г. снизилась по сравнению с предыдущими периодами. Особенно это заметно во II квартале 2020 г., когда Правительством РФ были приняты меры по сдерживанию распространения коронавирусной инфекции: перевод работников на удалённую работу, закрытие ресторанов и других точек питания, развлекательных и торговых центров и многие другие меры, которые оказали негативное влияние на ведение бизнеса.

Большинство работодателей столкнулись с нехваткой денежных средств на выплату заработной платы сотрудникам, арендных, налоговых и других обязательных платежей, в особенности это касается малого и среднего бизнеса. Несмотря на предпринятые меры государственной поддержки, экономическая ситуация в России значительно ухудшилась, что негативно повлияло на уверенность предпринимателей.

В III квартале 2020 г. произошла относительная стабилизация экономической ситуации в России в связи со снятием многих ограничительных мер, затрудняющих функционирование бизнеса. Предпринимательская уверенность в данном периоде возросла до 3%.

В IV квартале 2020 г. наблюдается снижение индекса предпринимательской уверенности из-за наступления второй волны пандемии и возвращения к ряду ограничительных мер.

¹ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 12.05.2021).

² Отчёты по форме 1-НМ «Отчеты о начислении и поступлении налогов, сборов, страховых взносов, и иных обязательных платежей» на 01.05.2019–2021 гг. // Федеральная налоговая служба : [сайт]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn50/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8824368 (дата обращения: 12.06.2021).

Рис. 1 / Fig. 1. Индекс предпринимательской уверенности в 2006–2020 гг., в % /
Entrepreneurial Confidence Index 2006–2020, in %

Источник: составлено автором по данным Росстата [Электронный ресурс].
URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2021).

По оценке Росстата, во II квартале 2020 г. снижение ВВП составило 8%. Это сокращение в большей степени обусловлено уменьшением реальных располагаемых доходов населения на 8,4%, снижением розничной торговли и сектора услуг, а также общим снижением потребления домашними хозяйствами (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Экономическая ситуация на рынке розничной торговли в 2006–2021 гг., в % /
Economic situation in the retail market for the period of 2006–2021, in %**

Год	Квартал				Квартал			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
	Фактические изменения ¹				Перспективы изменения ²			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
2006	5	7	12	15	15	19	18	18
2007	8	12	16	14	14	19	21	22
2008	12	15	18	11	16	25	24	23
2009	-12	-8	0	3	14	4	9	12
2010	-4	2	7	8	8	14	16	15
2011	-5	-1	5	5	9	11	13	12

¹ Компонент индекса предпринимательской уверенности в розничной торговле.

² Сделанный прогноз на соответствующий год.

Окончание табл. 1

Год	Квартал				Квартал			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
	Фактические изменения				Перспективы изменения			
2012	0	4	7	8	7	16	16	15
2013	2	6	8	5	10	18	17	16
2014	-2	3	5	5	10	16	15	13
2015	0	-5	-3	-7	6	5	8	6
2016	-15	-8	-4	-6	2	6	9	6
2017	-10	-5	-1	-3	3	11	10	8
2018	-9	-3	-2	-3	4	10	9	7
2019	-8	-2	-1	-2	2	9	9	7
2020	-7	-26	-3	-5	3	10	-2	4
2021	-	-	-	-	-2	-	-	-

Источник: составлено автором по данным Росстата [Электронный ресурс].
URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2021).

На снижение индекса деловой активности повлияли такие факторы, как: повышение в 2019 г. ставки НДС с 18 до 20%, отмена пониженных тарифов страховых взносов для бизнеса, использующих специальные налоговые режимы УСН и ЕНВД. Автоматически НДС перекладывается на потребителей-покупателей, от этого зависит розничная цена в торговле. Увеличение ставки на 2% – это огромный оборот и большая нагрузка на бизнес [8, с. 669].

Уже в конце I квартала 2020 г. на деловую активность в России начали влиять ограничения, вызванные надвигающейся пандемией. Особенно II квартал 2020 г. стал для предпринимателей наиболее тяжёлым, деловая активность в данный период существенно снизилась.

Например, в I квартале 2020 г. в розничной торговле недостаточный спрос стал основной проблемой торгового процесса, а доля руководителей, отметивших снижение объёма розничных продаж относительно предшествующего квартала, увеличилась с 35 до 38%. При этом в 30% организациях продолжалось возобновившееся ускорение сокращения персонала [5, с. 11].

Правительством РФ и Банком России были разработаны меры компенсации потерь бизнеса в условиях пандемии. По оценкам Банка России¹, антикризисные меры по поддержке потребительского спроса во II квартале 2020 г. составили около 0,8 трлн руб.

Значительное снижение производственной активности в 2020 г. привело к уменьшению потребности работодателей в рабочей силе и снижению занятости (табл. 2). Данная ситуация сохранялась на протяжении всего 2020 г. с особым обострением во II квартале. Фактические данные существенно отличаются от прогнозных, положительная динамика к концу 2020 г. незначительная.

На фоне неблагоприятной экономической ситуации в России в 2020 г. произошло снижение оборота розничной торговли (табл. 3). Особенно отрицательная динамика выражена во II квартале 2020 г. Прогнозные показатели на 2021 г. также демонстрируют негативные значения.

¹ Институт Народнохозяйственного Прогнозирования РАН [Электронный ресурс]. URL: <https://esfor.ru/en> (дата обращения: 12.05.2021).

Таблица 2 / Table 2

Средняя численность работников в организациях розничной торговли в 2006–2021 гг., в % / Average number of employees in retail trade organizations for the period of 2006–2021, in %

Год	Квартал				Квартал			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
	Фактические изменения				Перспективы измененияI			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
2006	-4	-4	-3	-2	1	3	2	2
2007	-1	-2	-1	-2	1	4	4	4
2008	0	-2	-1	-5	3	6	6	7
2009	-15	-16	-13	-10	-1	-6	-4	-3
2010	-10	-11	-7	-8	-1	0	-1	1
2011	-10	-13	-12	-12	-1	0	0	-1
2012	-11	-8	-7	-8	-2	1	1	1
2013	-8	-7	-6	-7	1	2	3	2
2014	-9	-11	-10	-13	1	3	3	2
2015	-15	-15	-15	-15	0	-2	-1	-2
2016	-18	-18	11	-17	-5	-3	-2	0
2017	-13	-12	-13	-13	-5	0	-1	-1
2018	-15	-14	-15	-14	-3	-2	-1	-2
2019	-14	-14	-15	-15	-4	-1	0	-1
2020	-14	-17	-14	-10	-3	0	-4	0
2021	-	-	-	-	-1	-	-	-

Источник: составлено автором по данным Росстата [Электронный ресурс].
URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2021).

Таблица 3 / Table 3

Оборот розничной торговли в 2006–2021 гг., в % / Retail trade turnover for the period of 2006–2021, in %

Год	Квартал				Квартал			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
	Фактические изменения				Перспективы измененияI			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
2006	1	7	21	26	19	26	24	26
2007	7	13	25	28	18	25	27	28
2008	13	23	31	27	20	31	32	34
2009	-18	-12	3	5	20	10	13	16
2010	-17	0	11	13	7	16	19	21
2011	-10	0	8	9	12	18	18	19
2012	-12	2	9	12	8	18	19	18
2013	-12	3	10	6	10	21	21	18
2014	-17	-2	5	-1	10	21	21	16
2015	-25	-13	-5	-11	6	8	13	10
2016	-31	-14	-6	-10	1	8	12	8

Окончание табл. 3

Год	Квартал				Квартал			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
	Фактические изменения				Перспективы измененияI			
2017	-30	-13	-4	-7	-1	13	12	8
2018	-31	-11	-5	-4	0	11	11	6
2019	-26	-7	-1	-5	-3	12	12	9
2020	-28	-35	-4	-4	-2	14	1	6
2021	-	-	-	-	-5	-	-	-

Источник: составлено автором по данным Росстата [Электронный ресурс].
URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2021).

Факторы, ограничивающие производственную деятельность в 2007–2020 г.

Рассмотрим факторы, ограничивающие производственную деятельность, которые были определены с помощью опроса предпринимателей (рис. 2–7):

1. Недостаточный платёжеспособный спрос.

Недостаточность платёжного спроса возникает в III–IV кварталах 2019 г., а в 2020 г. ещё больше усиливается. В 2016 г. в среднем недостаточность платёжного спроса составляла 57%, в 2017 – 55%, в 2018 – 50,5%, в 2019 – 53,5%, в 2020 – 56,25% (рис. 2).

Увеличение недостаточности платёжного спроса в 2020 г. прежде всего связано с пандемией. Многие предприятия, организации были вынуждены приостановить бизнес на несколько месяцев, а некоторые и вовсе закрыться. Зарплата выплачивалась в меньшем размере, некоторые уволенные сотрудники получали пособия из фонда занятости. Сумма поддержки из фонда занятости на 1 апреля 2020 г. составляла 12 130 руб. [6, с. 69].

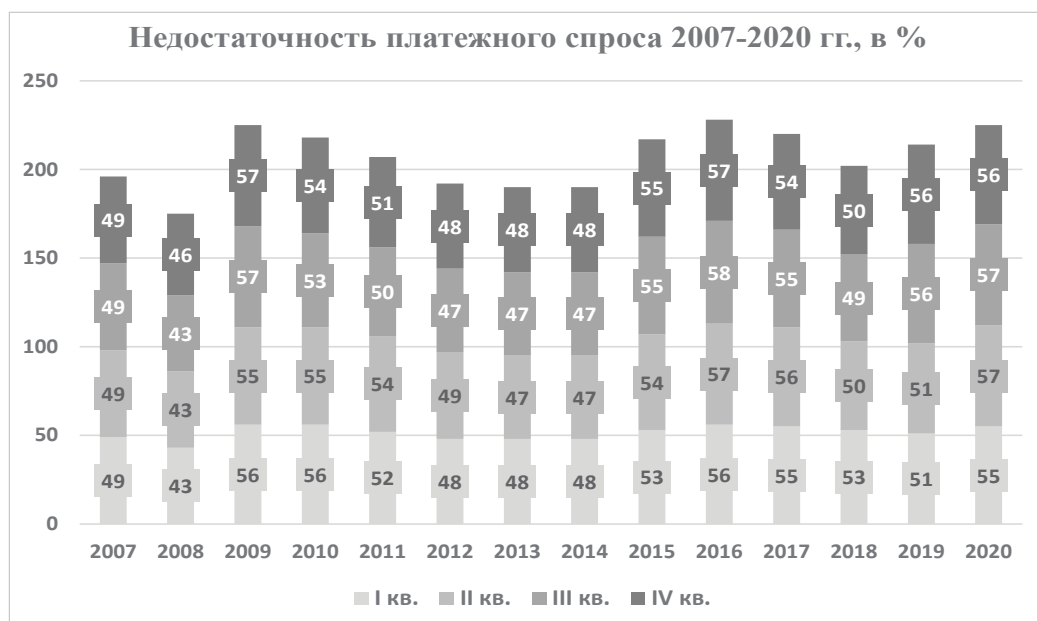

Рис. 2 / Fig. 2. Недостаточность платежного спроса в 2007–2020 гг., в % / Lack of payment demand in 2007–2020, in %

Источник: составлено автором по данным Росстата [Электронный ресурс].
URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2021).

Большое влияние на деятельность организаций розничной торговли оказывает недостаточный платежеспособный спрос, вызванный пандемией COVID-19. Влияние данного фактора обостряется во II и III квартале 2020 г. (по 57%).

2. Недостаток финансовых средств.

Многие предприятия малого и среднего бизнеса не имеют собственных средств для своего развития. В среднем в 2020 г. недостаток финансовых средств для бизнеса составил 28,25%. Хотя в 2007 г. этот показатель составлял 43%, это значительно больше, чем в 2020 г. (на 17,75%) (рис. 3).

Рис. 3 / Fig. 3. Недостаток финансовых средств у бизнеса 2007–2020 гг., в % / Lack of financial resources in business 2007–2020, in %

Источник: составлено автором по данным Росстата [Электронный ресурс].

URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2021).

Брать кредитные средства в банках для малого и среднего бизнеса слишком дорого, первые 2 года они вынуждены отдавать только проценты банку и часть займа. На развитие своего бизнеса остаются небольшие средства [7, с. 155].

3. Высокий уровень налогов.

Каждое предприятие и организация стараются выбрать оптимальный вариант налогообложения. В Налоговом кодексе РФ существуют специальные налоговые режимы налогообложения¹. Но не весь бизнес подходит под критерии перехода на специальный налоговый режим, например, на упрощённую систему налогообложения (УСН)². В последние годы уровень налоговых платежей значительно уменьшился (рис. 4).

¹ Ст. 18 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) // Законодательство Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://fzrf.su/kodeks/nk-2> (дата обращения: 12.05.2021).

² Ст. 346.12 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) // Законодательство Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://fzrf.su/kodeks/nk-2> (дата обращения: 12.05.2021).

Рис. 4 / Fig. 4. Уровень налогов 2007–2020 гг., в % / Tax rate 2007–2020, in %

Источник: составлено автором по данным Росстата [Электронный ресурс].
URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2021).

Если в 2007 г. уровень налогов составлял в среднем 46%, в 2011 – 61,5%, в 2012 – 58,75%, в 2016 – 49,75%, в 2017 – 45,75%, в 2019 – 45,25%, в 2020 – 46%. Если сравнить 2020 г. с 2012 г. налоговые платежи уменьшились на 12,75%, а с 2016 г. на 3,75%. Но на сегодняшний день уровень налогов остается высоким. Отменен с 2021 г. единый налог на вмененный доход, который был очень выгоден для малого и среднего бизнеса и который рассчитывался от вмененного дохода, установленного государством, ввёлся торговый сбор [8, с. 669].

4. Высокая арендная плата.

Арендная плата для организаций – это самые большие расходы.

Из рис. 5 видно, что в 2017 г. в среднем аренда в расходах организаций составляет 28,5%, в 2018 г. – 27,25%, 2019 г. – 29%, в 2020 г. – 30%. В последние 3 года арендная плата в среднем увеличивается на 1,75% в 2019 г. по сравнению с 2018 г. и на 1% в 2020 г. по сравнению с 2019 г. В 2008 г. арендная плата составляла в среднем 30,5%, это на 0,5% меньше, чем в 2020 г. Это связано, прежде всего, с ростом энергоносителей (топливо, вода, электроэнергия).

5. Высокая конкуренция в сфере розничной торговли.

Всем известно, что быстрее всего получить прибыль через куплю-продажу. Приобрел товар по одной цене, сделал наценку и продал по большей цене [9, с. 30]. Но и здесь, в сфере розничной торговли, конкуренция достаточно большая (рис. 6).

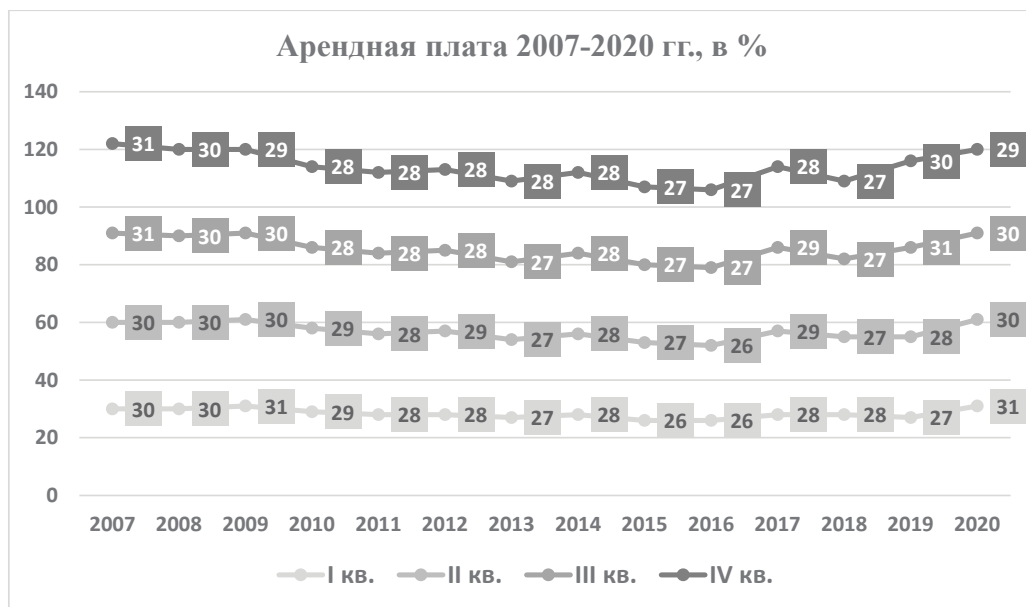

Рис. 5 / Fig. 5. Арендная плата 2007–2020 гг., в % / Rent 2007–2020, in %

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Рис. 6 / Fig. 6. Конкуренция в сфере розничной торговли 2008–2020 гг., в % / Retail Competition 2008–2020, in %

Источник: составлено автором по данным Росстата [Электронный ресурс].
URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2021).

В 2020 г. средний процент конкуренции составляет 68,5%, в 2019 г. – 67,75%, но в 2008 г. – 72,25%. По отношению к 2008 г. в 2020 г. конкуренция со стороны других организаций розничной торговли уменьшилась на 3,75%.

6. Высокие транспортные расходы.

Транспортные расходы – это ещё одна большая статья расходов любого бизнеса. Рост цен на бензин, ремонт транспортных средств, страховка транспортных средств – все это ложится на бизнес (рис. 7).

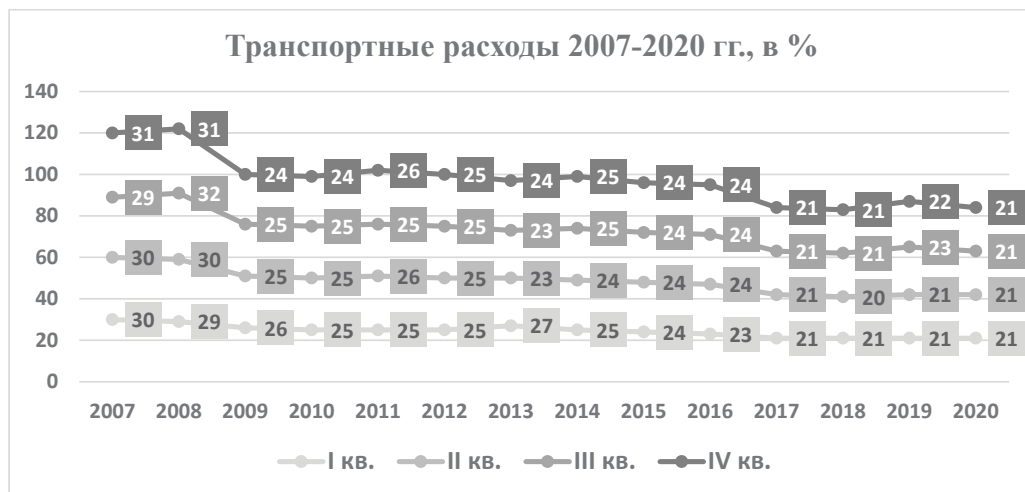

Рис. 7 / Fig. 7. Транспортные расходы 2007–2020 гг., в % / Transportation costs 2007–2020, in %

Источник: составлено автором по данным Росстата [Электронный ресурс].

URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2021).

Транспортные расходы в 2020 г. составили 21%, в 2019 г. – 21,75%, в 2007 г. – 30%. Они уменьшились по сравнению с 2007 г. на 9%, но всё равно эти расходы для малого и среднего бизнеса достаточно высокие.

Можно сделать вывод, что решающим фактором, ограничивающим производственную деятельность организаций розничной торговли как в 2020 г., так и в прошлые годы является высокая конкуренция со стороны других организаций. Высокое значение данного фактора обусловлено популярностью данного вида деятельности в России – быстрая окупаемость и высокая рентабельность продаж и активов.

Рентабельность проданных товаров, (продукции, работ, услуг) рассчитывается как соотношение между величиной сальдированного финансового результата от продажи товаров (продукции, работ, услуг) и себестоимостью проданных товаров (продукции, работ, услуг) с учётом коммерческих и управленческих расходов.

Рентабельность активов рассчитывается как соотношение сальдированного финансового результата и стоимости активов организаций. В случае если сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) отрицательный, то имеет место убыточность (рис. 8)¹.

В целом за 2020 г. на фоне пандемии, нестабильной экономической ситуации и множества препятствий для развития и функционирования бизнеса в России рынок розничной торговли пострадал не так сильно, особенно в сфере продаж продуктов питания (рис. 8).

¹ Прим.: Всем расчётным значениям, рассмотренным на рис. 8–9, свойственна сезонная составляющая.

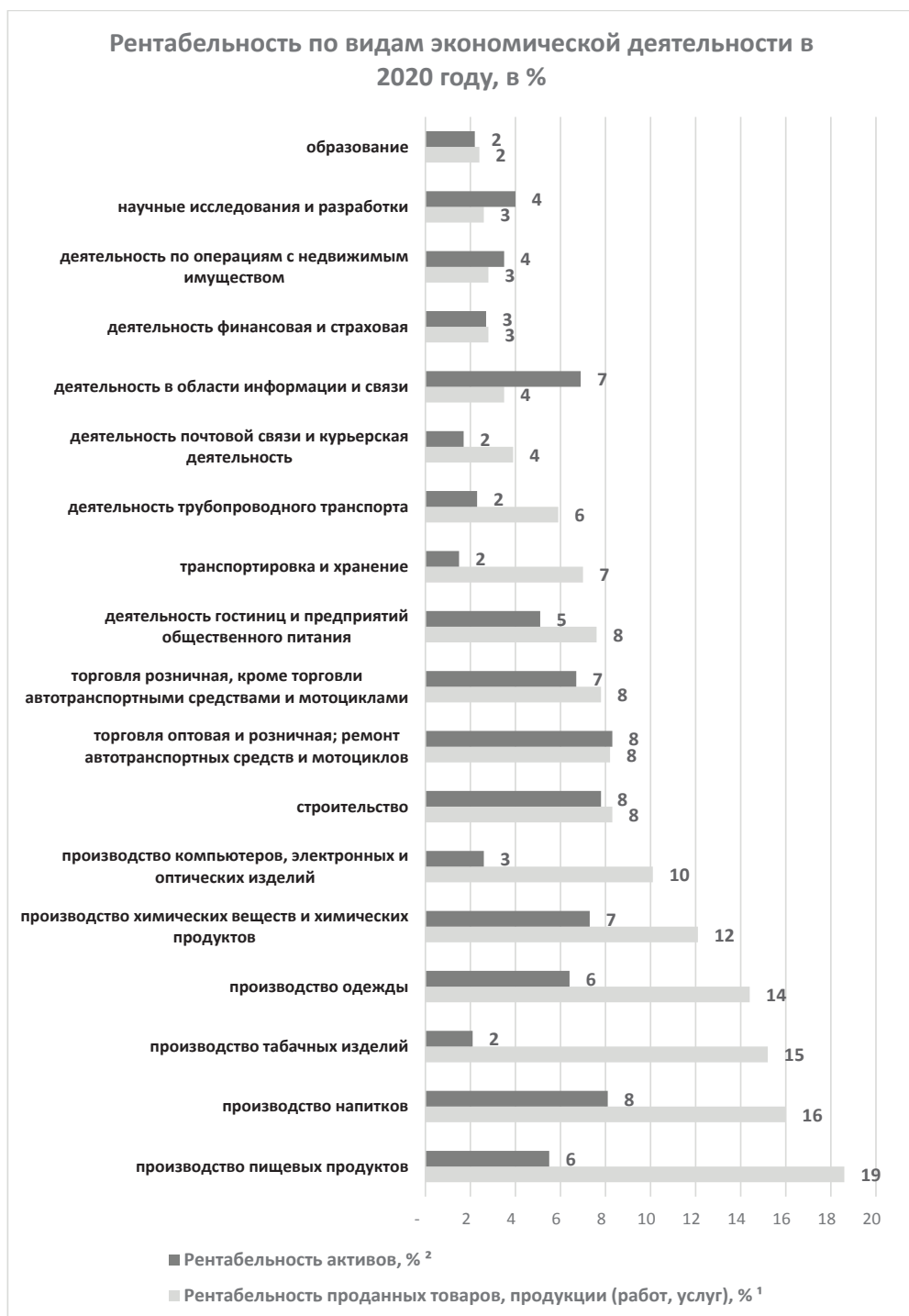

Рис. 8 / Fig. 8. Рентабельность продаж и рентабельность активов организаций по видам экономической деятельности в 2020 г., в % / Return on sales and return on assets of organizations by type of economic activity in 2020, in %

Источник: составлено автором по данным Росстата [Электронный ресурс].
 URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2021).

Рынок розничной торговли в части бытовой техники пострадал сильнее (производство компьютеров, электронных и оптических изделий) т. к. данные товары обладают высокой эластичностью, и потребительский спрос на них сократился на фоне снижения доходов населения.

Рассмотрим налоговую нагрузку по видам экономической деятельности в 2020 г. (рис. 9). Налоговая нагрузка в данном случае рассчитана как отношение суммы налогов и сборов по данным официальной статистической отчетности ФНС России к обороту организаций по данным Росстата, умноженное на 100%.

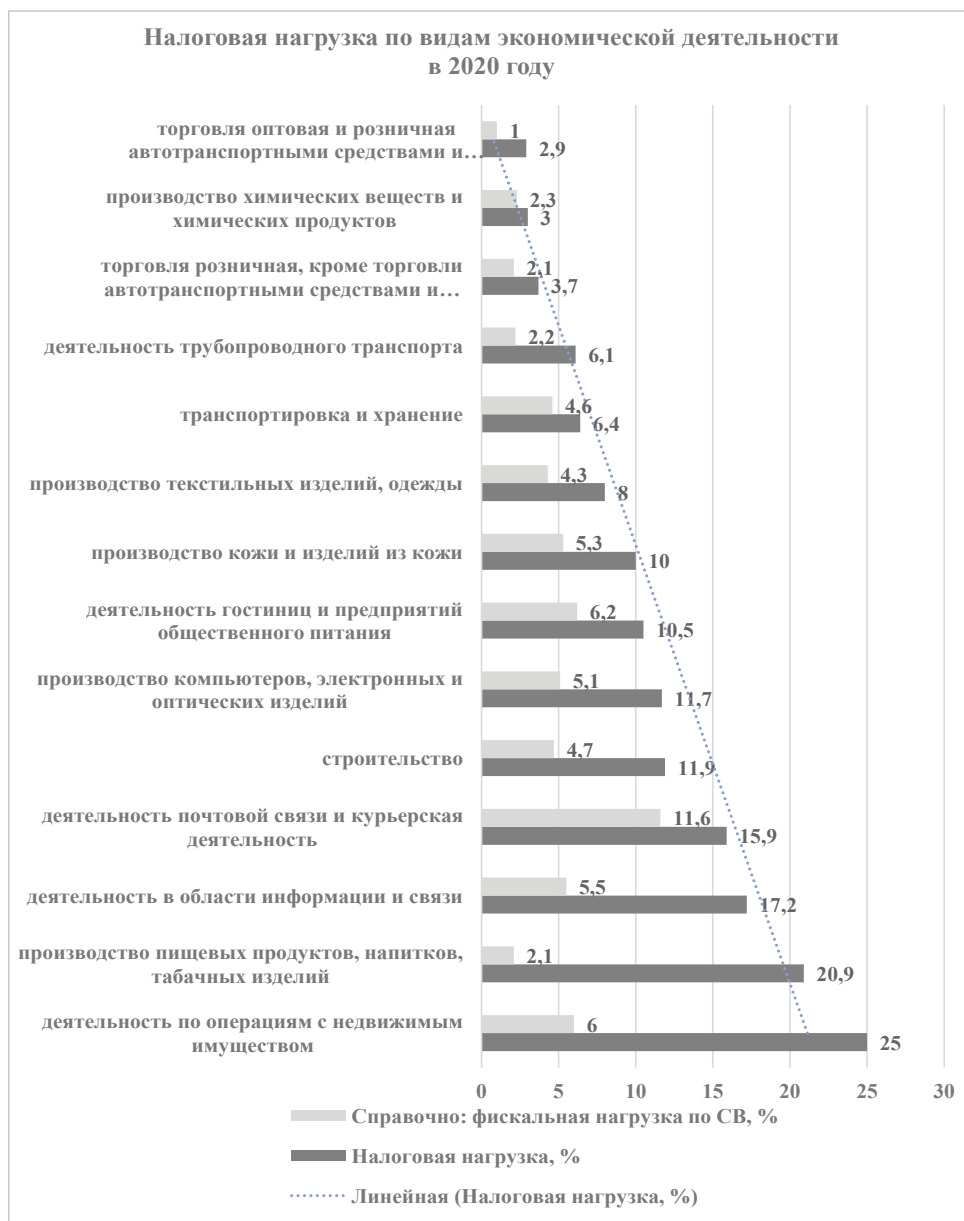

Рис. 9 / Fig. 9. Налоговая нагрузка по видам экономической деятельности в 2020 г., в % / Tax burden by type of economic activity in 2020, in %

Источник: составлено автором на основе данных ФНС.

Существенная налоговая нагрузка ложится на организации следующих отраслей:

1. Деятельность по операциям с недвижимым имуществом – 25%.
2. Производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий – 20,9%.
3. Деятельность в области информации и связи – 17,2%.
4. Деятельность почтовой связи и курьерская деятельность – 15,9%.
5. Строительство – 11,9%.

Из рис. 9 видно, что относительно низкое налоговое бремя имеет розничная торговля, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами – 3,7%, производство химических веществ и химических продуктов – 3,0%, оптовая и розничная торговля транспортными средствами и мотоциклами – 2,9%.

Заключение

Малые и средние предприятия более уязвимы в условиях кризиса. Кризис вынуждает значительное число предприятий, организаций и индивидуальных предпринимателей закрыться, а это отрицательно влияет на экономику России. Снижение числа малых и средних предприятий, организаций на 1% может привести к сокращению Валового регионального продукта (ВРП) от 0,06 до 0,17% [2, с. 79]. Но даже в условиях пандемии наиболее актуальным вопросом для любой коммерческой организации – это выбор правильной системы налогообложения с целью минимизации налоговых расходов и повышения прибыли. Будет прибыль – будет развивается и бизнес, т. о. сохранятся рабочие места на предприятиях и организациях, будут выплаты заработной платы сотрудникам и сохранятся социальные гарантии, а в результате развития бизнеса будет рост экономики России [4, с. 23].

Статья поступила в редакцию 16.06.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесян Э. А. Оценка воздействия COVID-19 на развитие субъектов малого и среднего предпринимательства // Кант. 2020. № 4 (37). С. 15–19.
2. Земцов С. П., Царева Ю. В. Тенденция развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 5. С. 71–82.
3. Зимовец А. В., Сорокина Ю. В., Ханина А. В. Анализ влияния пандемии COVID-19 на развитие предприятий в Российской Федерации // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 5. С. 1337–1350.
4. Кийски С. В., Семёнова Г. Н. Специальные налоговые режимы для развития малого и среднего бизнеса // Современные проблемы, тенденции и перспективы развития предпринимательства в России / отв. ред. Т. Б. Фомина. М., 2021. С. 17–26.
5. Китрар Л. А., Липкинд Т. М., Остапкович Г. В. Индикаторы деловой активности в сфере услуг: отраслевые тенденции в период коронакризиса. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 11 с.
6. Левашенко А. Д., Коваль А. А. Меры финансовой и нефинансовой поддержки МСП в условиях ситуации с COVID-19 // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 5. С. 66–70.
7. Панькова Д. А. Состояние и поддержка малого и среднего бизнеса в период пандемии 2020 года // Современные проблемы, тенденции и перспективы развития предпринимательства в России / отв. ред. Т. Б. Фомина. М., 2021. С. 153–157.
8. Семенова Г. Н. Влияние налогообложения на развитие бизнеса // Экономика и предпринимательство. 2020. № 3 (116). С. 667–671.

9. Семенова Г. Н. Малый бизнес и система оптимизации налогообложения // Перспективы развития предпринимательства в России / отв. ред. Л. И. Чистоходова. М., 2017. С. 28–31.

REFERENCES

1. Avanesyan E. A. [Assessment of the impact of the COVID-19 on the development of small and medium-sized businesses.]. In: *Kant* [Kant], 2020, no. 4 (37), pp. 15–19.
2. Zemtsov S. P., Tsareva Yu. V. [Development trend of the small and medium-sized enterprises sector in the context of a pandemic and crisis]. In: *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic development of Russia], 2020, vol. 27, no. 5, pp. 71–82.
3. Zimovets A. V., Sorokina Yu. V., Khanina A. V. [Analysis of the impact of the COVID-19 pandemic on the development of enterprises in the Russian Federation]. In: *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economics, entrepreneurship and law], 2020, vol. 10, no. 5, pp. 1337–1350.
4. Kiisky S. V., Semenova G. N. [Special tax regimes for the development of small and medium-sized businesses]. In: Fonina T. B., ed. *Sovremennye problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya predprinimatel'stva v Rossii* [Modern problems, trends and prospects for the development of entrepreneurship in Russia]. Moscow, 2021, pp. 17–26.
5. Kitarr L. A., Lipkind T. M., Ostapkovich G. V. *Indikatory delovoi aktivnosti v sfere uslug: otraslevye tendentsii v period koronakrizisa* [Service business indices: industry trends during the coronavirus crisis]. Moscow, Higher School of Economics National Research University Publ., 2020. 11 p.
6. Levashenko A. D., Koval A. A. [Measures of financial and non-financial support for SMEs in the context of the situation with the COVID-19]. In: *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic development of Russia], 2020, vol. 27, no. 5, pp. 66–70.
7. Pankova D. A. [Condition and support of small and medium-sized businesses during the 2020 pandemic]. In: Fonina T. B., ed. *Sovremennye problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya predprinimatel'stva v Rossii* [Modern problems, trends and prospects for the development of entrepreneurship in Russia]. Moscow, 2021, pp. 153–157.
8. Semenova G. N. [Impact of taxation on business development]. In: *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship], 2020, no. 3 (116), pp. 667–671.
9. Semenova G. N. [Small business and the system of tax optimization]. In: Chistokhodova L. I., ex. ed. *Perspektivy razvitiya predprinimatel'stva v Rossii* [Prospects for the development of entrepreneurship in Russia]. Moscow, 2017, pp. 28–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенова Галина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учёта и налогообложения Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова; доцент кафедры экономики и предпринимательства Московского государственного областного университета;
e-mail: Sg6457@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina N. Semenova – Cand. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Department of Accounting and Taxation, Plekhanov Russian University of Economics, Department of Economics and Entrepreneurship, Moscow Region State University;
e-mail: Sg6457@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Семенова Г. Н. Оценка тенденций развития бизнеса в России в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 3. С. 122–137.

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-122-137

FOR CITATION

Semenova G. N. Assessment of business development trends in Russia under the COVID-19 pandemic. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2021, no. 3, pp. 122–137.

DOI: 10.18384/2310-6646-2021-3-122-137

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА
2021. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик Е. В. Приказчикова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101);
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 8,75, уч.-изд. л. 9.
Подписано в печать: 18.10.2021. Дата выхода в свет: 22.10.2021. Заказ № 2021/10-04.
Отпечатано в МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А